

Юрий Лужков

**ПОСОБИЕ
ДЛЯ БУДУЩЕГО
МЭРА**

ОСНОВАТЕЛЮ
МОСКВЫ
ЮРИЮ
ДАВЫДОВИЧУ

Юрий Лужков

**ПОСОБИЕ
ДЛЯ БУДУЩЕГО
МЭРА**

*Двенадцать бесед
в библиотеке*

Москва
ОАО «Московские учебники
и Картолитография»
2003

ББК 60 (2-2 Москва)
Λ 82

Лужков Ю.М.

Λ 82 Пособие для будущего мэра: Двенадцать бесед в библиотеке. - М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2003. - 384 с.

ISBN 5-7853-0354-x

В книге анализируется обширный комплекс проблем, стоящих перед Москвой - крупным мегаполисом и столицей Российской Федерации.

Для широкого круга читателей, в первую очередь - москвичей. Для тех, кто думает о будущем Москвы и России.

ББК 60 (2-2 Москва)

ISBN 5-7853-0354-x

© ОАО «Московские учебники
и Картолитография». 2003

К ЧИТАТЕЛЮ

Среди повседневных дел мэра Москвы, официальных приемов, заседаний и хозяйственных проблем, иногда случаются встречи, которые не укладываются в деловой график. И тогда разговор идет о театре или архитектуре, облик родного города или последних политических новостях. Кто-то рассказывает о проблемах, кто-то приносит книги, иногда свои, иногда чужие.

Из таких встреч рождается новое видение, новый образ того дня, того времени, которое течет за стенами кабинета на Тверской, 13. Может быть, именно в эти часы и минуты у мэра рождаются Идеи. Иногда - новые экономические проекты, иногда - новые книги. Конечно, собеседники приходят к полному согласию далеко не всегда. Все мы люди со своим мнением, и хозяин кабинета отнюдь не часто соглашается с собеседниками.

Много, очень много книг приходит в кабинет на Тверской со всех концов страны, со всего мира. Сегодня это уже целая Библиотека, рабочая библиотека мэра. Юрий Михайлович часто спускается сюда, чтобы хоть ненадолго оторваться от потока звонков, встреч, документов, чтобы поговорить с людьми, которые ждут не его визы на очередном проекте, а общения с одним из самых интересных людей России.

В библиотеке стоят Библии, подаренные Патриархом, философские трактаты, издания о пчеловодстве, книги

по русской истории. Именно здесь, в этих стенах, шло несколько лет назад горячее обсуждение проекта федеральных округов. Здесь обсуждались отчеты о воссоздании Храма. Иногда беседы посвящены актуальным проблемам, иногда начинаются с разговора о детях. Немало споров велось после выхода книги «Возобновление Истории». Кто-то спешил поделиться своими соображениями. Были беседы по существу. Какие-то вопросы так и остались без ответа...

Из этих и других встреч сложилась книга, которую вы держите в руках. Беседы не были регулярными. Иногда от текущих дел удавалось выкроить только пятнадцать минут, а иногда и полновесные два часа. Магнитофонная лента накручивала оборот за оборотом. Мэр Москвы открывал нам свое понимание проблем, стоящих перед городом, страной, перед всем миром. Именно понимание - самое интересное. Оно обычно остается «за кадром», заслоняется сухими формулировками постановлений и указов. Очень часто мэр не имел готового ответа, брал паузу или просто формулировал свой подход, свое отношение к вопросу.

В книге нет (почти нет) рецептов. Она носит постановочный характер. Это - приглашение к размышлению над проблемами, важными для всех нас.

*Генрих Боровик
Мэлор Стуруа*

I

**«ФОРМУЛЫ ВЛАСТИ
НЕ СУЩЕСТВУЕТ?..»**

Юрий Михайлович, бытует расхожее представление о некоей «формуле власти», познав которую можно понять, каким образом люди поднимаются на властные вершины, что позволяет им удерживать бразды правления и т.д. Если такая формула действительно существует, то Лужков должен ее знать...

Что такое «формула власти»? Если набор формальных правил и критериев, которым надо соответствовать, чтобы быть избранным или назначенным на высший пост - мэра, Президента, министра, лидера партии, главы корпорации, - то набор этот известен и доступен. Возьмите Конституцию, законы, устав фирмы или партии - там все сказано. И другого пути нет, или он будет противозаконен.

Но «формулу власти» можно понимать и как индивидуальный, личный путь к власти. Почему избрали или назначили именно Лужкова, а не Иванова, Петрова или Сидорова - тоже людей достойных. Возможно, даже более подходящих для данной должности, чем Лужков. Такую «формулу власти» каждый выстраивает для себя сам. Кому-то удастся. Кому-то - не очень. Кому-то совсем не удастся. А кому-то это и вовсе не нужно.

Вот помнится мне, как когда-то в детстве в нашем дворе на Зацепе бабушка одного такого Пети любила повторять всем соседям: «Это подрастает крупный советский администратор. Подрастет - отдадим в Плехановский институт». А Петя руководил в песочнице малышней - этак вдумчиво и серьезно объяснял, где, что и как строить. Мы-то были постарше, побезалабернее, все больше норовили поиграть в футбол, мечтали стать летчиками-морьяками-пограничниками-инженерами... Запомнилось это, наверное, потому, что слово было такое необычное - «администратор». Потом Петя с бабушкой куда-то уехали, я потерял его след. Но, признаюсь, всю жизнь, слушая новости по телевизору или читая газеты, жду, хочу услышать его фамилию. Вот может человек вычертить свой жизненный путь «наверх» - либо сам, либо по подсказке близких людей - и пройти по этому пути? И не слышу о Пете ничего.

Для «хождения во власть» нужно совпадение, пересечение нескольких моментов, притом на протяжении очень долгого времени, практически всей жизни. Это хождение должно быть зачем-то нужно самому человеку. Оно должно служить каким-то коллективным нуждам, потребностям - страны, города, партии, общественного движения, корпорации. И надо уметь устанавливать отношения с людьми - чтобы тебя знали, ценили по достоинству, уважали как человека, способного сделать дело. Любили? Нет, не обязательно. Даже не нужно, мешать будет. Именно ценили бы как работника. Руководитель - это же тоже работник, только результаты его труда - качественные решения и организация их выполнения.

Думаю, что у каждого человека есть некий внутренний импульс к общественной самореализации. Такой

социальный зуд - стремление «показать себя», стать не хуже, а лучше других, что-то сделать конкретное, занять достойное место. Куда именно человек направит этот импульс - тут многое решает случай. И особенно много случайного в восхождении человека к вершинам власти. Особенно в периоды общественной ломки, а мы уже лет пятнадцать из нее выйти не можем.

А ключ к успеху, верхняя и самая дальняя граница этого успеха, как подсказывает мой опыт, все-таки определяются тем, делаешь ты все это ради себя - чтобы повыше забраться, подольше посидеть, повластвовать, как душа просит, - или для людей, в интересах дела. *Я могу предложить работающее решение и организовать его выполнение. Стараюсь не только для себя, но для общей пользы, и мне это, как правило, удается. Мне нравится эта работа, я способен ее делать так, что перед людьми не стыдно.*

Вот это, если хотите, и есть моя формула власти.

Один человек мне когда-то признавался: «Всегда хотел стать директором, еще со школы...» Он директорствует уже давно. Не хочу сказать ничего плохого, двусмысленного. Понимаю такую позицию. И встречался с ней в жизни много раз. Кому-то нужны социальное положение, статус. Кому-то деньги. Кому-то власть. Кому-то все это вместе.

А кому-то невтерпещ делать дело, реализовать себя, раскрыть все свои возможности. И чем большего достигаешь. тем больше хочется сделать еще. Взяться за что-то новое, попробовать себя в разных делах и обстоятельствах. Вот я - из этой породы. Хорошо это или плохо - не мне судить, да и пустой разговор такие пересуды. Человек таков, каким его сделали наследственность, учение и воспитание, обстоятельства и жизненный опыт. В 66 лет себя не переделаешь.

На Востоке говорят: «Властитель подобен человеку, взгромоздившемуся на льва. Все кругом в страхе, а сам седок - в ужасе». Если он не удержится и упадет - лев его загрызет первого. В общем, правильная, конечно, поговорка. Сколько я таких седоков повидал...

Но речь не о них. Власть помогает делать дело. Власть позволяет быть услышанным, дает дополнительные шансы для самореализации. И чем выше власть, тем больше в ней скрыто таких возможностей. Конечно, власть накладывает ответственность. Но если умеешь и можешь делать дело, ответственности бояться нечего. Наоборот, она дисциплинирует, помогает мобилизоваться.

Власть - это постоянная, ежеминутная необходимость принимать позитивные решения, находясь в потоке людей, вещей, идей. И в самом этом потоке находить ресурсы для их исполнения. И делать все это таким образом, чтобы жизнь людей улучшалась. Откровенно говоря, это изнуряет, если... если не пользоваться кое-какими «хитростями». «Хитрости» эти очень простые. Их, пожалуй, две основные. Я бы их обозначил так - командность и вездесущность.

Первое, главное. Ничего не стоят разговоры о том, что некий руководитель может единолично решать свои задачи. Это невозможно физически. Любая система управления предполагает делегирование полномочий. Ничего другого человечество пока не придумало. Команда - это главное. Для меня профессиональная компетентность работника, честность, забота об интересах города, его жителей - все это абсолютно необходимые требования к членам команды. Это должны быть люди - нет, не согласные со мной, не этикие клоны Лужкова, рассаженные по ступенькам. Я бы скорее говорил об оркестре - о боль-

шом, подобном симфоническому, оркестре, где каждый исполняет свою партию и пользуется очень разными инструментами - от скрипки до барабана. Но все слышат друг друга и смотрят на дирижера. Он задает темп, ритм, он создает цельность звучания оркестра. В этом оркестре инструменты разные, но все они нужные и все настроены по одному камертону. И получается симфония.

Вторая «хитрость» - контакт с реальностью. Пирамида власти, в которой полномочия делегируются, способна изолировать человека, облеченного властью, от жизни. Если руководитель будет получать только те импульсы, которые прошли через несколько «фильтров» на разных уровнях пирамиды, он рискует оказаться в мире иллюзий, сотканном из каких-то отрывочных сведений. И не только потому, что его могут умышленно вводить в заблуждение. Проходя через многочисленные каналы связи, эти импульсы ослабевают, «глушатся» естественными шумами. И очень важно не утратить живую связь - не буду говорить с реальностью, скажу - с людьми. Регулярные объезды города, встречи с москвичами - и непосредственные, и «усиленные» - через телевидение, в прямом эфире - без этого я не представляю себе свою работу.

...Цель, ради которой человек идет во власть, предопределяет и путь к власти. И выбор средств на этом пути. И содержание, использование власти, если и когда ты ее получил. То, как ты распорядился маленькой властью, полученной в самый первый раз, многому учит тебя самого и повышает или понижает шансы на следующее продвижение. И так на каждом очередном уровне. Мэрами и президентами не сразу становятся. *Не трать время и силы попусту, не бойся никаких*

проблем, думай и вкалывай, обязательно добивайся хоть малого, но положительного результата и все время повышай себе планку. Не в смысле занимаемых постов, а по сложности и ответственности дела, которому отдаешь себя.

Наверное, эта формула подойдет не каждому. Но и мне другая не подходит. Как в футболе: правила для всех одинаковые, а игра у каждого своя. И команда своя - та, что ближе по характеру. Хороший игрок в какой ни попадя команде не сыграет.

Император Поднебесной, восходя на трон, избирал себе девиз. Вот некоторые из них: «Ясный путь», «Блестящее наследие», «Расцвет, дарованный Небом». Эта традиция не является чуждой и для России. При каждом царе, генсеке или президенте в официальном обороте присутствовали слова и лозунги, призванные в концентрированном виде выразить специфику правления, его отличия от предшественников, его ориентиры. Есть ли такой девиз у Вас? Что Вами движет?

Я не император, не престолодержатель. Наследие у Москвы внушительное, но сложное и не во всем блестящее. Небо как-то не торопится ничего даровать «на халяву» ни городу, ни мне. И трона у меня нет - слава Богу! - я не правлю. Я исполняю обязанности, которые мне доверили избравшие меня москвичи. Стараюсь служить городу и людям как можно лучше.

Поверьте, для меня это не дежурные слова. Это, если хотите, моя философия управления на посту мэра Москвы - на должности выборной, демократической, вручаемой народом. Эта философия мной и движет - плюс то, о чем я говорил, отвечая на первый вопрос.

Девиз должен выражать смысл и направленность деятельности. Чтобы в конце срока пребывания в должности можно было, не кривя душой, сказать: «Идеа-

ла не достиг. Но что обещал, к чему стремился, то и старался делать. Итоги на сегодня - вот они. Судите, оценивайте». Девиз на моей должности у меня есть: *«Для процветания Москвы и России!»*

Вы знаете, я ведь сам часто задаю себе подобные вопросы. Это вопросы не только о себе, но о человеческой жизни вообще. Каждому из нас дается бесценный дар - жизнь. Жизнь как набор возможностей. Да, этот набор может быть у разных людей меньшим или большим. Но если сравнивать жизнь с небытием, несуществованием, то набор этот чуть ли не бесконечен, и человек наделен свободой воли. Все это настолько естественно, что человек не замечает, не понимает, что обладает этим даром. Это как с воздухом, о котором человек начинает думать тогда, когда ощущает его нехватку. Так и с жизнью - с возрастом эту нехватку ощущаешь все больше и больше. И возникают мысли: так ли ты распорядился своей жизнью, сколько тебе еще осталось, можно ли успеть еще что-то сделать, и если делать, то что?

Стал замечать за собой, что все чаще думаю о том, что после меня останется. Я - градоначальник, мэр, устроитель города. Так сложилась моя жизнь. Можно, конечно, помечтать о памятнике с надписью «Благодарные москвичи Юрию Лужкову». И там - бронзовый я, и обязательно в кепке. И еще рукой куда-нибудь указываю.

Но мечтаю я о другом - чтобы сама Москва была напоминанием обо мне. Чтобы люди помнили - это было сделано «при Лужкове». Как сейчас московские бюджетники, я знаю, называют муниципальные дополнения к зарплате «лужковскими», хотя, ясное дело, это к москвичам возвращаются заработанные ими же самими деньги. Чтобы будущие москвичи думали, что

даже Лужники названы по моей фамилии. Конечно, найдутся и люди, которые скажут о чем-то: «Это при Лужкове наворотили».

Для этого есть только один путь - делать так, чтобы Москва все время обновлялась, все время была живой и молодой. И это наша общая задача, потому что не может быть живой, молодой и веселой Москва без России - как не может жить сердце без тела.

Один известный персонаж утверждал: «70 - это расцвет для политика». Глядя на 66-летнего мэра Москвы, трудно не согласиться с этим утверждением. Но если окинуть взором российский политический небосклон, то окажется, что людей Вашего поколения единицы. Большинство годится Вам в сыновья, а некоторые - даже во внуки.

Как Вы воспринимаете эту ситуацию? Насколько Вам комфортно общаться с «политической молодежью»? Насколько вообще значимы в большой политике поколенческие различия? Они мешают? Или кому-то все-таки помогают?

Семьдесят - отличный возраст для любого физически здорового человека. Кем бы он ни был и чем бы ни занимался. Есть опыт, есть кругозор, есть наработанные годами отношения с людьми. Есть еще желание и способность работать, узнавать новое, учиться. Конечно, человек в этом возрасте физически не так крепок и вынослив, как в 20-30 лет, - хотя и тут надо смотреть конкретно. Но главное, 70-летний - носитель бесценного жизненного опыта.

Это я не себя хвалю. Я говорю о проблеме, которая у нас с годами не только не решается, но становится все острее и болезненнее. Ведь поглядите: миллионы стариков фактически выброшены из жизни. Заживо и в расцвете сил. Дело даже не в размере пенсий, хотя он позорен для государства, ободравшего как липку

именно старшие поколения. Москва тут, чем может, помогает пенсионерам, ветеранам, старикам. Но, повторяю, я сейчас не об этом.

Возьмите любую газету, почитайте объявления, кто требуется: люди от 25 до 35, реже - до 40-55 лет. А старше - редчайший случай, наверное, одно объявление за неделю. Причем параллельно идет и другой процесс: выдавливание с рабочих мест людей пенсионного возраста. В некоторых сферах деятельности применительно к некоторым должностям действует официальное правило: «не старше столько-то лет». Так в армии, в науке, в госуправлении. Где-то есть просто негласная практика.

Конечно, предприниматели сами решают, кто им нужен. Для каких-то дел и работ молодежь подходит лучше. И возрастные ограничения оправданны, даже необходимы, если мы говорим о пилотах, балеринах, работниках спецслужб - не знаю, о ком еще. Но Вы правы, людей моего поколения в политике считанные единицы. И не только в политике. За последние 15-20 лет из активной жизни оказались фактически вытолкнуты, выброшены поколения 50-, 60- и 70-летних. На мой взгляд, страна и реформы от этого проиграли. Катастрофически проиграли. Реформы не должны делаться хунвейбинами, это не «культурная революция» Мао. По крайней мере в идеале.

Молодежь приходит в мир, каков он есть, до какой-то поры не зная и не ведая, что было раньше, тем более не испытав прошлого на собственном опыте. Что они застают, то и воспринимают как нечто само собой разумеющееся, как заведенный порядок вещей. Неважно, что этот порядок мог возникнуть всего десяток лет назад. Для молодого человека то, что он застал, - хорошо это, или плохо, или «никак» - стартовый рубеж.

Отсюда начинается жизнь, отсюда она пойдет дальше: в мыслях, делах, эмоциях, во всем.

Старшее поколение знает, как было. Знает, что в жизни изменилось к лучшему: а что - не обязательно к лучшему, а может, и к худшему. Старшее поколение - носитель преемственности, консервативного и морального начала в жизни. Мораль, нравственность - это итог прожитой жизни, а для этого ее надо вначале прожить. Изгоняя из наших дел, из общественной жизни старшее поколение, мы изгоняем из нее традиции. В том числе традиции морали и нравственности, формировавшиеся веками. Начинаем в этой области с нуля или почти с нуля, когда могли бы продолжать движение от уже полученного, притом весьма дорогой ценой.

Вот в этом катастрофа радикальных перемен, расплата за перекосы в балансе поколений. Замечали, наверное, в школе, в детском саду, во дворе, какими жестокими могут быть маленькие дети. Это жестокость не со зла, а по возрасту. А что, разве наши молодые реформаторы не продемонстрировали куда как худшую жестокость - причем совершенно ненужную, никак не диктовавшуюся ни целями, ни условиями, ни ходом перемен? Разве не дали этим пищу для той критики и того недоверия к реформам, преобразованиям, которые породили новую волну осознанной аполитичности общества?! Платить нам еще всем за это и платить долгие десятилетия.

В идеале нужен баланс поколений, хотя каждая эпоха и каждая страна определяют для себя этот баланс по-своему. Но когда в политбюро единственному «молодому» его члену за пятьдесят - это ненормально. Когда в Академию наук избирают как молодых членов-корреспондентов в возрасте до 51 года -

это ненормально. Но вот когда в политическом руководстве и государственном управлении людей за 60 можно по пальцам перечесть - это тоже ненормально. Тоже социально нездоровый крен, только в другую сторону.

Проблема общемировая, а не только российская. Во многих развитых странах действует правило: стукнул человеку пенсионный год, он обязан выйти в отставку, иначе пожизненно теряет право на государственную пенсию.

Подобные правила и традиции вошли в практику, как мне кажется, под влиянием нескольких причин.

Одна из таких причин - гуманность. Тяжело смотреть, как на непосильной ему работе мучается пожилой или старый человек. Дадим ему пенсию... Но, во-первых, на пенсии он должен жить по-человечески. Во-вторых, а если он не мучается? Если работа ему посильна и в радость? Если он мучается как раз без работы? Сколько я за свою жизнь видел крепких пожилых людей - «стариками» их назвать язык не поворачивается, - которых заставили уйти на пенсию, и через год-другой, а были случаи, что и меньше чем за полгода, здоровый до выхода на пенсию человек умирал. От безделья и от сознания своей ненужности.

Другая причина - дефицит рабочих мест. Капитализм на первое место выдвигает эффективность бизнеса, понимаемую как его прибыльность. Здесь лишние наемные работники - обуза. При социализме на первом плане была социальная защищенность - но страдало производство, вообще экономика. Она становилась неэффективной, должна была содержать огромное число «работников», на деле не работавших. Во всех странах с социальной рыноч-

ной экономикой та же картина. Или крен в защищенность, расплатой за которую становится снижение темпов экономического роста, торможение экономики, потеря стимулов к труду. Или крен в либерализм, обратной стороной которого оказывается, помимо прочего, массовое выжимание стариков на обочину и за борт жизни.

Но есть и третья причина, на мой взгляд, во многом специфически российская. Кто делал революцию 1917 года? 30-40-летние, у которых и сил было достаточно, и агрессивности, и горизонт жизни впереди был еще большой, так что для них имело смысл рисковать и стараться. Кто активнее всех поддержал у нас распад СССР и воспользовался открывшимися с ним личными возможностями? Те же возрастные категории и по тем же причинам.

Скажите, если люди чего-то добились, завоевали какие-то высоты, позиции, они добровольно уйдут со временем в сторону, освободят место новым поколениям? Вряд ли. И тогда мы рискуем снова получить то, что в российской истории было уже не раз. Престарелое и недееспособное руководство доводит страну до ручки, а результатом становится очередной радикальный переворот.

Вот здесь мой ответ на вторую часть вопроса: комфортно или дискомфортно мне общаться с «политической молодежью». Мне - комфортно, и с политической, и с любой другой. Ведь молодость - это состояние души. Это - когда человек верит, знает, что он не исчерпал себя, что все впереди, что он все сможет. И способность понять других молодых, работать с ними, не замечая каких-то возрастных различий. И доверять им.

Если люди заняты делом, возраст отступает на задний план. Мне не просто комфортно, мне без молоде-

жи скучно. В конце концов, для чего и для кого все мы работаем, если не для детей? И когда дети растут, это необыкновенно интересно. Что в 2 года, что в 12, что в 22 или 42. Это прибавляет сил, эмоций, жизненного тонуса - всего, чего хотите.

При одном условии: если старшее поколение не чувствует себя обойденным. Но бывает: человек уже в возрасте, а на все или большинство подобных вопросов вынужден отвечать себе, что называется, «со знаком минус». Вот ему с молодежью будет дискомфортно.

Разница поколений есть, она ощущается во многом. В знаниях, опыте, подходе к делу. Но такая разница нормальна, она и должна быть. Если бы дети ничем не отличались от отцов и дедов, человек до сих пор пребывал бы в первобытном состоянии. Эта разница может иногда мешать, может помогать - все от человека зависит.

Конфликты поколений бывали и в прошлом. Вспомните тургеневского Базарова - не на пустом же месте он был написан и не зря так задел тогдашнее общественное мнение. Сколько в литературе описано случаев, когда тиран-купец до последнего держал в кулаке свое дело, не допуская к нему сыновей, - а потом сыновья оказывались неспособны к делу, или не интересовались им, или просто проматывали все до копейки. Иногда я думаю: не повторяется ли подобная картина на уровне общества... Но были и другие случаи, когда отец вводил детей в дело и по мере их успехов сам постепенно отходил в сторону.

Рецептов у меня нет. Но лично мне последний пример ближе. Старшие должны уважать младших - у нас обычно подчеркивают обратное. Но если ты не уважаешь детей - хуже того, если они и не заслуживают ува-

жения, - это приговор старшим. Такими ты их вырастил, такими воспитал. Если же старшие все сделали как надо, проблемы уважения, взаимного интереса, конфликта поколений просто не возникнет.

А если говорить о команде, то Вы знаете, что в ней, особенно на уровне советников, очень много молодых. И признаюсь честно, у меня есть еще одна «хитрость» - в первоочередном порядке рассматривать советы молодых и уже потом - «умудренных» годами и опытом.

Если взглянуть на библиотечную полку с надписью «Лужков», то на ней не найдешь мемуаров. Ну, может быть, с некоторой натяжкой к этому жанру можно отнести вышедшую много лет назад книгу «Мы дети твои, Москва!». Но она, скорее, автобиография, а не подведение итогов. Практически все написанное Вами - это наблюдения и рецепты, наблюдения жизни и рецепты лечения различных общественных расстройств. О книге «Путь к эффективному государству» так и писали, что это «рецепты доктора Лужкова».

С другой стороны, уже сегодня очевидно, что в истории Москвы будет такая глава - «эпоха Лужкова». Увидит ли когда-нибудь свет книга мемуаров Юрия Лужкова?

Мемуары писать не собираюсь. Даже думать об этом некогда. У меня такой характер - пока способен и имеешь возможность работать, надо работать. Время для воспоминаний придет своим чередом - если придет, если возникнет такая потребность.

Мемуары надо писать как большой научный труд - отрешившись от всего, уйдя с головой в прошлое, в поиск документов, воспоминания, переживания, анализ. Ничем другим при этом заниматься уже не будет ни времени, ни сил. Во всяком случае, все лучшие мемуары. какие мне доводилось читать, рождались именно так.

Вспомнить и сказать мне есть что, конечно. Но я пока еще могу, хочу и предпочитаю работать практически. А мемуары... Это слово происходит от французского *mémoire*, что значит «память». Мои мемуары, моя память - это после работы, когда отойду от дел.

II

КАК И ЗАЧЕМ РЕФОРМИРОВАТЬ ВЛАСТЬ?

Юрий Михайлович, Вы одновременно являетесь и реформатором, и критиком реформ. Само это слово - «реформы» - нечасто встречается в Ваших выступлениях в позитивном контексте. Если перенестись лет на двенадцать назад и начать снова, но уже с грузом сегодняшнего знания, - что бы Вы попытались изменить, предотвратить в новейшей истории России?

Трудный вопрос. Двенадцать лет назад... 1991 год... Тогда уже было поздно предотвращать. Тогда нас уже понесло с горы, и только успевай поворачивать и палками отмахивать. Предотвращать надо было году в 1982-1983-м. По большому счету, еще в конце 1960-х... А уж если по гамбургскому, то не позже 1905 года.

Для того чтобы предотвращать, нужно прежде всего максимально честно и полно обозначить проблему. Как мы ставили задачу в 1985-1986 годах, на старте перестройки? Когда, с одной стороны, уже совершенно очевидно было, что без скорейших и глубочайших перемен страна впадет в коллапс. А с другой - практические перемены еще не начались, их стратегические цели, долговременную стратегию и тактику еще можно было выбирать - и делать это осознанно, во всеоружии опыта, мозгов, науки. Вы вспомните, о чем тогда официально говорилось?

«Больше социализма». Даже если на тысячу процентов соглашаться с этим лозунгом, *чего именно* должно было стать больше? Тракторов, ракет, пионерских галстуков - чего? Речь ведь шла о качестве развития, не о его количестве. Какого социализма должно было стать «больше»? «Ленинского», «подлинного», «неизвращенного» - того самого, который и затянул нас туда, где мы тогда были. Понимаю, что в этом словоблудии было немало вынужденного политического лукавства. Но на лукавстве стратегические цели не строятся.

Один из помощников тогдашнего генсека, Черняев, кажется, написал в своих мемуарах, что «методология перестройки» осталась такой же насквозь большевистской, какой была до этого методология революции, коллективизации и всего прочего. Верные слова. Просто раньше «наверху» твердо знали, как надо сеять кукурузу под Архангельском, а теперь там же и так же твердо знали, как менять систему. В итоге - еще одна большевистская революция, на этот раз антикоммунистическая, антисоциалистическая, антисоветская.

Все эти «анти-» меня не пугают; плохо что революция. В четвертый за одно столетие раз. Революция и делается революционными методами, по-наполеоновски: ввяжемся в бой, а там посмотрим... И это под самый занавес того самого века, в котором весь развитый мир убедился в огромных преимуществах эволюционного, реформистского пути развития, на опыте России, между прочим.

То, что мы в итоге получили, - это не ошибки, не просчеты. Это закономерные результаты тех методов, которые применялись. Ничего иного при таком подходе и не могло получиться. Я вообще не уверен, что применительно к политике можно говорить об «ошибках». Ошибка - это когда заранее известен правильный ответ, и

можно сопоставить с ним фактический результат. В политике, да и в жизни вообще, заранее известны ответы только в совсем уж типовых ситуациях. В остальном же нужно творчество. А в творчестве - ясное понимание, что именно и для чего ты делаешь.

Что именно мы хотим предотвратить? Отдельные просчеты, которые сегодня уже, бесспорно, воспринимаются таковыми? Или появление условий, в которых подобные просчеты, не лучшие решения становятся возможны, даже неизбежны? Но это ведь совсем другая задача, и решать ее надо загодя, сильно загодя. За многие годы, даже десятилетия до того, как события начинают диктовать нам ультиматумы. Предотвращать неудачные решения начала 1990-х надо было десятью годами раньше, никак не позже.

Или - самое сложное и трудное - мы хотим предотвратить появление экстремальных условий и ситуаций любого рода? Экстрим - это не только ЧП, катастрофа, социальное потрясение, революция. Теневая экономика и коррупция, десятилетиями набиравшие силу, - это не экстремальность?! Руководство, с середины 1970-х впадавшее во все более глубокий маразм и не желавшее видеть происходившего, думать о последствиях пусть не для страны, хотя бы для себя лично, - это не экстрим?!

Реформы - хорошее слово. И в принципе неплохое дело. Но! -если становятся необходимы реформы, значит, время для чего-то упущено. И упущенные возможности надо ускоренно нагонять, компенсировать. Причем время в любом случае не вернешь. В идеале нужны не периодические реформы, а постоянная, стабильная работа на опережение проблем и неприятностей, на развитие.

Ведь у нас как? О реформах начинают говорить - еще только говорить, притом робко, двусмысленно.

с готовностью немедленно «отработать» назад - тогда, когда по большей части время для них уже жесточайше упущено. И говорят годами, десятилетиями. Сколько говорили об отмене крепостного права? Всерьез - с екатерининских времен. А решились только в 1861-м, а сделали лишь к началу 1900-х. Как же после этого без революции?! Проблемы-то нагнетались не только для крепостных и их владельцев, но и для мещан, для купечества, для других сословий, для самого же государства.

А реформа плановой экономики? Эта экономика была не столько плановой, сколько зацентрализованной до состояния египетской мумии, командной, бесхозной и безответственной. Было это понятно к началу 1960-х? Еще как! Любому директору, любому председателю колхоза, любому снабженцу. Кто-то говорил, но робко и не слишком громко. А власть затыкала рты и тянула время. Небескорыстно: реформы отнимали бы у нее ресурсы, влияние, возможность распоряжаться, никому и ни в чем не отдавая отчета. Сколько хозяйственников, которые не самодеятельностью занимались, а проводили санкционированные сверху эксперименты, подверглись потом травле, оказались в больницах, на инвалидности, а то и в тюрьме? Попытки что-то изменить в 1959-1961, 1965, 1979 годах - это реформы? Да это дискредитация самой идеи реформ и ожидание тяжелых социальных потрясений. Они и пришли.

Перестройку многие встретили как начало долгожданых реформ. Надежд на нее поначалу возлагали немало. Но кто-нибудь эту перестройку готовил? Какие-нибудь научные разработки, эксперименты под нее заранее делались? Хотя бы самая общая пусть не программа, а только внятная концепция перестройки, ее целей, этапов их достижения, логики перемен была?

Мне, например, обо всем этом до сих пор ничего не известно.

Но главное другое. В 1991-1992 годах у нас произошла революция. Тут я целиком согласен с Борисом Николаевичем Ельциным, который в последних своих мемуарах назвал наконец перемены верным словом. Революция. Или, если сравнивать с октябрём 1917-го, контрреволюция. Но хоть и «контр-», а все равно «революция». Тогда надо быть до конца последовательными и говорить не о реформах, а о послереволюционном общественном, политическом и экономическом устройстве. С политическим вроде разобрались: не Советы реформируем, а создали новое государство - Российскую Федерацию, президентскую республику. Не Конституцию РСФСР подгоняем под кардинально изменившиеся условия, а приняли новую Конституцию. Заговорили о формировании гражданского общества - по прежним понятиям неслыханное явление. А вот экономику «реформируем» до бесконечности.

Загляните в любой толковый словарь: что означает слово «реформа»? Реформа - это внесение изменений в некую социальную, политическую, экономическую конструкцию при сохранении ее основ. То есть, во-первых, основы сохраняются: во-вторых, конструкция не просто изменяется, но совершенствуется; и в-третьих, процесс ее развития, совершенствования носит осмысленный, упорядоченный и целеустремленный характер.

Что-нибудь из этого у нас было? Основы отбросили, совершили очередную революцию. Это само по себе преступление против народа, против рядового человека. Если не жертвы, то уж страдания и потери ему гарантированы. А жертв тоже были десятки, в масштабах прежнего Союза - и сотни тысяч.

Можем мы сказать, что процесс этой революции был осмысленный и целеустремленный? То есть сказать-то можно что угодно. Но целеустремленность в нем была только одна: схватить побольше, спрятать понадежнее. Лучше всего вывезти за границу. Может такой процесс что-то усовершенствовать? Ставит это своей реальной целью и задачей? Или он служит совсем иным интересам?

Почему мы прячем сам факт антисоветской, антикоммунистической, демократической революции? Почему об этом сказал и написал только Ельцин? Думаю, потому, что мы как нация очень склонны к переворотам. Многократно уже на этом обожглись. Знаем за собой этот грех и стыдимся его. Но если мы не признаем того, что была революция, значит, мы вольно или невольно готовим следующую.

Дело здесь не только в признании факта, а в выводах из него. Если революция - то постреволюционное общество должно основываться на иных принципах, чем ниспровергнутая, обанкротившаяся социальная система; жить по иным правилам. Возьмите США XVIII века: совершили там свою революцию, тут же четко сформулировали, чем их новое государство и общество будут отличаться от европейских монархий, и начали действовать. То есть там было соответствие между словом и делом. Было оно и у большевиков после 1917 года.

А мы, совершив революцию, говорим о реформах. Сами себе, по сути, морочим головы. Зачем? Только чтобы оправдать антигосударственную и антинародную ваучерную приватизацию и ее результаты? Другого резона я не вижу. У нас ведь капитализм-то получился пока не народный, как на Западе, а олигархический. Что, еще одну революцию теперь делать? Не

исключено, между прочим. Потому что *общественные отношения, которые сложились у нас за последние пятнадцать лет, больше всего напоминают европейский феодализм*. Притом пока еще ранний, неоперившийся. *А он завершился Кромвелем и Робеспьером.*

У меня нет ностальгии по прежним порядкам, по советской модели экономики. Не приведи судьба оказаться снова в чем-то подобном. Но в начале XXI века общество, называющее себя цивилизованным, не может строиться по законам социального дарвинизма - кто смел, тот и съел, а остальные пусть выкарабкиваются как могут. Каким образом мы дошли до положения, когда федеральный бюджет России - страны в восемь часовых поясов - меньше бюджета Финляндии?!

Я за перемены. Но в интересах людей и страны в целом. А говорить о том, что у нас в последние 10-12 лет называли и продолжают называть реформами, в позитивном контексте - лично мне трудно. Если в стране несколько сотен семей извлекают ренту из природных богатств, а все остальные в стороне, - это не реформа. Или не та реформа, которая нужна России и людям. В современном мире надо быть в первую голову конкурентоспособными. Нефть, газ - хорошо и важно для старта, для «запуска» рыночной экономики; но всей экономики это не заменяет.

Главная и несомненная «реформа» последних 10 лет - приватизация. Вот это надо было предотвращать - не приватизацию как таковую, а ее большевистские характер, методы осуществления. У той приватизации, какая фактически состоялась, три итога.

Первый. Ослабление государства - нового, только разворачивающегося, только вступающего в мир жесткой глобальной конкуренции; лишение государства стабильных финансовых и практических ресурсов, без

которых невозможно обеспечивать права населения, демократию, даже национальную безопасность.

Второй. Катастрофическое обеднение населения, что привело к неспособности людей вступить в рынок в качестве самостоятельных субъектов экономической деятельности. Люди вынуждены заниматься выживанием, а это не тот рынок, на базе которого экономика может рвануться вперед, - и прошедшие годы это показали и доказали.

Третий. Формирование очень узкого, не более нескольких десятков человек, слоя олигархов, ставших распорядителями непомерной части национального богатства и никому при этом неподконтрольных и неподотчетных.

Как Вы думаете, это все сильно двинуло Россию вперед? Или более правы полагающие, что подобные итоги начала 1990-х де-факто закрепляют нас в той модели развития, что существует со времен Ивана Грозного? А суть ее заключается в навязывании обществу идейного, экономического, политического выбора. А навязывание - это всегда насилие, физическое или экономическое.

Теперь о моральной стороне проблемы. Четверть страны, по самым скромным подсчетам, ухнула в бедность, на грань выживания. Гайдар говорил в 1992 году об обеспечении только «физиологических потребностей» человека. Физиологические потребности - это не умереть с голода, норма концлагеря. Я помню, как мы с Ресиным в феврале 1992 года были на заседании совета в правительстве. Мы пришли к Гайдару и говорили, что в Москве от недоедания умерло 26 пенсионеров. Им констатировали смерть от дистрофии. Эти люди умерли от голода! Я говорил, что нужно решать социальные проблемы, что нельзя бросать людей на

произвол судьбы. А Гайдар переспрашивает: что там, пенсионеры умирают? Ну, какая-то часть умрет, а остальные пусть войдут в рынок. Я говорил ему - нам нужно строить школы. А он - нет у меня денег на это, пусть платят за обучение. Я говорю: что нам, распускать всю армию московских строителей, останавливать ее? Гайдар - останавливайте, какая-то часть будет востребована, а остальные пусть ищут себе работу .. Это все, кстати, есть в стенограммах. Для будущих историков.

Что, это - реформа? Разве это было неизбежно? Если население лишается всех накоплений и всех надежд на возможность компенсации, если оно вышиблено из участия в приватизации, то на сколько поколений вбивается клин между государством и обществом?

В той мере, в какой закон и средства нам это позволяют, мы создали и поддерживаем в Москве структуру социальной помощи, которая миллионам людей облегчает, делает более гуманным переход к новому общественному укладу. Мы поддерживаем и развиваем массовый малый и средний бизнес: практически четверть всего российского бизнеса этих категорий приходится на Москву. Мы стремимся поставить все ресурсы и возможности города на службу москвичам - и лицам наемного труда, и предпринимателям, и федеральным служащим, и пенсионерам. Создаем в Москве продуманную систему управления и самоуправления, стараемся подвести под нее надежную, долговременную финансовую и ресурсную базу. Намерены продолжать так действовать и впредь.

Это нормальная практика социально ответственного государства-а Москва по численности населения, экономическому потенциалу крупнее многих

европейских государств. И когда Москву пытаются ущемить, лишить тех или иных законных ее ресурсов - это удар не по мэру, а по миллионам граждан России. Не только москвичей, но и всех тех, кто от Москвы и ее благополучия и стабильности зависит. Это удар по целям российской демократической революции, которую когда-нибудь назовут Великой, но только если она приведет к рывку в уровне и качестве жизни народа, в положении государства в мире.

Так что я за перемены. Давно ими занимаюсь. Программа дальнейших преобразований в Москве есть. Наверное, не идеальная. Бесспорно, не всем регионам механически подходящая. Но работоспособная и эффективная. Только *мы в Москве занимаемся не реформами. Мы стремимся, насколько это в наших силах, обеспечить достойные результаты свершенной революции.* Центр которой, между прочим, был тоже здесь, в Москве. И благодаря москвичам, их выдержке и жизненной мудрости, разрешился без большой крови, без гражданской войны.

Мы заслужили право на свое видение революционных преобразований постсоветской России. Если хотите, мирно завоевали это право. И отказываться от него не намерены. Напротив, намерены по-настоящему и с толком его реализовать. Чтобы хоть одна из четырех российских революций действительно принесла пользу людям. Всем людям, независимо от социальной принадлежности, профессии, возраста, должности.

Не знаю, ответил ли я на ваш вопрос. По-моему, ответил.

Продолжим еще немного ретроспективу. В прежние времена говаривали, что лучше не знать, из чего делается колбаса. Эта народная мудрость вполне применима к политике, к государственному управлению. Ведь иногда просто диву даешься - кто, при каких обстоятельствах и руководствуясь какими соображениями принимает решения. Юрий Михайлович, почему мы все до сих пор не грохнулись? Неужели все дело в исторической инерции - огромный корабль очень трудно потопить, даже если его команда состоит из хищных двоечников?

Что значит «не грохнулись»? Я это применительно к России не очень понимаю. Не разлетелись совсем, на семь-пятнадцать-тридцать государств-княжеств? Если это - достижение, значит, мы свои дела и свою жизнь оцениваем по меркам худшего, а не лучшего. Тогда и то, что мы с Вами не спились, бомжами не стали, - тоже достижение. Хотя теоретическая возможность остается. Катиться по наклонной куда легче и проще, чем взбираться вверх.

Огромный корабль потопить при должном «внимании», «умениях» и «старании» - все это в кавычках - можно за минуты. Вспомним «Титаник» или «Адмирала Нахимова». И корабль «Россия» потопить тоже можно, это надо сознавать и отдавать себе в этом отчет. Мы уже пели о «Союзе нерушимом...», а он был вдвое больше России экономически и по населению, почти вдвое -

по территории. Так что уповать на нашу огромность - пустое и опасное дело.

Потом, разве мы не «грохнулись»? Если мы только к 2020 году предположительно выйдем на уровень потребления 1990-го - это что, прогресс? На чем сегодня держится национальная безопасность России - на нашей мощи или на отсутствии острой внешней угрозы? Мы по всем социально-экономическим показателям примерно вдвое в худшую сторону перекрыли показатели времен Великой депрессии, всемирного кризиса 1929-1932 годов. Если завтра в мире произойдет новый кризис, куда нам падать дальше? Возвращаться к натуральному хозяйству?

Так что грохнулись, крепко и надолго, по всем статьям. *Самих себя обманывать - последнее дело.* Но давайте вспомним, как задолго до распада Союза и даже до перестройки у нас один за другим отказывали все механизмы социальной мотивации. Переставали работать деньги, на которые все труднее было что-то купить. Задыхались моральные стимулы, дискредитируемые жизнью. Уравниловка поощряла лодырей и бездельников, подрывала интерес честных и добросовестных.

У этой проблемы есть еще одна сторона. О ней говорить как-то не принято, а надо. Демократия в чем-то сродни лотерее. Если вы купили один билет, может повезти и сорвете главный приз. Маловероятно, но может. А вот если вы купили тысячи, десятки тысяч билетов, вы приблизились к заложенному в лотерею балансу между долей выигрышей и долей прибыли. И чем больше билетов купите, тем ближе и вернее подойдете к этому соотношению. Рассчитано оно на приз? - выиграете. На получение прибыли собственником лотереи? - проиграете.

Так и демократия. Если избираете одного - теоретически можно найти искомый вариант. Избрать человека в высшей степени незаурядного по уму, порядочности, самоотдаче, другим положительным качествам. Но чем больше людей избираются в органы власти и самоуправления, чем честнее выборы, тем в большей степени итоги выборов будут зеркалом общества. Значит, надо настраиваться на то, что решения *на всех уровнях будут* принимать обычные люди, наши с вами коллеги, соседи. С обычными слабостями, недостатками, даже пороками, какие есть в той или иной степени у всех.

Выход простой, и он давно открыт: *надо таким образом конструировать и отлаживать систему*, в которой действуют и принимают решения люди, *чтобы она компенсировала стандартные человеческие пороки и недостатки*. Чтобы она была изначально защищена от «дурака» и хотя бы от самых очевидных возможностей злоупотреблений. Чтобы эта система стимулировала - а если надо, то и заставляла, - работать, делать это добросовестно, соблюдать законы. Чтобы она максимально быстро выявляла не желающих работать по ее правилам и избавлялась бы от них.

Другого выхода нет. Создадим такую систему - тогда не «грохнемся» дальше и ниже. Будем и дальше уповать на героев-чудотворцев - тогда окажутся правы те оптимисты, которые верят, что любое, самое скверное положение можно сделать куда худшим, чем оно есть.

Хорошо известны те предложения по оптимизации федеральной исполнительной власти, которые Вы представили Президенту, - они опубликованы отдельной книгой. Злые языки говорят, что Вы зря предложили начать реформу власти с института Президента. Ведь, строго говоря, нет таких сил, которые были бы заинтересованы в законодательной формализации нашего кремлевского византийства. А раз так, то и самому Президенту в такой реформе не на кого опереться. Может быть, действительно, как советовали некоторые, надо было начать с Правительства, точнее - с его упразднения и сосредоточения полномочий в Администрации Президента?

Начинать надо с системного подхода. Надо говорить обо всей системе власти в целом, а не об отдельных ее элементах. И надо четко определить, кому и за чем, на каких условиях служит эта система.

Меня тогда очень обрадовало то обстоятельство, что Президент практически сразу же после избрания поставил задачу проанализировать состояние исполнительной власти. Он очень быстро осознал, что именно здесь все построено вкривь и вкось. И поручение главы государства мы выполнили со всей ответственностью. Рабочая группа за неполные пять месяцев проделала огромную работу. Наш анализ состояния управления в современной России показал, что механизм этот выстроен не от государственных функций, а от

личных и групповых интересов. Эти интересы и вертят весь механизм. Мы убедились, что *система не настроена на общественный интерес*.

Почему я предлагал начинать реформу власти с института Президента? Давайте вспомним, как этот институт у нас складывался. Вначале - под влиянием ухудшавшегося положения в регионах и нараставшего бессилия прежнего центра. Чуть позже и параллельно с этим - под влиянием личного соперничества Горбачева и Ельцина. Потом на первый план вышла борьба между сторонниками сохранения социализма и советского строя и сторонниками избавления от того и другого - борьба, едва не завершившаяся гражданской войной.

Парадоксально, но Президент в СССР и России в 1990-1993 годах выступил аналогом королевской власти в Испании после падения там режима Франко. Институт президентства в нашей стране явился дисциплинирующим началом. И, по счастью, люди, занимавшие пост Президента в бывшем СССР и в новой России, смогли в конечном счете подняться над схваткой и предотвратить гражданскую войну. Для этого Президент должен был в какой-то мере противостоять всем - и противникам, и даже своим сторонникам; стать верховным арбитром, возвыситься над всем и вся. Он выполнял функции монарха, и для этого сам должен был стать отчасти монархом. Убежден; суть не в стремлении к личной власти любой ценой, но именно в логике тогдашнего политического процесса - бескровной революции, которая, однако, в любой момент могла начать фонтанировать кровью.

Это возвышение института Президента было оформлено и закреплено Конституцией 1993 года. Как у всякого решения, у него есть свои сильные стороны и свои издержки.

Простой вопрос: будет ли структура, созданная в условиях острейших политических схваток, в период революции, слома старого и перехода к строительству нового, - будет ли такая структура оптимальна в строительстве этого нового, в налаживании нормального рынка, гражданского общества, нормальной жизни? Она под эти задачи создавалась - или под принципиально другие?

Настало ли время менять эту структуру - вопрос отдельный. Я понимаю Президента В. В. Путина, когда он предельно осторожно относится к внесению изменений в действующую Конституцию. У американцев за 230 лет существования государства в конституцию внесены тридцать поправок. В среднем по одной за восемь лет. Не эталон для повторения, но повод для серьезных размышлений. Думать о том, как от системы власти периода революции, системы, созданной для удержания итогов этой революции, перейти к системе созидательной власти, системе восходящего развития и нормальной жизни - думать об этом надо сейчас. Искать и предлагать решения, обсуждать их тоже надо. Об этом и моя книга «Путь к эффективному государству».

Это вообще полезно, воспитать у себя такую привычку-думать. В свое время фирма IBM подарила мне сувенир: маленькую такую табличку с надписью: «Думай!» Поначалу даже не обратил на нее внимания. Поставил на стол и забыл. Но со временем стал замечать, что эта вещичка как-то влияет на принятие решений. Она тут стоит, вроде бы незаметно, а что-то тебя тербит. Возвращаешь уже подписанные бумаги, начинаешь додумывать, искать варианты. Очень полезная оказалась вещь.

Что касается того, кто может быть заинтересован, - это смотря в чем. В «формализации византийства», как

Вы выразились, участники такого византийства заинтересованы быть не могут. Законодательное оформление означало бы конец всякого византийства, ибо оно есть комплекс неформальных связей и отношений, жизнь «по понятиям», освященная традицией. Но о «формализации византийства» я не писал и не говорил. И не нужна обществу, России такая формализация.

Нужно другое: эффективная система государственного устройства и управления, рассчитанная на то, чтобы вывести Россию в число экономически развитых и конкурентоспособных держав и закрепить ее там. И в этом заинтересованы, я думаю, не только общество, регионы, деловой мир, но и Президент, который прекрасно видит, что существующая система не оптимальна ни для решения названных задач, ни для обеспечения эффективной военной реформы, ни для многого другого, перед чем мы сегодня стоим. Она, нынешняя система, работает, старается - но всякая конструкция имеет свои пределы.

Хочу вернуться к началу нашего разговора. Была еще одна причина, почему начать реформу государственного устройства я предлагал с поста Президента. Оно, это устройство, сегодня у нас таково, что сдвинуть что-то серьезное с мертвой точки можно только волей и настойчивостью, даже нажимом Президента. Особенно реформу власти. Административная реформа фактически буксует. Нравится нам это или нет, но сейчас система такова, и действовать в ней можно, только подчиняясь ее внутренней логике. В долгосрочной перспективе и в мире XXI века такая система обрекает страну на негибкость, провалы и поражения. Поэтому менять ее надо обязательно, это мое глубокое убеждение. Но *начинать* менять нужно, опираясь на нее саму. Другого пути нет.

Одним из императивов Вашего доклада Президенту стал тезис о последовательном распределении компетенции и функций между уровнями и институтами власти. То есть каждый должен иметь четко очерченную сферу ответственности и полномочий. Но попытка поделить социальные обязательства между Центром и субъектами Федерации продемонстрировала, что задача не решается без потерь. Или она сформулирована как-то не так? Вообще, стоит ли педантично требовать последовательности, стройности и прозрачности властной структуры, если эта самая власть топчется на месте? Ну какая разница, какая колодка у моих ботинок, если большую часть жизни я провожу в мягком кресле? Может быть, более своевременной является постановка вопроса о содержании государственного курса, а не о том, что государство неказисто выстроено? Что первично - структура власти или ее содержание?

Это механический подход, в стиле, извините, вульгарного истмата - что первично, что вторично. Нет ничего абсолютно первичного и абсолютно вторичного, об этом еще Энгельс писал. Все соединено и прямыми, и обратными связями. Поэтому структуру власти и ее содержание надо рассматривать не порознь, а как единое целое.

Хотя, наверное, многим представляется, что государственные функции - это такая булка с изюмом:

ягодки повыковыривал и съел, а до остального и дела нет. Таких ковыряльщиков у нас немало - и в Минимуме, и в Минкультуры, и в Госстрое, и еще кое-где. С памятниками как получается: отдайте, говорят, вот этот, этот и вон тот особняки, потому как уж очень высокого они культурного значения, в смысле арендной платы...

Так вот, структура - не самоцель, она создается под определенное содержание. Структура без содержания - это государство, захваченное, узурпированное, приватизированное групповыми интересами. Содержание без структуры - маниловщина, иллюзии или мечты, не подкрепленные средствами и механизмами их реализации.

Замкнутый круг: от структурно несовершенной власти трудно ожидать и требовать четкого стратегического курса. А без такого курса и сама власть не примет более рациональных, прозрачных и эффективных форм. Как из этого круга выходить?

Мой ответ: через последовательное перераспределение функций и адекватных им компетенций между различными уровнями и институтами власти. Не только между законодательной и исполнительной властью, между федеральным центром и субъектами Федерации. Но и внутри самой исполнительной власти - между Администрацией Президента, Советом безопасности, Правительством. И внутри регионов. И в опоре на Госсовет, при создании которого были учтены предложения руководства Москвы. И в опоре на федеральные округа, правовое положение которых нуждается в конституционном оформлении... По поводу округов... Мне представляется принципиально важным через два-три года все-таки вернуться к вопросу об их построении. Например, уже сегодня совершенно ясно, что «нареза-

ны» они были неоптимально. «Семерка», конечно, счастливое число, но надо больше. В том варианте «округостроительства», который я передал Президенту в мае 2000 года, предлагалось образовать 12-15 округов. Позднее, в докладе для Госсовета, который теперь опубликован отдельной книгой, это число было увеличено до 19. Думаю, что где-то здесь и будет обеспечена оптимальная норма управляемости.

История с федеральными округами очень показательна. Она демонстрирует, что перераспределение функций не должно быть кабинетным, механическим. Ставим четкую задачу - и под нее корректируем структуру. Потом, опираясь на новую структуру, ставим более сложные задачи. И так постоянно, не кампаниями, а сделав это образом жизни и работы. В мягком кресле нам сидеть еще не скоро придется.

Главный критерий, он же идеология государственного строительства, на послереволюционном этапе один: создание эффективного государства и обеспечение его эффективности при всех изменениях во внутренних и внешних условиях жизни и деятельности России. Критерий эффективности - способность государства, его институтов и ветвей власти реально выполнять функции и обязанности, возложенные на них Конституцией; обеспечивать восходящее развитие страны, повышение уровня и качества жизни граждан; направлять в этих же целях участие России в процессах глобализации.

Очевидно, все эти задачи не могут быть не только эффективно выполнены, но и практически поставлены без разработки стратегии развития страны, в которой определялись бы на долговременную перспективу цели, ориентиры, пути такого развития. В дальнейшем государство обязано не только проводить та-

кую стратегию в жизнь, но и постоянно отслеживать - с опорой на независимые общественные организации и научно-исследовательские центры - социальную отдачу ее осуществления и перемены качества жизни в регионах. Цель - выйти в конечном счете на системную оптимизацию власти; более того, на создание системы постоянного поддержания такой оптимизации... На ту самую «точную настройку».

Иными словами, оптимизация власти должна стать постоянным и непрерывным процессом. Только при этом условии можно рассчитывать на стабильную эффективность государства и его структур.

Когда Вы критикуете федеральную власть и апеллируете к столичному опыту. Вы, конечно, лучше других понимаете границы применимости московского опыта в общероссийском масштабе. Так в чем же здесь диалектика общего и особенного, что имеет всероссийскую значимость, а что если и применимо, то где-нибудь в Лондоне или Шанхае?

Города-многомиллионники трижды уникальны. Во-первых, они - явление, резко отличающееся от окружающей их менее урбанизированной среды. Во-вторых, каждый из них уникален еще и по-своему в рамках этого явления. О третьем скажу в самом конце ответа на этот вопрос.

Любому миллионнику есть чему поучиться у других. И Шанхаю у Москвы, и Москве у Шанхая или Лондона. Но даже здесь нельзя механически пересаживать опыт, решения одного города в другой. Везде своя специфика-свой климат, демография, культура, цена земли, экономика, инфраструктуры, все прочее. Конечно, есть и общие проблемы. Но различия перевешивают, поэтому даже одинаковые проблемы решаются в чем-то по-разному.

Перенести московские решения на областной центр тоже не всегда можно. Строить по образцу Мос-

квы модель для всей России - бессмысленное дело. *Применимы не сами конкретные решения, а метод их поиска и организации их выполнения.*

Скажем, Москва поощряет и поддерживает малый и средний бизнес и получает через налоги с него, от арендной платы, за другие услуги половину своих доходов. Можно это делать в других местах? Можно - если власть не стремится встать над людьми, загнать всю хозяйственную жизнь в новую командную систему, по существу в неокрепостничество. Если власть не боится собственной бюрократии, творящей подобные дела из корысти или по инерции.

Вот здесь корень проблемы. Будут властные структуры всех уровней служить себе, узкому кругу местных или федеральных олигархов - или же обществу в целом? А общество в целом - это и деловой мир всех уровней, и все слои населения, и сама власть, она же тоже часть общества.

Теперь о том третьем, что я оставил «под занавес». Место и роль самых крупных - мировых, как их называют, - городов в явлении и процессах глобализации. Мировые города затрагиваются глобализацией в первую очередь и сильнее всего. Причины понятны: здесь концентрация финансов, политической и общественной жизни, науки и культуры, информационных и административных ресурсов.

Отсюда новая функция мировых городов, включая Москву. Они служат центрами сопряжения процессов глобализации и внутристрановых процессов. Москва объективно, хочет она того или нет, служит каналом включения России в глобализацию - и влияния глобализации на внутреннюю жизнь России. Эту специфику, это новое качество должны учитывать и сама Москва - что она стремится делать, - и федеральная власть.

Отношения с Москвой сегодня - это отношения России с глобализацией и глобализации с Россией. И они будут таковыми независимо от того, кто окажется в кресле мэра Москвы. Меняться могут только содержание, качество отношений.

III

ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ГОСУДАРСТВО?

Юрий Михайлович, в своих публикациях и устных выступлениях Вы по-разному употребляете термин «государство». Когда Вы характеризуете отношения между Москвой и федеральным центром, то под «государством» обычно подразумеваете именно федеральную власть. А говоря о проблемах местного самоуправления, ссылаетесь на 12-ю статью Конституции, из которой вытекает, что краевая, например, администрация является органом государственного управления, а аналогичная ей по сути районная администрация таким органом не является. Это противоречие парадоксально: Лужков, который сам является государственным деятелем, говоря о государстве, в некоторых случаях имеет в виду не «мы», а «они». Итак, Юрий Михайлович, что такое государство по версии Лужкова, где оно кончается?

Государство вообще не должно «кончатся». По крайней мере в пределах его границ. Если оно действительно есть, то должно присутствовать везде и всегда. Если оно не название на карте и сумма бюрократических структур, а дееспособный механизм, работающий в интересах людей и регионов.

Но присутствовать на разных уровнях по-разному. На федеральном - непосредственно, через работу законодательной и исполнительной власти, их органов. Через решения верховной судебной власти. Через договоры и сотрудничество с другими государствами, международными организациями.

На региональном - через ясную и понятную федеральную поддержку общегосударственных программ и местных начинаний. И через контроль - не мелочный, бюрократический, а такой, который помогал бы жить и работать по закону и эффективно.

На местном уровне государство должно присутствовать особенно действенно и постоянно. Но тут - прежде всего через закон, через его неотвратимость. Местный уровень - это уровень человека. Нет здесь закона - значит нет и государства. То есть номинально, где-то там наверху и в делах международных, оно, может быть, и есть. Но для рядового человека, практически, оно не существует. Со всеми вытекающими из такого положения последствиями.

Человек живет только на местном уровне. Нужна ему справка от БТИ, от ДЕЗа - для него это государственные органы. Нужна защита прав, безопасности, чести и достоинства - милиция, суд, прокуратура тоже институции государства. Сына в армию призывают - государство. Дают отсрочку от призыва - тоже государство. Когда закон не работает или не одинаков для всех, когда его можно обойти, дав взятку «нужному» человеку или организовав звонок по знакомству, государство де-факто кончается. Человек начинает искать нужные и полезные ему связи, не просто потеряв интерес к государству, но сознательно планируя, как можно обойти закон. И это отношение с одного частного случая - возможно, мелкого, - переносится потом на все остальное, становится жизненным правилом человека.

Мне рассказывали историю, произошедшую в далекие уже советские времена. Даже очень далекие, где-то на рубеже 1960-х. Рассказывал человек, с которым она произошла. Приехал в Москву зарубежный артист. Не суть важно, кто именно, но моему собеседнику ин-

тересный, и он захотел попасть на концерт. Кто и как был поставлен на уши, об этом можно книгу писать. Но контрамарку в зал Чайковского моему собеседнику пообещали (и сделали). Приезжает он на концерт - а в кассе есть билеты. Тогда они не тысячу долларов стоили, купить билет для этого человека не было проблемой. Ему просто в голову не пришло первым делом поинтересоваться в кассе. Вот это «в голову не пришло» - его собственные слова - здесь и поучительно.

Если отношения человека с государством начинаются и оканчиваются на уплате налогов, то либо у такого человека по жизни все в полном порядке - и тогда остается только позавидовать и этому человеку, и государству, в котором живут столь благополучные граждане. Или же человек не может получить от государства и его представителей ничего, само обращение к ним считает пустой, а то и вредной тратой времени - и тогда это рано или поздно «аукнется» и государству, и самому человеку.

Проблема России исторически в том что государство всегда отождествлялось у нас с центром. С Кремлем, Зимним дворцом, со Старой площадью. А «внизу» - и тоже всегда - его приватизировали чиновник, городской, инспектор. Так было, так во многом и осталось. Мы в государстве видели прежде всего вертикаль. Она необходима, тут спора нет. Но она должна не просто быть, а - работать. Для человека и для общества. Вот об этом забывать не надо. Государство должно научиться работать по собственным законам на самых нижних этажах своей вертикали. И если работники государства не уважают его законов, трудно и вряд ли реалистично требовать уважения к закону от граждан.

Сложность еще и в том, что уровнем управления много. Между местным и федеральным уровнями есть

региональный. Откуда он взялся, что делает, для чего нужен?

Возник он из причудливого сочетания, переплетения истории и бюрократии. Москва немногим меньше Руси существует. А если речь о государстве Российском, то оно с Москвы и началось. Есть и другие исторические регионы в земле нашей. Какие-то территории нарезались по принципу «разделяй и властвуй», где-то по вообще неизвестным уже и непонятным соображениям. И население: в Москве - десять с лишним миллионов, а иные территории - не хочу никого задеть или обидеть, просто иллюстрирую проблему - размером в несколько Европ, а населения на пару московских районов.

То есть оптимальную формулу региона, которая учитывала бы и размер территории, и численность населения, и насыщенность инфраструктурами, и многое другое, нам еще искать и искать. И не последняя часть этой формулы: кому служат регион и его глава? Государству? Самому региону? Пока мы так ставим вопрос, считайте, государства у нас нет. Или оно очень слабое, неэффективное.

Потому что регион - связующее звено между государством (оно у нас огромное) и человеком, живущим не вообще в стране, а в конкретном месте, со всеми его «плюсами» и проблемами. И это взаимодействие - единое целое.

С другой стороны, интересы, законы, требования государства должны быть «переведены на язык» всех уровней управления и самоуправления: они должны быть поняты и должным образом исполнены. Сложнейшие взаимосвязи! Должен быть постоянный взаимоконтроль: что сделано, что нет, почему... Вот эту систему непрерывных обменов между государством и

каждым человеком - систему, проходящую через все уровни «вертикали власти», - и надо налаживать.

В каких-то внутренних и международных вопросах взаимодействие может складываться больше в пользу государства, в других - населения и региона. Но оно всегда должно быть отлажено на желаемый эффект. Выстроить регионы по струнке не проблема. Встанут, никуда не денутся. Но во главе таких регионов люди с душой и достоинством, с чувством ответственности перед избирателями стоять не смогут. Встанут временщики.

В положении главы региона есть одно неустранимое противоречие. На что и на кого будет ориентироваться человек после того, как избиратели отдали ему предпочтение? В идеале - на регион. Но тогда надо драться за его интересы, иногда буквально зубами выгрызать даже положенное. Отношения с людьми в федеральном центре при этом портятся, на более высокие посты такому губернатору в будущем рассчитывать трудно. Хотя регион и выигрывает. Но потом сам же начинает зачастую роптать: вот, дескать, испортил «голова» отношения в Москве, а региону отдувайся. Но, теоретически рассуждая, возможен и другой подход. Если для человека главное - личная карьера любой ценой, то для него на первом месте будут как раз личные отношения в центре. А интересы региона... подождут. Ими и пожертвовать можно.

Это, конечно, две крайности. Их в жизни мало. Надо уметь балансировать интересы. Потому-то политику и считают искусством.

Есть практическая сторона проблемы. Что такое регион, как мы его определяем? Субъектов Федерации в России, как известно, 89. Слишком много для того, чтобы один центр мог ими регулярно заниматься, уде-

лять каждому региону постоянное и необходимое внимание. Не случайно у многих народов армии - первые структуры с максимально четкой системой управления- строились по принципу десятков. 10 управляемых - оптимум. 12, 15, даже 20 - трудно, менее эффективно, но возможно. 89 - практически уже неуправляемы. Центр концентрируется на нескольких, сегодня для него наиболее важных. Остальные выпадают из поля зрения.

В то же время экономических районов в России всего 11 плюс Калининградская область. Их границы определяются экономическими же факторами более или менее четко. Вот почему я всегда отстаивал необходимость создания федеральных округов, главной задачей которых стало бы управление территориальным и экономическим развитием. Мы предлагали сделать 12-15 округов. Нарезали в итоге 7 округов - это, конечно, лучше, чем 89. Надо работать дальше.

Так что государство у нас по-настоящему еще только начинается.

Вот это все и есть «государство по версии Лужкова».

Теперь спустимся еще на этаж и поговорим о местном самоуправлении. В книге «Путь к эффективному государству» Вы констатируете, что в результате специфических теоретических предпочтений авторов Конституции 1993 года местные органы власти оказались приравнены к территориальному общественному самоуправлению. Конституция абсолютизировала самоуправленческие начала, реально имеющие место только на уровне улицы, дома, микрорайона, и распространила их на систему местного управления в целом. Видите ли Вы перспективы преодоления этого казуса без запуска сложного механизма внесения поправки в Основной Закон?

Поправка, может быть, понадобится. Но прежде надо ясно представлять, что и ради чего мы исправляем.

Я бы задачи этого процесса разделил на три части. Самые неотложные и непосредственные, которые должны были бы решаться «еще вчера», - это сохранение, обновление и развитие всех коммунальных инфраструктур. Для этого власть должна быть ответственной перед населением и дееспособной, иметь свои средства. Пока на каждое ЧП прилетает министр МЧС и делает все необходимое, многие - не все, но многие - властные лица и структуры и будут уповать на то, что ликвидировать ЧП центру важнее и способнее, чем им самим предотвратить его.

Более долговременная задача, но не из тех, что можно откладывать в долгий ящик, - сделать людей действительными хозяевами домов, дворов и улиц, где они живут. Часто в этом видят только одно: переложить на и без того небогатое население содержание ЖКХ. Вот этого допускать нельзя, и мы в Москве с таким отношением боремся. Небезуспешно, хотя и очень трудно: федеральные власти давят, последовательно сокращают возможности города. Есть и другие грани проблемы: на человека-хозяина «завязаны» его активность, готовность и умение разговаривать и сотрудничать с властью, добросовестность милиции, уровень коррупции и многое другое.

И третья группа задач, на перспективу, но начинать тоже давно пора. Демократия в стране будет оставаться во многом номинальной, пока люди сами не соприкоснутся с отправлением власти на местах, не поймут ее сложностей и механизмов и на этой основе не начнут конструктивно относиться к власти следующего уровня. И так далее по цепочке до самого центра. Если мы не запустим этот механизм взаимных обязательств и ответственности, коррупция будет нарастать. И тогда уже в ближайшие годы мы столкнемся с проблемой массовой потери людьми своего жилья - с самыми тяжелыми социальными последствиями.

Тут в дело вступает политика. Кто и как назначает или избирает руководителей разных уровней? Если избирают, то такое должностное лицо ответственно перед избирателями. Пусть практика этой ответственности у нас только начинает отрабатываться, пусть многое здесь далеко от идеала, а иногда и от нормы. Но предпосылки демократического контроля заложены. Причем это не только контроль над самим должностным лицом, но и определенная гарантия того, что

он будет должным образом отстаивать интересы своего округа. Это та база, которая позволяет выборному лицу опираться на нее, при необходимости говорить: «Я выражаю не свои интересы, за мной - избиратели». И это не пустые слова, это реальность. Надо ее укреплять и развивать - Москва не сразу строилась.

В назначении руководителей есть свои плюсы - но не всегда для населения. Посмотрите, сколько у нас сторонников назначения губернаторов. С чего бы? Назначение может быть кулуарным. И найти взаимопонимание с одним начальником легче, чем с десятками и сотнями тысяч избирателей. И проблемы контроля оказываются не такими трудными. И число сроков пребывания в должности уже не от Конституции зависит. Наверное, есть и другие причины.

Самоуправление нужно, тут спорить не о чем. Но, во-первых, оно будет действительно «самостоятельным управлением» только тогда, когда сможет опираться на заинтересованность людей и наличие у них необходимых материальных ресурсов. Где, на каком уровне начинаются сегодня реальные интересы людей? На уровне микрорайона? Даже на собрания ЖСК иногда проблема собрать кворум! Даже члены ТСЖ сплошь и рядом не успевают «доглядеть» за ими же нанятыми управляющими. А ведь это свой дом, куда человек каждый день приходит!

Ресурсы - у всех они разные. Значит, не уйти от положения, когда одни дома, поселки, микрорайоны будут хотеть и смогут управляться сами. А другие окажутся вынуждены в большей или меньшей мере идти под чье-то управление. Здесь встанет проблема взаимодействия, координации первых со вторыми, на уровне самоуправления не решаемая или решаемая крайне трудно.

Второе: какую бы схему мы ни выбрали, но если самоуправление существует, то на каком-то уровне оно сопрягается с государственным управлением. На каком? На федеральном - нельзя, невозможно практически, никаких рук и компьютеров просто не хватит. На региональном и то сложно. Значит, на местном. Вот здесь государство и должно обрести и постоянно проявлять те качества, о которых я говорил выше. Иначе будет перетягивание каната между самоуправлением и местным чиновником. Как оно происходит, мы знаем. Самоуправление бедное и слабое - чиновник вершит произвол. Самоуправление небедное - процветает коррупция.

Третье: когда писалась Конституция 1993 года, опыта жизни и работы в новых условиях у нас не было. Руководствовались общими идеями и кое-каким знанием зарубежной практики. Что-то при этом идеологизировали, абсолютизировали. Это надо признать. Сегодня появился свой опыт. От него и надо отталкиваться, из него исходить. В принципе, можно и поправки принимать, если это необходимо. Но *нельзя запускать механизм внесения поправок, не понимая толком, чего хотим, и не просчитав шансы на успех.*

Хоть по названию мы и Федерация, на практике никак не можем выбрать, в каком государстве нам жить: в федеративном или унитарном. У каждого есть свои плюсы и свои минусы. Надо решить и решиться. Если в федеративном, то «стыковка» самоуправления и управления государственным должна, наверное, осуществляться на всех уровнях последнего: от местного до федерального. Как - вопрос отдельный. Но это должна быть система, притом система гибкая, динамичная, развивающаяся. Наверное, когда мы ее продумаем и опробуем, придется оформлять ее поправками к

Конституции. Но само такое оформление должно стать процессом, начинающимся «снизу». И его движение «вверх» может занять лет 5-7, не меньше. А в идеале - стать постоянным, потому что общество не стоит на месте.

И надо защитить общество от возможных узурпаций самоуправления авантюристами, криминалом, просто больными и неуравновешенными людьми. Опасность реальна. Был в Москве, на Пресне, такой авантюрист, который уже пытался использовать институт местного самоуправления для утверждения себя в роли такого локального царька. Объявил своей вотчиной и недра, и воздух над районом. Как от этого пострадались и город, и жители района - слов нет!

Можно вспомнить и крайне важный опыт первых лет советской власти. Тогда из благих побуждений Советы всех уровней были провозглашены не просто органами самоуправления, но и верховной властью на своих территориях. Раз они все верховные и независимые, то ни один не подчинялся никакому другому - и Россия начала распадаться, как лоскутное одеяло. Драконовские меры и методы потребовались в том числе и для того, чтобы сломать эту тенденцию, сохранить страну, восстановить управляемость.

Столица - это регион, где на относительно небольшой площади (по сравнению с другими регионами) сконцентрирован огромный потенциал и большие проблемы. Одна из них - проблема нестыковки местного самоуправления с государственным управлением. Надо заканчивать пустые разговоры о развитии местного самоуправления. *Если население не является экономически самостоятельным, то говорить о самоуправлении бессмысленно.* Если города и поселки почти сплошь дотационные, а начальники все выборные.

непонятно за что отвечающие, то ничего кроме бардака не будет. Получается, что Российское государство заканчивается на крае, области, а далее начинается нечто непонятное. Провозглашаемая в условиях хронического безденежья и нищеты самостоятельность муниципальных органов способствует лишь дискредитации идеи местного самоуправления в глазах населения. Но если в области такое положение хотя бы отчасти компенсируется фактором территории и очевидно только власти, то в большом городе оно, что называется, мозолит глаза и мешает жить миллионам людей. Мы должны убрать из законодательства всякие прекраснотушские иллюзии. Они слишком дорого нам стоят. *Или государство должно оставлять муниципалитетам деньги, или оно должно сделать их государственными и финансировать.* Опыт всех стран говорит в пользу единой модели, одного базового типа власти на всех уровнях властной вертикали.

Россия - огромна, и с этим надо считаться. Самоуправление возможно и необходимо там, где оно может решать вопросы повседневной жизни людей. Но сверху донизу должна проходить и линия государственного присутствия, удерживающая страну как единое целое. Наверное, такая система останется необходимой еще очень долго. Россия - не Швейцария и даже не Германия, хотя тоже федерация.

Самоуправление и государство, управление государственное - единый процесс. Где бы и на каком уровне они ни встречались. Процесс непрерывный, «вечный». Их *надо рассматривать как целостную систему.* Нет такой волшебной формулы, которую можно было бы найти, применить и успокоиться.

Жизнь идет вперед. И возвращаться к этому вопросу придется постоянно.

В условиях хронического безденежья и нищеты самостоятельность муниципальных органов зачастую способствует дискредитации идеи местного самоуправления в глазах населения. Ожидания, возлагавшиеся гражданами на местную власть, не оправдываются, что приводит к падению престижа не только местных и региональных, но и федеральных властей. Почему бы жителям уездного городка N - ну, например печально известного Артема в Приморье, - не провести городской референдум о ликвидации самоуправления и достраивании государственной власти «до самого низа»? Какими Вам видятся бюджетные перспективы муниципалитетов? Откуда брать деньги?

Был опыт СССР, где государственная власть шла, как вы говорите, «до самого низа». И что, хорошо решались там проблемы того же Артема в Приморье, сотен тысяч деревень и поселков, да даже и многих московских микро- и просто районов? Нет, схема «власть без самоуправления» не оптимальна. Такая схема - иллюзия, опасная утопия. Но самоуправление нужно и возможно там, и только там, где люди хотят, способны и имеют практические возможности сами управлять решением повседневных для них проблем.

В конце концов каждый человек - ячейка самоуправления. Он сам решает, что будет делать, как станет трудиться, что купит, а с чем повременит. Вопрос, как далеко вширь простирается эта «самость»: только на

семью или на свой дом, двор, улицу; на деревню, поселок, город; на регион или на всю страну. Причем во многих отношениях управлять крупными территориальными единицами легче, чем семьей или многоквартирным домом. Пришел себе в законодательное собрание, проголосовал - и «спустил» документ исполнителям; вертитесь, мол. А в своем доме, дворе все - и решать, и исполнять - нужно самим.

Нынешние наши безденежье и нищета - только часть проблемы. Важная, но часть. Есть и другие. Прежде всего, мы не преодолели - а в чем-то даже укрепили - те настроения иждивенчества, что так возмущали нас в позднем СССР. И неважно, на кого они направлены, - на Кремль, на Москву, на местного начальника. Всем им присуще одно качество: надежда, даже требование, чтобы кто-то пришел и сделал за людей то, что они в принципе могут и должны делать сами. И что этот «другой» делать зачастую как раз не должен, а то и не может. Но бывает вынужден, и ничего хорошего из этого не получается.

Я говорю не о тех случаях, когда без помощи со стороны действительно не обойтись. Когда нужна адресная поддержка каким-то группам населения, или когда произошло ЧП, стихийное бедствие... Я - о рутине, о повседневности.

Другая часть проблемы - готовность и умение действовать самим и в рамках закона. Нужно перестать быть по психологии иждивенцем. Но одного этого еще недостаточно, чтобы человек стал активным участником местного самоуправления. Для такого участия нужны свои мотивы. Когда они есть, появляется следующая проблема; надо научиться отстаивать свои интересы и эффективно, и по закону, не нарушая права и интересы других. Это все требует времени.

Деньги... Источник известен: местные налоги, добровольные взносы, пожертвования и кооперация, объединение средств самих людей. Вы скажете - народ сегодня небогат, в половине страны просто беден. Согласен. *Выход-поднятие* жизненного уровня людей, а для этого развитие экономики. А для этого, в свою очередь, *стимулирование платежеспособного спроса, создание и развитие рынка* не только как свободы от Госплана и госадминистрирования, но и *как совокупного спроса*. Вот этого наше правительство понять то ли не может, то ли не хочет: пока у нас нет рынка, нет платежеспособности населения, ни развитая экономика, ни самоуправление невозможны.

Процесс на годы и десятилетия. Начинать надо сейчас. Самоуправление - это и есть гражданское общество. Но пока оно только «завязывается». И в практике управления нельзя витать в облаках.

Специфически московский вопрос. В начале 2001 года Верховный суд РФ, по-видимому, еще находясь под впечатлением недавно отгремевшей войны между федеральным центром и столицей, принял постановление, в котором дал истолкование Конституции. Верховный суд объявил, что отныне никакого местного самоуправления на общегородском уровне в Москве быть не может, а дозволяется ему быть только на уровне районов. Юрий Михайлович, почему Вы до сих пор не обратились в Конституционный суд? Если бы Вы в свое время использовали право на апелляцию в КС, не надо было бы гордиться огород с раздвоением управ.

В суд идти, наверное, надо было. Но если «переборщить» с судами, то городскими делами некогда заниматься будет. Да и провоцировать столкновение между Верховным и Конституционным судами по вопросам их полномочий не хотелось, не наши это цель и задачи. Пусть уж они свои прерогативы сами определяют и защищают. Впрочем, сейчас Конституционный суд принял решение, запрещающее судам общей компетенции оценивать качество региональных уставов и конституций. Мы еще тщательно проанализируем, надо ли нам опротестовывать то решение Верховного суда.

Самоуправление - не абсолют: на уровне деревни, микрорайона оно есть, а полшага вверх - и нет его, исчезло. Запрещено. Самоуправление - понятие относительное.

Это в армии все от генерала до рядового обязаны выполнить приказ. Государственное управление предполагает дисциплину; но предполагает оно и учет, баланс интересов управляемых. Если центр приказывает, а субъекты Федерации только исполняют, получится та самая бездушная механическая командная система, которая была в СССР и от которой мы стремимся (или только говорим, что стремимся?) уйти.

Можно подходить формально. Ввести какие-то критерии и на их основе установить и соблюдать некие «пределы самоуправляемости» для каждого уровня. А можно искать иные подходы, вводить некоторое разнообразие сообразно экономической и территориальной величине субъекта Федерации, его внутренней специфике, численности населения, другим критериям.

Районы Москвы имеют и сто и больше тысяч человек. Округа - это фактически миллионные города. При этом население «дневное» и «ночное», «работающее» и «живущее» меняется за сутки дважды, как океанские приливы и отливы. Область - субъект Федерации - имеет областной центр, районы и районные центры, отдельные населенные пункты. А населения в ней может быть в четыре-пять раз меньше, чем в Москве.

Я уверен, что такие города, как Москва и Петербург, должны иметь право самостоятельно решать вопросы построения системы органов местного самоуправления. Собственно из этого мы и исходим сейчас в работе. Наши города, являющиеся одновременно субъектами Федерации и городами федерального значения, должны иметь свой механизм муниципального управления. И очень многие муницип-

ципальные функции могут быть осуществлены лишь на общегородском уровне. Именно поэтому общегородские органы городов федерального значения, будучи органами государственной власти, неизбежно реализуют и определенные функции местного самоуправления. Для тех, кто никак не хочет понять очевидного, я повторю вновь: *мы и муниципалитет, и орган государственной власти одновременно. Первое дано нам Историей, второе - Конституцией.*

По-видимому, с аналогичными проблемами сталкиваются все крупнейшие города. Как решаются проблемы территориальной организации управления в других мегаполисах?

Вы правы. Это действительно проблема всех крупнейших городов во всех странах. И идеальных решений нет ни у кого.

Я бы даже сказал, это проблема XXI века, и проблема глобальная. Наверное, в идеале связка «самоуправление-управление» должна начинаться на уровне улицы, села, микрорайона и заканчиваться наглобальном, пройдя уровни района (уезда, графства...), области (штата, земли, провинции), государства и интеграционного объединения.

У нас в России распространена практика аргументации тех или иных совершенно разумных положений примерами из законодательства и практики «цивилизованных государств». Так вот, там при реформировании местного самоуправления в большинстве случаев имеет место укрупнение административно-территориальных единиц, в рамках которых оно осуществля-

ется. Ведь у небольших местных сообществ чаще всего отсутствует достаточная база для содержания современных коммунальных и иных служб.

Нельзя привести ни одного примера развитого демократического государства, где существует проблема совмещения в одном органе государственных и муниципальных полномочий. Например, Вена одновременно является и столицей австрийской федерации, и федеральной землей, и городом. И никто не задается вопросом, не нарушает ли это «суверенные права» местного самоуправления. И в Германии полномочия и субъекта федерации, и местного самоуправления осуществляются общегородскими органами таких крупнейших городов, как Берлин, Гамбург, Бремен.

При этом в крупных городах обычно имеется двухуровневое самоуправление. Центр тяжести муниципального управления там находится на общегородском уровне. А окружные органы решают вопросы районного значения, управляют детскими садами и яслями, учреждениями культуры и отдыха, находящимися на их территории, выражают и отстаивают интересы жителей района перед городскими властями.

Я не раз бывал в Лондоне и хорошо знаком с современной историей тамошнего административного реформаторства. Так вот, Лондон - единственный мировой город, имевший длительный опыт функционирования городского самоуправления только на окружном уровне. С 1986 по 2000 год Лондон был разделен на 32 округа, каждый из которых управлялся окружными советами. А Совет Большого Лондона был упразднен правительством консерваторов по политическим мотивам, там ведь традиционно доминировали лейбористы. Этот шаг привел в резкому снижению эффективности городского управления. Часть полномочий

Совета Большого Лондона была передана окружным советам, а управление полицией, противопожарной безопасностью, общественным транспортом и т.д. - различным специализированным структурам. Таким образом, в тот период в Лондоне функционировали от 70 до 80 различных управленческих организаций, фактически неподотчетных населению. И деятельность их никто не мог скоординировать. В итоге по инициативе лейбористского правительства в 1999 году был принят закон об управлении Большим Лондоном, предусматривающий прямые выборы не только общегородского совета, но и мэра.

Приводя эти примеры, я хотел бы все же снова оговориться: проблемы мировых городов сходны, но не одинаковы. У Москвы есть своя специфика, которой нет ни у одного другого сравнимого города.

Во-первых, это роль Москвы в России - в экономике, в культурной и научной жизни, в истории страны. Та Россия, которая досталась нам в наследство, начиналась с Москвы и вокруг Москвы организовывалась и обустроивалась. Хорошо это или плохо, нравится нам это сегодня или нет - но так было, и изменить здесь ничего уже нельзя. Это не основание для каких-либо привилегий городу. Но обращаться с Москвой надо осторожно, иначе можно невзначай ударить по России. Роль Москвы в России совершенно не зависит от того, кто в Москве мэр - Лужков или кто-то другой. И роль эта может измениться только за десятилетия и века, но не завтра.

Другая специфика Москвы в том, что проблемы территориальной организации решаются последние 15 лет в ней не сами по себе, но в условиях переходного периода. Мы в чем-то уже перешли, в чем-то продолжаем переход от СССР к Российской Федерации, от

унитарного государства к федеративному, от «государства рабочих и крестьян» к современной демократии, от плановой экономики к рыночной, от «общенародной собственности» к частной и т.д. И во всех этих переменах и преобразованиях Москва - не потому, что она этого хочет, а потому, что таковы ее место и роль в России, - неизбежно оказывается в самом центре событий, политических столкновений, а нередко и борьбы корыстных интересов. Когда правила пишутся непосредственно по ходу игры, они обязательно влияют на ее исход, а значит, объективно кому-то «подыгрывают». Это я вам как футболист говорю.

Вот в этом во всем - дополнительная сложность и московских проблем, и путей к их решению. В крупнейших городах мира городские проблемы и проблемы отношений с разными эшелонами власти - общенациональным и локальными, - в принципе те же. Но среда, в которой там решаются эти проблемы - политическая, социальная, экономическая, - стабильна. Правила в ней давно определены, их исполнение отлажено, говорим ли мы о Пекине, Нью-Йорке, Париже или Лондоне. Это важно, очень важно.

Юрий Михайлович, давайте завершим эту беседу размышлением о природе бюрократии. Что такое бюрократизм? В чем специфика российской бюрократии? Есть ли у московской бюрократии своя специфика, значимы ли французские наименования территорий и должностей? Вы в свое время чуть ли не с нуля создали в Москве новую управленческую систему. Способен ли аппарат сам себя реформировать? Или это задача исключительно выбранных гражданами должностных лиц? Говорят, вы своим бюрократам даете возможность заработать. Это правда?

Самому себя можно только за волосы из болота вытаскивать. Истории известен лишь один такой случай. если помните.

Насчет заработка - правда. В пределах закона и без ущерба для прямых обязанностей - пожалуйста. Но только при этих условиях.

К сожалению, слово «бюрократия» давно приобрело у нас негативный смысл. И причины тому общеизвестны, описаны еще Салтыковым-Щедриным. Между тем «бюрократия» - это всего лишь определенная система управления, в современном мире пока основная. Коль скоро к ней в обществе устойчиво отрицательное отношение, значит, так она себя зарекомендовала за все века работы.

«Бюрократией» мы стали называть эту систему относительно недавно, восприняв сие далеко не новое для нас слово в общем потоке модных и супермодных заим-

ствований. А первым угнездилося у нас понятие «бюрократизм» как специфический образ деятельности любого аппарата - медлительный, неповоротливый, безразличный к человеку и делу, часто коррумпированный.

«Бюро» во всех европейских языках означает «ведомство», «управление» или, если хотите, «приказ». Под каждое направление деятельности - географическое, отраслевое, какое-то еще - создавалась структура, призванная этой деятельностью управлять или как-то ее регулировать. Самые глубинные истоки бюрократии - в том разделении труда, на котором стоит исторически известный нам и современный мир. Коль скоро труд изначально разделен, каждый выполняет на своем месте какую-то часть необходимой работы, то кто-то должен координировать усилия множества людей, слагать их в единое целое. Будь то в масштабах фирмы, региона или государства.

Это, так сказать, общая теория. Практика начинается там, где дается фактический ответ, чем занимается данная управленческая - бюрократическая - структура: *управлением, регулированием или администрированием*. На первый взгляд все эти слова - синонимы, на деле же за ними стоят принципиально разные явления и процессы.

Управление - это достижение строго определенных, обычно четко измеримых результатов в известной и предсказуемой среде и с высокой гарантией их получения. Хотим построить в Москве столько-то квартир по определенной цене, в достаточно стабильных макроэкономических, правовых, социальных условиях - и строим. Это управление. Хорошее, если цель достигается полностью и в срок. Отличное, если при этом снижаются издержки. Плохое, если какие-то или все из этих условий не выполняются. Но это управление.

Регулирование - это когда и цель задана достаточно расплывчато (скажем, «решить жилищную пробле-

му»), и показатели нестрогие либо переменные, и среда изменчива, нестабильна, и средств управления ощутимо недостает или нет совсем. Что значит «решить жилищную проблему»: обеспечить каждой семье отдельную квартиру или ощутимо поднять средний метраж на человека? Сегодня основной спрос в Москве на одно- и двухкомнатные квартиры, а через 5-10-15 лет вырастут доходы людей, или изменится демографическая ситуация, или еще что-то поменяется - я сознательно не беру кризисных вариантов. - и спрос изменится. Так уже было на моей памяти, даже не раз.

Администрирование - это когда есть закон или воля вышестоящей власти, и надо добиться их проведения в жизнь. В России много веков все определяла воля царя, не случайно и первые структуры, ведомства у нас называли «приказами». Главное здесь - добиться исполнения воли, а результаты могут иметь второстепенное значение или вовсе никакого.

Специфика российской, а потом советской и постсоветской бюрократии в том, что *ее веками заставляли и она привыкла исполнять волю, администрировать*. Управление всегда занимало в ее деятельности подчиненное положение, а функция регулирования, пожалуй, и вовсе отсутствовала. Регулирование вообще плохо совместимо с администрированием. Кроме того, неограниченная власть самодержца создавала условия, когда под прикрытием верховной власти чиновники могли обустривать собственные дела, не опасаясь ответственности перед обществом.

В этом другая особенность отечественной бюрократии: *она привыкла служить хозяину и не привыкла, не умеет служить обществу*. Ее этому не учили, от нее этого не требовали. Наоборот, очень часто бюрократию делали орудием власти, направляемым против обще-

ства. И достаточно многим нравилось ощущение кажущегося всевластия, особого кастового положения. Кажущегося потому, что на самом-то деле сословие чиновников было так же уязвимо для произвола власти, как и любое другое. Если не сильнее: этим людям было что терять, а делать что-то другое они не умели.

Есть и третья особенность: власть смотрела на чиновничество как на слуг, а слугам никогда и нигде не платили щедро. Считалось, сам доберет, сообразит как. Служащие нищенствовали или добирали «по возможности». Основная масса служащих всегда получала в России меньше среднего уровня. Перечитайте русскую классическую литературу: образ бедствующего чиновника в ней один из центральных. И такое положение в общем-то сохраняется по сей день. Есть небольшое, очень небольшое число высокооплачиваемых руководителей. И есть основная масса служащих всех уровней, зарплата которых в обществе уважения и зависти не вызывает.

У нас только в последние десять лет формируется взгляд на государственного служащего, управленца как на профессию, притом сложную и ответственную. Лишь относительно недавно образованы Академия госслужбы, другие центры по подготовке специалистов сферы управления. А в развитых странах отношение к бюрократии как к системе управления начало складываться еще в XIX веке.

Должен сказать, болезни бюрократии как системы управления во всем мире одинаковы, хорошо известны и изучены, описаны теоретически. Те, кто знаком с зарубежной практикой, часто говорят, что наша бюрократия далеко не самая худшая по сравнению с наиболее развитой частью мира. Известны и достаточно эффективные методы борьбы с болезнями бюрократических систем.

Поворот к управлению и регулированию по-иному ставит и вопрос об ответственности бюрократии перед обществом. В системе командования главная ответственность - у источника воли, инициативы или приказа. То есть у высшей власти, потому что все импульсы, побуждения к действию могут исходить только оттуда. При управлении приходит иной тип ответственности - перед теми, в чьих интересах осуществляется управление. В демократической стране это не только власть или отдельные социальные группы, но прежде всего народ. Кроме того, чиновник, которого начинают оценивать не по симпатиям к нему вышестоящих, но по объективному служебному соответствию, сам заинтересован в результатах работы.

Специфика Москвы, о которой Вы спросили, в том, что *мы стремимся развернуть городскую бюрократию именно к регулированию и управлению*, прочь от голого администрирования. Не вообще от администрирования - эта функция остается и будет оставаться, - но от положения, когда бюрократия могла ограничиваться только ею. Не все нам легко удастся. Но направление выбрано, и сворачивать с него мы не будем. В этом главная новизна московской системы.

О французских названиях. И мэр, и префектуры - эти слова сегодня прочно вошли в наш обиход, никто уже не замечает, что они заимствованы. Но в свое время в этом был глубокий смысл. Во-первых, французская система управления крупным городом содержит для нас много интересного и полезного. Во-вторых, надо было резко оторваться от прежних исполкомов Советов народных депутатов. Условия другие, страна другая, задачи управления другие - все, без исключения. И надо было, чтобы каждый работающий в системе управления человек понял бы это сразу и принял как руковод-

ство к действию. Смена названий помогла с этим справиться, потому что сразу же возникал вопрос: «А что такое мэрия, муниципалитет? Чем они отличаются от прежних исполкомов?» То есть акцент сразу же, автоматически делался на новое - что и требовалось.

Московский опыт позволяет мне сделать вывод, что *сам аппарат себя реформировать не может. И не должен.* Не потому, что он плохой, некомпетентный, злонамеренный или что-то в этом роде. Отнюдь нет. Механическое сокращение - на четверть, на треть, на 18,791 процента - не работает. Или начинаются всевозможные ухищрения, и сокращение оборачивается раздуванием штатов. Или какие-то функции перестают выполняться. Что хуже, не знаю. То и другое аппарат деморализует, разлагает.

Нужна нацеленность на реальные задачи управления. Эти задачи ставят в городе мэр, столичная Дума. В стране - Президент, исполнительная и законодательная власть. Иногда нужно и увеличение штата. Если оно диктуется действительными задачами, то такое увеличение - благо, необходимость. Отказ от него приводил бы, иногда и приводит, к потерям. Плавное, повторяю, четкая формулировка управленческих задач. Остальное - организация и технология исполнения.

Город знает, что ему надо, чего он хочет. И в этом основная, важнейшая московская специфика.

IV

ОТКУДА БЕРЕТСЯ БЛАГОСОСТОЯНИЕ?

Сегодня хотелось бы поговорить о политической экономии. У нас с некоторых пор эта наука оказалась неактуальной. Ее вытеснили пособия по менеджменту. Теперь стало почти неприличным задаваться вопросом о происхождении бедности и богатства. Подразумевается, что здесь и так все ясно (дескать, нечего пальцем показывать). Внимание смещено на оптимизацию исполнения задач, на менеджмент.

О политической экономии вспомнить давно пора, тем более что развитый мир о ней никогда ни на секунду не забывал. И не надо противопоставлять политэкономии и менеджмент. Нужно то и другое. На Западе менеджмент на первом плане, потому что с политэкономией там не возникает никаких вопросов. Менеджмент - исполнитель. А вот что исполнять, задает ему, в том числе, политэкономия.

Политэкономия - наука о «стыке» между политикой, экономикой и развитием. О том, как на деле взаимодействуют две первые. О том, как это их переплетение отражается на развитии страны и мира. Это та самая наука, которая сегодня должна была бы быть востребована в России в первую очередь. И если она не востребована. если ее не преподают и не учат, если о ней не вспоминают в прессе, значит, о развитии на самом деле мало кто думает. Слишком многих волнует только

один вопрос, производный от нашего типа реформ и приватизации: "Где схватить кусок пожирнее, куда схватить его понадежней?"

В случае России наука политэкономия сталкивается с проблемой: *каковы политэкономические закономерности возврата от революции к нормальному развитию?* Или революция оказалась слишком долгой и глубокой и породила какой-то новый тип развития? Не закрепляем ли мы сейчас своими действиями этот тип?

Думать таким образом заставляют несколько моментов. Исторически богатство могло возникать не самыми благолепными путями. Но вот трансформировалось оно в капитал уже только путем производства товаров и услуг. И пока капитализм развивал материальное производство, услуги, и это расширяло вовлечение людей в общественное производство, приносило рост благосостояния работников, капитализм сохранял созидательный потенциал. Был, как сказали бы еще лет 15-20 назад, прогрессивен. Имена тех капиталистов, что вошли в историю, прочно связаны с их сферой деятельности. Назовите Форда, Дюпона, Рокфеллера, Гейтса - почти все, наверное, уверенно скажут, чем каждый из них занимался.

Когда же мерилом становится не производство реального продукта, а «производство денег» из виртуальных финансовых спекуляций, это уже свидетельствует о тупиковости, о гибельности системы, которая игнорирует проблемы обеспечения занятости людей, их реального положения, проблемы развития своей страны и мира в целом.

Религия экономического роста пришла на смену позитивизму бытия. Против экономического роста трудно, да и незачем было бы возражать, оценивайся он в показателях реального потребления необходимых

людям товаров и услуг. Но такое, разумное, потребление имеет свои пределы. Экономика же, нацеленная на максимизацию функции прибыли, не может, не способна в эти пределы укладываться. В итоге непрерывно создаются новые искусственные потребности, все больше наращивается число квазиэкономических трудовых ниш - то есть позиций, внешне вроде бы «производящих», но на самом деле занятых трудом, направленным на удовлетворение этих искусственных потребностей.

Могут сказать: ну и пусть, если потребитель готов оплачивать подобные потребности, то вольному воля. Не так все просто. Есть тот самый «простой продукт» - или первичный, безусловно необходимый, о котором упоминал Александр Сергеевич Пушкин, излагая свое видение Адама Смита, - и есть конечный потребитель. Наслаивание между ними все большего числа фирм и работников, производящих нечто, как пишут на упаковках, «со вкусом мяса» или «с запахом курицы», раскручивает инфляцию и в конечном счете разоряет экологию планеты.

У нас ситуация иная. Бывшая «общенародная собственность» была практически молниеносно разделена между частными владельцами. Кто они и откуда, чем и как заслужили право и возможность в мгновение ока стать миллиардерами, не известно не только широкой публике, но подчас и государству. Я не морализирую. Я просто задаюсь вопросом: не влияет ли такое положение на мораль общества, на сам тип отношений между экономикой и политикой, на перспективы развития страны? Если нет, если мы действительно выходим на нормальное развитие - буду только счастлив.

Главное основание для сомнений - то, что страна живет по-прежнему «с трубы», причем зависит от нее

больше, чем раньше зависел СССР. Жить так можно, десятки стран живут экспортом одного-двух видов сырья или сельхозпродукции. Но и возможности развития при этом минимальны: конечный продукт всегда будет дороже, чем сырье и энергия для его производства. Это - азбука политэкономии. В теории с этим не спорит никто. На практике экономика с трудом и скрипом разворачивается к производству.

Когда сейчас говорят о богатстве и бедности, подразумевают прежде всего, какими путями - законными или противозаконными - приобретено богатство. О законе, конечно, забывать нельзя. Но политэкономия побуждает думать и о том, какие функции выполняет богатство: лежит ли оно сокровищем или обращается в экономике. Если богатство - сокровище или предмет голой спекуляции, в стране наряду с богатством немногих будут расти бедность и нищета. Если богатство вложено в реальный сектор, оно создает рабочие места, обеспечивает зарплату и ведет к сокращению безработицы, бедности, нищеты.

Бедность и богатство - две стороны одной медали. Человек глубокой и очень далекой от нас древности чувствовал себя хорошо, скорее всего, только когда у него была еда. Потом, на каком-то рубеже, началось расслоение: у одних еда была уже всегда. У других она была и не всегда, и похуже.

Но по-настоящему бедность и богатство разошлись тогда, когда одни стали жить во дворцах, а другие остались в тех же хижинах, в каких, наверное, жили наши далекие предки. Стали ли при этом «новые бедные» жить хуже, чем они жили раньше? Не знаю, думаю, что нет. Но рядом появилась роскошь, и вот на этом фоне человек начал ощущать себя бедным. Когда впервые возникли бедность и богатство?

Почитайте Библию, там они прописаны уже совершенно четко.

Затем - века и тысячелетия противостояния. У богатых - все, у бедных - ничего. Богатые все отобрали у бедных, а потому бедные таковыми и остаются. Так думали не самые последние люди разных эпох, многие так считают и сегодня. Отсюда и кажущийся столь простым «ответ», решение проблемы: у богатых отобрать, бедным раздать. Все будут довольны и счастливы. Сколько раз в истории пытались осуществить этот рецепт!

Не буду защищать богатых - слишком часто они демонстрировали худшие качества человеческой натуры. Но и бедные не ангелы. У американцев есть поговорка: «Деньги портят человека. Но отсутствие денег портит сильнее и хуже».

Богатые выполнили в истории очень важную задачу: сделали возможным возникновение и первоначальное развитие цивилизации. Когда какой-нибудь фараон украшал свои дворцы фресками, изразцами, золотой и серебряной посудой, дарил своим женам драгоценности - он тем самым, помимо своей воли, способствовал появлению, концентрации, развитию искусств и ремесел. Когда человек задумывался над несовершенством и несправедливостью жизни - рождались религии, философия, литература, науки.

Я. безусловно, упрощаю: но общая динамика становления цивилизации была примерно такой. Если бы всего этого не происходило, мы бы до сих пор жили, возможно, в равенстве - но в равенстве многотысячелетней давности. Так, как живут звери - в равенстве перед природой, но примитивно. Посмотрите: в СССР мы во многом осуществили идеалы такого, механически понятого равенства. Богатых не было. К чему при-

шли? Вернули десятки миллионов людей на шесть или четыре сотки, с которых они и кормились.

Богатство перестало быть только богатством, роскошью, и стало капиталом, когда в результате тысяч лет эволюции цивилизация подошла к появлению производства, индустрии. Капитал остался богатством; но функция этого нового богатства стала очевидной. Теперь уже не тысячи лет, а всего десятилетия нужны были для того, чтобы капитал производил общественно значимые результаты. Не только собственно товары, которые улучшают жизнь людей. Но и инфраструктура, знания - все то, что включается сегодня в понятие «качество жизни».

Не берусь говорить точно, когда это произошло, но к исходу XX века, а может быть и раньше, индустриальная экономика обрела новое качество. Это качество и составляет для меня смысл «постиндустриальности», хотя сам этот термин я не люблю.

Развитая экономика сегодня не может существовать без развитого же рынка. Вдумайтесь в этот переворот, в смысл этой исторической революции! Это *симбиоз, в котором одно без другого невозможно!* Почему капиталы охотно идут в Москву и куда менее охотно во многие регионы России? Страна одна, политическая система одна, власть одна, законы одни - казалось бы, и условия везде должны быть в принципе одинаковы?! Ан нет. В Москве значительный платежеспособный рынок уже есть. А в других местах он еще или слишком слаб, или вообще отсутствует.

Давайте еще раз призовем тень Адама Смита, конечно, в изложении Пушкина - как его знает и большинство наших сограждан. На заре индустриальной эпохи «государство богатело» производством товара, «простого продукта» (в смысле не золота, не сокровищ.

а именно продукта на продажу). Сегодня страна богатеет. если этот продукт есть кому купить и если производство и продажа товара тянут за собой длинную цепочку социальных и экономических последствий. Таких, как гарантийное и эксплуатационное обслуживание, обучение, дополнительные услуги и многое другое.

Прошла Россия все эти стадии социально-экономического развития? На мой взгляд, только начинает. Мы как-то упрощенно все сводим к рынку. Есть рынок - мы уже в экономике западного типа... Да ничуть не бывало! Рынок - только предпосылка, только одно из многих необходимых условий. Нужны еще и все остальные.

Классическая политэкономия создала теорию - не претендую на научность термина, скажу так, как я это понимаю, - изначального, естественного капитализма. Того капитализма, который возникает как бы сам собой, однако в весьма специфических условиях. Столь исключительных, что поначалу капитализм возник только в Голландии и Англии - хотя рынок, замечу, существовал тогда везде. До социализма и коммунизма, до централизованного планирования никто еще тогда не додумался.

Сейчас в России проблема стоит иначе. Нам нужна теория своего рода «капитализма догоняющего развития». Такого, который сам не возникает, его создают. Но при этом он должен двигать нас вперед быстрее, чем шли страны-первопроходцы капиталистического развития. Потому что если мы будем идти вперед теми же темпами, что и они, то останемся навсегда позади. К тому же, подозреваю, темпы - вещь важная, но не единственная. Необходимо еще и качество развития.

Вот вам, если хотите, «социальный заказ для политэкономии». Могут менеджеры справиться со всем этим? Нет, у них свои задачи. Важные, необходимые, но свои. Так что противопоставлять политэкономии и менеджмент в корне неправильно. Они должны работать в тандеме.

Но в Вашем вопросе есть еще один подтекст, если я его правильно понял. «Стало почти неприличным задаваться вопросом о происхождении бедности и богатства» - а почему неприличным? Лично я никаких неприличий здесь не вижу.

Что может стать первопричиной бедности? Сам человек - неактивен, ленив, некомпетентен и тому подобное. Это самый тяжелый случай, здесь со стороны помочь почти невозможно. Если человек сам себе не помогает, ему и Бог вряд ли сумеет подсобить, ему и везет меньше.

Гораздо чаще причины бедности другие. Стартовые условия человека в жизни. У одних - полная и любящая семья, квартира, достаток в доме. У других чего-то из этого нет, или даже нет всего. Здесь общество, государство могут и обязаны выравнивать стартовые условия. Ноне отнимая у имущих, а устанавливая стипендии, бесплатные формы обучения, гранты. Во всех развитых странах с либеральной экономикой так и поступают.

Бедность является результатом социальных проблем. Реструктуризация экономики, закрытие устаревших производств и отраслей, демографические проблемы... Ни одна из них не сваливается на общество вдруг и неизвестно откуда. Все они легко прогнозируются средствами современной науки за годы и десятилетия до кризиса. И тут определяющая роль принадлежит государству, его экономической и со-

циальной политике. Государство нужно сегодня не для того, чтобы «владеть» обществом. И не для служения тем или иным групповым интересам. Оно нужно только тогда, когда работает для разрешения проблем и противоречий общественного развития. Но для этого государство должно быть подотчетно обществу, а не наоборот.

Бедность может быть и результатом несчастного случая. Заболел человек, попал в аварию - да мало ли что бывает. Здесь нужно сочетание и государственной подстраховки, но и заботы человека о самом себе: будь осторожен, застрахуйся, отложи на «черный день»... И к этой «заботе о себе» должна прилагаться система, которая помогает ему.

Но есть еще одна причина бедности. Допустим, кто-то живет не шикарно, но вполне достойно. И дом есть, и в доме достаток. Не богатство, не роскошь, а именно достаток. Нормальный, трудовой, когда в семье все здоровы, и все, кто может и должен работать, нормально зарабатывают. Хорошая такая семья. И в то же время кто-то рядом подчеркнуто выставляет напоказ свое богатство. Не ахти какое богатство, надо сказать - до олигархов там еще много нулей добавлять надо. Но по меркам той, первой семьи - роскошь, богатство. И вот эти люди уже считают себя бедными.

Это я к тому, что так называемая элита должна быть достойна своего положения. Личное богатство расширяет возможности человека - но оно же требует и гораздо большей ответственности в использовании этих возможностей. «Старые» элиты в развитых странах это отлично понимают. Нувориши - нет, и они-то и создают угрозу социальной стабильности, сильно вредят репутации капитала - не богатства, не роскоши, но именно работающего капитала.

Теперь об истоках богатства. Возьмите опросы общественного мнения последних двух-трех лет: все они показывают, что люди в массе своей нормально и рационально относятся к богатым. Не усматривают в них того вселенского «зла», каким рисовали богатые сословия в учебниках советского времени. Люди на собственном опыте узнали, что капитал - двигатель экономики, но только тогда, когда у этого капитала есть хозяин. Миллионы людей сами стали пусть мелкими, но хозяевами. И это хорошо.

Но проблема легитимности богатства остается. И если раньше, во времена Российской империи, эту проблему подпитывали исторически сложившиеся представления, то сегодня в России корни этой проблемы иные. Не буду говорить о тех случаях, когда богатство приобретено путем откровенно незаконным с позиций законов уже нынешней, новой России. Тут, как говорится, все ясно. Кстати, совершенно не разделяю «теории», будто капитал вначале всегда должен быть украден или награблен, а вот когда награбят достаточно, тогда бросят уголовное ремесло и пойдут превращаться в бизнесменов. Если и пойдут, то в бизнесменов криминальной экономики, на которой только криминальное государство и можно построить.

Не буду говорить и о тех, кто начал свое дело с малого, работал, не жалея сил, и в результате что-то создал. Большое дело, среднее или малое - неважно. Важно, что человек сам это создал. Все окружающие это видели и знают. Здесь тоже все ясно. Человек сумел, законов не нарушал. И как бы он ни распорядился своим делом дальше, богатство его легитимно - и с точки зрения законов государства, и с позиций людской морали.

Однако основная часть экономики современной России сложилась на реалиях переходного периода.

Она - итог приватизации, в процессе которой прежняя «общенародная собственность», создававшаяся трудом всего народа и в этом смысле действительно общенародная, без всяких кавычек, оказалась перераспределена так, что стала достоянием немногих.

После драки кулаками не машут, и ревизовать итоги приватизации сейчас означает нанести серьезный ущерб существующей экономике России. Но *та приватизация, что прошла в России, была предельно аморальной по формам, средствам, методам, по ее основным результатам.* Этого отрицать нельзя. Не случайно мы в Москве принимали огромные и дорого нам обошедшиеся усилия, чтобы хоть как-то ее очеловечить. Пусть приватизация не нарушала законы переходного времени - не самые лучшие законы, надо сказать, - но она все равно останется в памяти народа как деяние в высшей степени несправедливое. А значит, и легитимность всей экономики или как минимум значительной ее части будет еще очень долго оставаться под сомнением. И в сторону богатых будут коситься с недоверием, а кто-то и с осуждением, неприязнью.

Жаль, что так вышло, что корысть взяла верх над разумом, опытом других и просто здравым смыслом. Развитию страны все это не подмога.

В свое время премьер-министр В. Черномырдин любил говорить, что он за рынок, а не за базар. А сегодня у нас в стране есть рынок или мы все-таки ближе к «базарной экономике»? Что это вообще такое - рынок? И чем рыночная экономика отличается от плановой?

Хороший базар - отличное и уважаемое дело. И неременная часть всякой здоровой экономики и образа нормальной, демократической жизни.

То, что многие у нас называли и продолжают называть «базаром», есть специфика переходного периода, складывающаяся из двух явлений. Во-первых, это собственно переход, когда прежняя система разрушена, ее уже нет; новая же только создается, не отлажена и потому не функционирует удовлетворяющим нас образом. Во-вторых, это совокупность всего, что в этих условиях «ловит рыбку в мутной воде», - от элементарных безответственности и разгильдяйства до коррупции, клановых интересов, теневой экономики и организованной преступности. Все это вместе и дает эффект «базара» - то есть чего-то стихийного, неуправляемого, рискованного, опасного, даже потенциально страшного. Могут «кинуть», «за-

мочить» - все могут, и надеяться лучше только на самого себя.

В течение последних 10-12 лет московское правительство предпринимает усилия, чтобы «базар» покинул столицу. Легче всего было справиться с тривиальным мешочничеством. Сейчас многие уже и не помнят, что представляли собой центральные улицы и площади в начале 90-х. Но, уйдя с площадей, «базар» не ушел из экономики, из общественной жизни. Такой «базар» страшен тем, что атомизирует общество, разлагает его на тесно спаянные внутри кланы и группки, коррумпирует само государство и в перспективе не может не привести к возникновению длительных и острых гражданских конфликтов. По существу, *«базар» есть не что иное, как материальная и социально-политическая основа раннефеодального общества.* Если не перехватить тенденцию, мы в перспективе 7-10 лет максимум получим вполне «цветущий» феодализм со всеми его прелестями. Вопрос - как перехватить и что именно перехватывать.

На «шкале» организации современной высокоразвитой экономики есть два полюса. Один - централизованная плановая экономика, которая была в бывшем СССР. Идея психологически привлекательная: абсолютно все учесть и спланировать, все подвести под централизованное управление и жить, не зная экономических кризисов и потрясений, безработицы и инфляции, социально-экономического расслоения и прочего. Но идея на современном уровне исторического развития неработоспособная. Дело даже не в том мертвящем влиянии идеологии, какое было в СССР. Нигде в мире нет пока практики подобного планирования и управления. Если оно и возможно, то на совершенно ином уровне знаний и возможностей человека. Пока

же эта идея - иллюзия, миф, интеллектуальное искушение.

Другой полюс - нет, не «свободный» рынок, куда приходят и где конкурируют друг с другом все желающие, не встречая препятствий ни со стороны государства, ни от преступности, ни откуда-либо еще. *Такого рынка нет нигде, подозреваю, что никогда и не было.* Это тоже миф и тоже иллюзия.

Ведущие государства мира все без исключения мощно регулируют свои рынки, преследуя при этом разные цели и делая это по-разному. Но регулируют. Целями обычно являются поддержание финансового и экономического равновесия, социальной стабильности, защита национального бизнеса, стимулирование развития определенных отраслей, секторов экономики, районов страны и многое другое. Методы различны: прямые законы и государственные акты, экономический дирижизм, программирование, финансовая политика. Ко всему этому добавляются регулятивные по сути меры и рекомендации международных экономических организаций, положения международных договоров. То есть регулирующий комплекс велик, объемен и по отношению к экономике императивен. Но в основе своей *прагматичен, а не идеологичен: в этом суть различия* между плановой экономикой бывшего СССР и экономическим регулированием в наиболее развитых странах.

Конечно, можно иметь достаточно развитую экономику, объективно требующую регулирования, - но отказываться ее регулировать, называя создающийся в итоге хозяйственный беспредел «свободным рынком». Это и есть полюс, противоположный централизованному планированию. Крайности, как известно, сходятся. И если планирование препятствовало нор-

мальной хозяйственной жизни своим догматизмом, идеологической зашоренностью, готовностью принимать желаемое за действительное, то отказ от объективно необходимого регулирования тоже препятствует. Он насаждает дезорганизацию, создает предпосылки и условия для разрастания антиобщественных и антигосударственных форм хозяйственной жизни. Вслед за ними неизбежно потянутся аналогичные «мутанты» в политике и юстиции. Точно так же, как теневая экономика, набрав некоторую критическую массу, всегда тянет за собой теневую политику и теневую юстицию.

На что молятся наши либералы - не знаю. Если на западную систему государственного экономического регулирования, то надо ее создавать. Тут я обеими руками «за». Только надо не механически ее переносить, а функционально: четко определять функции каждой из подсистем, а их обеспечение выстраивать соответственно нашим условиям. Если же либералы молятся на описанный выше миф о «свободном рынке» - ну, тогда они просто социально опасные люди.

Все политические силы нашей страны декларируют социальную составляющую и принципы социального государства в своих предвыборных программах, в любых политических действиях. Что есть социальное государство в эпоху постиндустриализма и глобализации?

По большому счету, это утвердившееся к концу XX столетия понимание и признание всеми политическими силами современности того, что:

во-первых, экономика ценна и эффективна не сама по себе, но в той, и только в той мере, в какой она реально служит интересам человека, общества в целом, целям и задачам их развития:

во-вторых, организация экономики в интересах групп, частей общества не должна достигаться ценой ущемления интересов других или приводить к такому ущемлению:

в-третьих, в современном сложном, многогранном обществе балансировать, увязывать между собой интересы различных социальных групп может только государство; и оно же, кстати, является инструментом обеспечения такого баланса.

Перечисленные положения в той или иной степени разделяют сейчас все партии традиционного типа

во всем мире, от левых до правых. Пути к достижению этих целей представляют себе по-разному. Приоритеты, акценты расставляют тоже по-своему, сообразно идеологическим позициям и видению условий в своей стране. Программы, естественно, у каждой партии свои. Но сами положения утвердились, на мой взгляд, как базовые принципы общественной жизни, хозяйствования, политики. Справедливо утвердились. И останутся их фундаментом на все обозримое будущее.

Вопрос - как добиться оптимальной реализации этих принципов. В самом общем виде дилемму можно сформулировать так. С одной стороны, в условиях жесткой глобальной экономической конкуренции от государства часто требуют таких качеств и функциональных способностей, таких элементов его развития, которые в совокупности можно условно назвать превращением его в «государство-корпорацию». То есть по сути в некую суперфирму, действующую по экономическим законам, по законам бизнеса и максимальной экономической эффективности. Отсюда требования сокращения государственных расходов (как непроизводительных затрат), сокращения налогового бремени, даже сокращения социальных обязательств государства.

Но новое время является и эпохой позднейшего индустриального типа, где основную роль играет «экономика человеческого капитала». Значит, в государственной политике естественным образом возрастает как раз значение того, что называется социальным сектором, «человеческим капиталом». Приоритетом государственной политики тогда должно быть именно здоровье человека, производство знаний, «производство» качества общества, от которого

зависит успешность в этой постиндустриальной эпохе. Однако такая логика эволюции государства противоречит первой доктрине - его «экономизации». И проблема как раз в том, как совместить между собой эту модель глобальной конкуренции и эффективности в бизнес-понимании государства и требования того, что называется экономикой «производства человека».

В современной экономике социальная составляющая выражена, пожалуй, наиболее сильно. В чем ее смысл? Государство, по Адаму Смиту, было сторожевым псом, который бережет добро хозяина, когда хозяин спит. Но в дела хозяина пес свой нос не сует. Это экономический либерализм в его классическом виде. Государство, по Кейнсу, стало регулятором рынка и экономической активности. Регулятором, цель которого - смягчить, а в идеале - избежать, тех катастрофических кризисов, какие до того неизменно порождались стихией рынка, «либерального - по Адаму Смиту», и классической либеральной политикой.

Такое регулирование уже делает государство субъектом социально-экономических отношений. Субъектом особым. Государство не просто устанавливает правила игры на рынке - оно все более само играет на этом рынке, и не всегда по собственным правилам. В условиях глобализации это все чаще правила мировых рынков, нормы и стандарты международных соглашений, практика и давление международных организаций. Хотя бы ради поддержания социальной стабильности государство вынуждено учитывать не только экономические, но и социальные соображения и интересы. Идеологически это часто энергично отрицается, но на практике это давно уже так. Баланс между инфляцией и безработицей - это социальная поли-

тика в гораздо большей степени, нежели собственно экономическая.

Конец XX века поставил государство перед новыми проблемами и задачами. Темпы, направленность и уровень развития абсолютного большинства государств, за исключением разве что Китая, в решающей степени определяются сейчас не внутренними, а внешними факторами. Ролью и местом страны в глобальной экономике и политике. Государство действительно должно быть конкурентоспособным, но не только по параметрам собственно экономики.

И все же государство - не фирма, и критерий его конкуренте- и жизнеспособности - не норма и масса прибыли. Оно должно быть конкурентоспособным в привлечении иностранных инвестиций - а это качество рабочей силы, наличие инфраструктур, в том числе правовых и социальных, эффективность суда и арбитража, отлаженность структуры государства и общества. Оно должно быть конкурентоспособным в выборе оптимальной именно для него стратегии развития. Оно должно быть конкурентоспособным в обеспечении собственной легитимности и доверия к нему населения своей страны. Экономические моменты во всем перечисленном есть, но они неотделимы от других, неэкономических. Причем именно эти последние и определяют в конечном счете *социальную конкурентоспособность* государства как института и того уклада общественной и хозяйственной жизни, какой поддерживается в стране.

Современное государство все более активно и во все более широком диапазоне действует как субъект экономической жизни - и в мире, и на своей территории. Причин тому много. Общество должно выстраивать свое экономическое развитие так, чтобы быть конку -

рентоспособным на особо долговременных дистанциях, измеряемых не годами, а десятилетиями. Поэтому государство имеет свой сектор в экономике, которым надо управлять и делать это экономически эффективно. Оно осуществляет долговременные проекты - ведь их политические и экономические риски, их потенциальная отдача выходят за пределы жизни одного поколения (космические исследования. БАМ, трансконтинентальные трубопроводы, освоение Мирового океана и многое другое).

Нельзя измерять эффективность государства по тем же критериям и меркам, что и эффективность фирм, пусть даже самой гигантской, транснациональной. *Требую от государства экономической эффективности по критериям фирмы, мы тем самым жестко фиксируем его на неэффективности глобальной, политической.* Эффективность фирмы измеряется не показателями производственного цеха, а конечными итогами работы этой фирмы в целом. По аналогии, и эффективность государства будет зависеть не от масштабов или структуры его расходов, но от результатов всей деятельности государства на достаточно протяженной - но определенной, не исторически размытой - дистанции.

Какова была эффективность американского государства в операции в Ираке? Наверное, большинство согласится, что высокая. Почему? Потому что сделан важный, прецедентный шаг к утверждению американского понимания того, что есть глобальный миропорядок. Экономически же вся операция - чистые расходы. Для американской экономики мелкие, но тем не менее...

Популярное сегодня в некоторых экономических и административных кругах требование сокращения

государственных расходов - или идеологическая догма, или корыстный интерес. И в том, и в другом случае оно опасно и по сути своей *антигосударственно*. *Требовать надо обоснованности и эффективности государственных расходов*, их четкой связи с достижением поставленных социальных и иных целей. Иначе наше государство так и останется малоэффективным, слабым, уязвимым перед разными кланами и группами интересов.

Юрий Михайлович, глобализация, о которой так много говорят и которой приписывают одни чудодейственный, другие - разрушительный эффект, - она вносит здесь нечто новое и существенное?

Да, конечно. Глобализация ставит государство перед новыми проблемами, главная из которых - утрата особенного, «священного» статуса самого института государства в мире и международных отношениях. Его суверенитет размывается многими факторами и по многим направлениям сразу. Назову лишь самые основные. Это и появление транснациональных корпораций и банков, по экономической мощи превосходящих многие десятки государств. И приватизация силовых функций, которые до недавнего времени принадлежали только государству. И новая роль международных организаций. И установившаяся уже практика вмешательства извне во внутренние дела государств.

В условиях глобального мира экономическая политика государства все больше зависит, как я уже сказал, от внешних факторов. Придут ли иностранные инвес-

тиции, куда и на каких условиях? Насколько стабильны будут те мировые валюты, от которых зависит мир (потому их и называют «мировыми»)? Все это уже за пределами управления, даже влияния отдельного государства. Но все это определяет положение в нем самом и его будущее.

Глобализация меняет и картину вокруг такого явления, как *конкуренция*. За что она идет в современном мире? Только за рынки сбыта, масштабы прибылей, как это было на протяжении всей истории? Или еще и за первенство, за достойное место в перечне индексов социально-экономического и «человеческого» развития? Даже если брать только экономику в сугубо традиционном ее понимании - кто, какое государство имеет здесь преимущества? С более образованным и свободным населением или с темным и несвободным? С емким внутренним рынком - то есть зажиточным населением - или с рынком сжатым, как шагреновая кожа, потому что население бедно?

Вопросы риторические. Возьмем такую проблему, как демография. В России положение с численностью и структурой населения может быть выражено одним словом - катастрофа. Население стареет и сокращается. У нас в Москве пенсионеров почти полгорода. При такой демографии российские пространства не только не освоить - удержать будет трудно. Должно государство этим заниматься? Я не говорю - как, я пока только спрашиваю: должно или нет? Зависят перспективы России, ее место и роль в мире, ее конкурентоспособность - даже чисто экономическая - от демографического фактора? По-моему, двух ответов на эти вопросы быть не может.

Будет население, будет молодежь - вот тогда можно будет начинать игру на поле «экономики челове-

ского капитала». Потому что пенсии и забота о здоровье пожилых людей - это необходимо, это проявления гуманизма и цивилизованности. Но это еще не экономика «человеческого капитала». Экономика начинается там, где рубль вкладывают в расчете на отдачу, и он эту отдачу дает. «Человеческий капитал» - это знания, здоровье, здоровый образ жизни, которые должны возвратиться к обществу и самому человеку не столько дополнительным объемом продукции, сколько *качеством* производимых идей, услуг. Добыть ценой физических усилий лишнюю тонну угля, лишний кубометр леса может практически каждый. А вот изобрести прорывную технологию - для этого и нужен «человеческий капитал».

...Недавно натыкаюсь в прессе, не помню точно, где, на сообщение: американские специалисты подсчитали, что если человека разобрать на «запасные части» и органы, его цена окажется около 45 миллионов долларов. Как курьез - любопытно. Ну, а что если всерьез разбирать начнут? За такие-то деньги... Не надо с рынком уподобляться тому дураку, которого молитесь заставить.

А главное, если человек - товар, то очень скоро нам начнут диктовать все: чему учиться, сколько весить, что есть, кого любить... *Формула «человек-товар» в мире современных возможностей может стать мощнейшей основой и движущей силой тоталитаризма.* Куда более мощной, чем любые из идеологий прошлого. Товар не спрашивают, чего он хочет. Его везут, куда надо, и продают.

Экономика, в которой человек становится товаром, - страшная вещь. *Экономика должна служить человеку, а не пользоваться им как одним из ресурсов, наряду с нефтью или торфом.* На мировых рынках

конкурируют все-таки не товары и услуги, и даже не стоящие за ними корпорации, но люди, эти корпорации основавшие, придумавшие и производящие товары и услуги.

Если так, то расходы государства на «производство человеческого капитала» - это непроизводительные накладные расходы или все же долговременная инвестиция? Сокращая государственные расходы на образование, социальную сферу и прочее, что именно мы сокращаем? Если пускание денег на ветер и возможности для злоупотреблений, то это благо. Такие расходы надо вообще прикрывать, а не сокращать. Или мы снижаем инвестиции в «человеческий капитал», а с ними и способность страны конкурировать? Причем конкурировать не только на мировых рынках политики, товаров и услуг, но даже в удержании у себя в стране того «человеческого капитала», который уже есть?!

Наиболее конкурентоспособен тот, кто оптимально развил свой «человеческий капитал». Для этого надо вплотную заниматься эффективностью государства, ее повышением. Никуда *государство не отмирает*. Да, его суверенитет ограничивается - но так и должно быть в современном мире. Одновременно растет объем и диапазон его внутренних функций. И угрозой самому себе и нередко внешнему миру государство становится тогда, когда оказывается неспособно эффективно выполнять эти функции. Вот тогда возникают внутренние конфликты, дестабилизации, способные довести до того, что без вмешательства извне не обойдешься.

Юрий Михайлович, что лежит в основе относительного благополучия столицы? Наверное, этот вопрос так же сложен, как сложна столичная экономика...

Во-первых, это благополучие - относительное, по сравнению с некоторыми другими регионами из числа не самых сильных. А если исходить из того, что нужно самой Москве и что Москва способна дать возрождению России, то нынешнее благополучие города - это «минимум миниморум». Ниже некуда.

В основе того положения, какое существует сегодня, лежат главным образом три фактора.

Первый. Москва - финансовый и экономический центр России, и ее ресурсы и возможности много больше, чем у любого другого субъекта Федерации. Это факт, этого отрицать незачем. Знаю, такое положение многих раздражает. И многие хотели бы поставить Москву на место, прижать ее посильнее. Как в армии говорят, «чтобы служба медом не казалась». Но московская служба - не мед, уверяю Вас. Как и по всей России. многие инфраструктуры давно выработали все

сроки. Напомню: Москва никого не грабила, ее особое место в экономике сложилось исторически, не только в советское время, но и за столетия, ему предшествовавшие.

Главное же, отношение к Москве - это лакмусовая бумажка для проверки сущности курса федеральной власти. Дилемма простая: ослаблять Москву или подтягивать, развивать остальную Россию. Ослабить Москву, конечно, много проще. Но со слабой Москвой России не подняться.

Говорю это не потому, что я такой патриот Москвы - хотя я патриот и всегда это подчеркивал. Я здесь родился, вырос, это мой город. *Нельзя ослабить одно из главных экономических звеньев и одновременно надеяться на рывок вперед и вверх.* Так не бывает и быть не может, ни у кого, никогда и нигде.

Второе. Масштабы Москвы как мегаполиса: это и проблемы, но это и рабочие места, и возможности, и простор для экономического маневра, и источник разнообразных доходов города.

Третье. Московская приватизация. Она прошла не идеально, но и не безобразно хищнически, как в России в целом. Федеральные ведомства пытаются навязать свой подход Москве и навредили городу немало. Сейчас готовы распродавать московскую землю на порядок - вдесятеро - дешевле минимально разумных цен. Но мы этому противодействовали и будем бороться столько, сколько хватит сил.

Есть еще один фактор, я его, кажется, упоминал. Если Лужков сегодня погонится за политической выгодой для себя, не думая о городе, - то уже завтра это полной мерой ощутит на себе городской бюджет. И городу жить станет намного тяжелее. И москвичи это сразу увидят, многие почувствуют на себе. Реакция

Москвы на просчеты управления лежит в пределах максимум полугода-года, а иногда может измеряться неделями, даже днями. И Правительство Москвы сразу ощутит на себе настроения москвичей, услышит все, что они думают.

По отношению ко всей России процесс этот срывает гораздо медленнее и не столь четко. Страна огромная. Последствия неверного решения заявят о себе иногда спустя годы. Конкретного ответственного не найдешь. Да и меняли их зачастую раньше, чем плохая работа начинала сказываться на результатах. И людям организовать и скоординироваться для совместных гражданских действий гораздо сложнее, чем в отдельном городе.

Вот почему Москва ответственнее относится к своим ресурсам и возможностям. Дело не в людях, они в принципе везде одинаковы. Дело в системе, в количестве, быстроте срабатывания, эффективности обратных связей. *В Москве плотность таких связей гораздо выше, чем в России в целом, и срабатывают они быстрее и надежнее.*

Сказал все это и думаю: пожалуй, последний фактор самый важный. Потому что главное - не сколько у тебя ресурсов, а как ты ими распоряжаешься.

Как Москва богата дорогими земельными участками, так и Россия не обделена Богом самыми разнообразными природными ресурсами. В последнее время все чаще можно услышать, что государство игнорирует принадлежащую ему природную ренту, оставляя ее как мелочь на кассе «нефтяникам», «газовикам», «алюминщикам» и прочим олигархам. Какова Ваша позиция по данному вопросу? Как Вы относитесь к предложению о широком внедрении в России концессий на использование недр? Согласны ли Вы с тем, что надо отказаться от принципа «двух ключей» при выдаче лицензий на разработку месторождений?

Экономическое поведение государства иррационально. Оно одновременно давит малый и средний бизнес, ставит его в невозможные правовые и материальные условия - и делает щедрые и непонятные подарки олигархам, привилегированным секторам и компаниям. Оно перекладывает на местное самоуправление все новые и новые функции - и одновременно подрывает его финансовые основы.

И проблема даже не в том, оптимален ли для России концессионный механизм или же как использовать природную ренту. Это все производное. А главный вопрос в том, кто, как и в каких целях будет этими механизмами управлять и пользоваться. И каковы будут при этом у общества, государства возможности конструктивного контроля. Не бюрократических зацепок, а

тех эффективных обратных связей, о которых я уже говорил.

Надо быть железно уверенным, что любая такая схема просчитана честно, добросовестно, квалифицированно. Что ее выполнение жестко контролируется. Что получаемый доход идет на общественно значимые нужды и цели. Можем мы, положила руку на сердце, все это сейчас гарантировать?

То же самое и с «двумя ключами» при выдаче лицензий на разработку месторождений. С принципом спорить трудно. Федеральная власть должна иметь весомое слово в выдаче и распределении концессий. Но и регион его тоже должен иметь. В случае разногласий нужны процедура и механизм согласования интересов, а не диктат одной из сторон. Отказ от «двух ключей» означал бы, что все решения по использованию месторождений будут приниматься только центром. Не думаю, что уровень коррупции в центре ниже, чем в регионах.

Регион в данном случае не просто борется за свою долю. Регион еще служит механизмом контроля и уравновешивающим рычагом по отношению как к местным, так в определенном смысле и к федеральным структурам. Если в демократической стране мы строим жизнь на основе баланса интересов, то регион - один из комплексов таких интересов. Притом специфический, соединяющий интересы отраслей и территорий, центра и местных уровней управления, России в целом и конкретного человека. *Регион - не винтик и не шестеренка в вертикали власти, а то самое среднее звено, без которого вертикаль рассыплется.* И ослаблять регионы или переводить их на положение бездумных шестеренок значит резко терять в эффективности, а потом и в дееспособности системы в целом.

Кроме того, решение об использовании того или иного месторождения налагает на регион определенные обязательства, создает для него дополнительные проблемы. Это бизнес, а не проблемы обороны страны. Кто-то будет зарабатывать, а регион - нести на этом убытки, как минимум получая дополнительные задачи.

Необходимо, чтобы эффективная система использования природных ресурсов служила интересам общества и государства. Подчеркну два ключевых здесь слова: «система» и «эффективная». Но не только «ключами» обеспечивается то и другое. Эффективны обратные связи, их и надо создавать. «Ключи» - только одна из таких связей, каких должны были бы быть десятки. О создании такой системы и надо бы дискутировать. А споры только о «ключках» уводят нас от сути проблем.

Богатство, благополучие всегда соседствуют с бедностью. Москва, конечно, не Мехико, здесь нет такой страшной поляризации, такой ужасающей нищеты. Но в Москве так же, как и в других мегаполисах, идут процессы территориального расслоения, в обиходе уже нередко выражения «богатый район», «бедный район». Причем у нас, в отличие от других стран, большинство богатых совсем недавно ездили на работу в метро, а многие бедные никак не привыкнут к такому своему новому статусу. Что Вы об этом думаете, и что Вы делаете в связи с этим? Что означает быть бедным в Москве? Один из героев Достоевского говорил: «Бедность не порок. Вот нищета - порок!» Где в современной Москве граница между бедностью и нищетой? Можно ли избежать сверхконцентрации богатства и нищеты? Можно ли сделать социальные пособия фактором, стимулирующим активность?

Не надо себя обманывать: процессы территориального расслоения идти в Москве будут. Точно так же, как идут они во всех больших городах мира. Причем в Москве они только начинаются, и основные этапы этих процессов, их результаты, проблемы и противоречия - все это по большей части у нас еще впереди.

В таком расслоении, как ни парадоксально звучит, есть и рациональное начало. Состоятельный человек в бедном районе и сам не чувствовал бы себя комфорт-

но и в безопасности, и вызывал бы активную неприязнь окружающих. И наоборот, бедный человек в богатом районе оказался бы относительно еще беднее, обездоленнее.

Но лично я, московские власти помогать или способствовать этому процессу не будем. Все-таки я человек старой формации - умом понимаю, а сердце не дает относиться к социальной сегрегации как к неизбежности. Но проблему видеть и сознавать ее первопричины, истоки надо.

У нас - и в Москве, и в России в целом - проблема в отсутствии среднего класса. Или слой его столь тонок, что социальный эффект этого класса обществом не ощущается. Есть мизерный процент богатых, которым в нашем обществе, в сравнении с большинством населения, доступно практически все. И есть это самое большинство, относительные возможности которого продолжают оставаться очень скромными, а кое в чем и сужаются.

Город не может держаться экономически только на одних богатых. Их просто мало. Они из города уезжают и будут уезжать. Город всегда стоит на основной части своего населения. У нас эта часть во многом и бедная, и немолодая. Собственно, одно с другим взаимосвязано. И решать в долговременной перспективе предстоит проблему экономических основ нормальной жизни и работы Москвы, ее развития.

Да, мы еще недавно ездили все вместе в одном метро. При желании можно ездить и сейчас: метро остается не только самым безопасным видом транспорта, но и одной из наиболее безопасных территорий Москвы. Ничего, привыкнем к новому положению, как привыкли ко многому другому. Привыкнем и к тому, что люди будут оставлять машины у дальних станций «под-

земки» и добираться в центр на метро. Этот процесс уже начался, Москва будет его поощрять и развивать.

Главной задачей города по мере нарастания социального расслоения будет удержание доходов городского бюджета на таком уровне, который позволял бы поддерживать инфраструктуры, продолжать развитие городских территорий и одновременно оказывать требуемую адресную социальную поддержку там, где она необходима.

По опыту других крупнейших городов знаю, что такая поддержка нужна будет прежде всего школьному образованию и медицине - тем социальным учреждениям, которые хотя бы частично компенсируют бедность. Мы и сейчас поддержку школьному образованию и здравоохранению оказываем в масштабах города немалую. Поддерживаем пенсионеров, молодые семьи, помогаем при рождении ребенка. Москвичи это знают - и как факт, и по цифрам. Спросите любого пенсионера, сколько ему «доплачивает» город, - уверен, каждый ответит с ходу. Не скажу, что все проблемы у нас решены, это не так. Но делаем, что можем, и делаем немало, насколько это позволяют возможности Москвы.

Что значит быть бедным? Думаю, дело не в цифрах доходов. Бедность и богатство - понятия относительные. *Я бы определил бедность так: это тот уровень доходов, при котором человек не имеет возможности пользоваться культурными, образовательными, иными социально значимыми возможностями, имеющимися в данной местности: и заведомо не может решить долговременные проблемы семьи-купить или снять достаточное по размерам и достойное жилье, обеспечить образование детей, ежегодный отдых семьи. А цифры будут в разных городах разными. Нище-*

та - это положение, когда человек с трудом обеспечивает себе самые примитивные и скудные пропитание, одежду, жилье.

Нигде в мире социальные пособия сами по себе активность человека не стимулируют. Они просто помогают ему продержаться на плаву не более. Активен благополучный человек. Проблема - как помочь ему выйти на уровень активности и при этом не превратить его в убежденного иждивенца. Ответа нет. СССР помогал всем, на этом и надорвался. Но не помогать никому значило бы положить конец обществу.

Классик утверждал: «кадры решают все». Поразительно современная фраза, характеризующая существо постиндустриального, информационного общества. Юрий Михайлович, как сделать, чтобы люди стали выгоднее нефти? Неужели вся проблема в том, что «кадры» не те?

Кадры те, какие востребованы-государством, бизнесом, местным самоуправлением. Каждым человеком, в конце концов, когда он идет - или не идет - к избирательной урне.

Конечно, кадры решают все. Так было во все времена. Но цитируемый Вами «классик» говорил и другое: «Незаменимых нет. Есть незаменимые». И так будет, даже когда нас заменят какие-нибудь роботы. Только тогда уже их кадры станут решать все... Шучу, конечно.

С нефтью я бы людей не сравнивал. Нефть - продукт массовый, добыча на сотни миллионов тонн. «Выгоднее нефти» могут стать только миллионы людей. Это проблема социальной и политической культур, экономического уклада, проблема развития. Это цель возрождения и трансформации России, к ней быстро не придешь. А кадры - товар всегда штучный.

Я бы разделил проблему на три части: кого востребуют избиратели, какие кадры затем востребуют избранные должностные лица и какие кадры в этих условиях оказываются объективно необходимы бизнесу.

Избирателя судить не будем. Народ всегда прав - хотя бы потому, что в случае ошибки сам же полной мерой за нее и платит. Уровнем и качеством жизни, будущим своих детей, а то и самой жизнью. Такова природа демократии, нравится нам это или нет. Вспомним, как вполне демократически пришел к власти Гитлер. Причем «Майн кампф» была на тот момент уже десять лет как написана. Но - поддались настроениям и иллюзиям, в итоге заплатили. Дорого заплатил сам народ Германии (о нашем и других народах не говорю, тут все известно).

Помните разговор о «формуле власти»? С востребования кадров определенного типа и начинается власть. Для выполнения какого рода задач нужны кадры?

Если для выполнения какой-то «грязной» работы - а потом людей можно будет выбросить, свалив на них всю ответственность за сам факт ее выполнения, за провалы и просчеты? Это один тип кадров.

Или кадры подбираются из тех, кого я знаю, с кем работал, - просто потому, что более широкого круга общения и деятельности у меня не было и нет? Это второй тип.

Или они нужны для того, чтобы честно и с максимальной отдачей работать вместе со мной в одной команде, выполняя данные избирателю обещания? Это следующий подход. Причем на нем типология не заканчивается.

Добавлю вот что: руководитель любого уровня стремится привести «свою» команду, потому что любое дело, любую политику всегда делают и проводят

конкретные люди. И те, кто верой и правдой работал в команде предшественника, могут по разным причинам не вписаться в задачи и курс, предлагаемые новым человеком.

Всегда есть и некий стихийный поток «ловящих момент», использующих подвернувшиеся случаи и возможности, чтобы попасть в те или иные структуры, на тот или иной уровень управления, власти. Особенно силен этот поток в периоды резких потрясений, глубоких перемен, революций.

Какие «модели» доминировали у нас с 1990 года? Первое и главное: у постсоветской России не было и быть не могло ни политических, ни каких-то иных стабильных структур, в которых бы росли будущие лидеры и готовились кадры для государственного управления. Обычно это задача партий. Но в России она не выполняется ни одной из партий до сих пор - сами они еще в младенческом состоянии.

Подбор был сугубо личностным и под задачи, определявшиеся «первым номером». Сильно подозреваю, что в первой половине 1990-х кадры были *«одноразового использования»*. Иначе чем объяснить, что, за редчайшими исключениями, практически никто из них не закрепился в политической, общественной жизни, в госуправлении. Кто-то сколотил себе состояние и ушел в сторону. Кто-то просто канул в Лету. Единицы тех, кто остался заметен. По пальцам на одной руке можно пересчитать ставших крупными политическими фигурами.

А какого типа человек согласится пойти на одноразовую работу? Или он понимает, что рискует, но надеется переиграть - тогда это игрок, авантюрист. Или для него главное - зацепиться, а остальное неважно. В любом случае «типаж» такого кадра трудно назвать

политически и социально ответственным. Модель выдвижения - «из грязи в князи» и обратно. Могли при таком подборе родиться кадровая школа, традиции?

Во второй половине 1990-х на смену этой модели пришла другая - «византийская». Средством управления стало взаимное стравливание. Примеры еще свежи в памяти - так называемая система «сдержек и противовесов» (Черномырдин и Сосковец, Чубайс и Коржаков и т.д.). Между прочим, сравните с этой точки зрения кадровую политику Москвы и федерального центра. Кто бы и как бы ни относился к Москве и Лужкову, но в некомпетентности московское правительство не обвинял еще никто. Моя команда работает давно и слаженно.

Сегодня нужен отбор кадров по деловым качествам - а для этого должна быть налажена система ответственности государства, каждого чиновника, которая позволит эти деловые качества выявлять и объективно оценивать. Нужны политические партии, способные растить и шлифовать кадры, - это на сегодня в России первостепенная задача всех партий, которые хотят остаться в поле зрения избирателей. Иначе в партии пойдут только те, кто ни к какому другому делу, кроме пустопорожней болтовни, не годен. И тогда демократия в России кончится - не вследствие переворота, а потому, что у нее не останется дееспособных субъектов.

V

**О ПРАВЕ НАЦИИ
НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
В ЭПОХУ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Кажется, в последнее время все реже можно услышать фразу типа «Москва - многонациональный город». И уж совершенно точно, что подобная констатация утратила горделивую, торжествующую интонацию. Все чаще в московских газетах ставится вопрос о «нежелательных изменениях», которые происходят с городом. Москва постепенно меняет свое лицо, оно становится, скажем так, все более «южным». Как Вы к этому относитесь?

С большим беспокойством отношусь. Проблемы здесь множатся, и по большому счету не потому, что в Москве растет число «южан». Кстати, не только «южан». Проблемы множатся прежде всего потому, что сегодня, в век массовых миграций, у нашего государства нет здоровой, вменяемой миграционной политики. Ведь «тащить и не пущать» - это не политика...

Конечно, Москва - это русский город. Открытый русский город, который может существовать только как русский и как открытый, столичный. Здесь веками принимались иностранные послы. Сейчас, кстати, посольств стало больше. В Москве веками оседали люди из разных стран. Память о них - на карте города: Грузинские улицы, Хохловские переулки, Немецкая слобода. Армянский переулок... Но все-таки именно сейчас Москва становится своего рода «мировым», «глобальным» городом, где встречаются и живут люди раз-

ных национальностей. Сразу скажу, что нам еще далеко до таких мегаполисов, как Лондон или Нью-Йорк. Но в этом направлении Москва движется, и по разнообразию лиц, и по масштабам роста.

Все это во многом следствие глобализации. Здесь очень хорошо видно, что у нас нет и не было выбора - участвовать нам в глобализационных процессах или от них отгородиться. Последнее не удастся, да и России на пользу не пошло бы. Вопрос стоит иначе: как воспользоваться преимуществами глобализации, а ее негативные последствия уменьшить, а то и исключить? Как не сделать наш город сплошным проходным двором, вселенским вокзалом, где и жить нельзя, а можно только отсиживаться между двумя пересадками? Как оставить Москву «московской»?

Уж кто только не лягал Москву за то, что она якобы не желает отменять институт прописки! И «пережитки советской системы» мы сохраняем, «права и свободы населения ограничиваем»... Да, мы стараемся проводить достаточно жесткую практику регистрации. Но давайте задумаемся, давайте представим себе, что произойдет в Москве, если снять все формы контроля за миграцией в город. Зрелище будет не для слабонервных. И преступность вырастет, и много новых проблем добавится.

Конечно, регистрация не задержит всех преступников. Она - только один из барьеров. Важно организовать процедуру регистрации таким образом, чтобы законопослушные граждане не тратили на нее уйму времени и нервов. Но об отказе от нее не может быть и речи - миграционные процессы будут только усиливаться, и мы должны держать руку на пульсе.

Первое. Москва - город не дешевый. Купить жилье и даже снять его стоит немало. Жить где-то надо, климат не южный, картонными фавелами не обойдешь-

ся. Значит, начнут заселять все, что смогут: брошенные и аварийные здания, неиспользуемые производственные помещения, незавершенные стройки, гаражи, склады, чердаки, подвалы. У нас уже немало случаев, когда люди гибнут при пожарах в подобных местах. Но тогда количество таких случаев подскочит на два-три порядка.

Второе. В Москву едут и люди состоятельные. Уже сейчас примерно половину новых квартир раскупают не москвичи. С одной стороны, приток дееспособного, активного населения - это хорошо, это необходимо. Но одновременно он подстегивает цены на жилье, оно становится все менее доступно москвичам. И постепенно рынок начнет вытеснять коренных москвичей на окраины, в пригород и дальше.

Третье. При таком ходе событий весьма вероятна дестабилизация обстановки в столице. Если залихорадит Москву, залихорадит и Россию. Мы пока не имели крупных международных столкновений в городе, хотя предупредительные «звонки» раздаются постоянно. Я не пугаю, не угрожаю - просто задумываюсь, с чем мы можем столкнуться.

Москвичам и московскому правительству такое развитие событий совершенно не нужно. Тем, кто зациклился на свободе передвижения, свободе выбора места жительства, я отвечу вопросом: мы права человека защищаем ради самого человека или у нас права ради прав, как и реформы ради реформаторов? И как быть с правами тех, кто уже живет - в Москве или в любом другом городе России?

В последнее время я с удовлетворением отмечаю, что наша судебная система уходит от односторонней трактовки вопроса об ущемлении прав. Этим летом Верховный суд России признал не противоречащим

федеральному законодательству закон Ставропольского края, устанавливающий миграционные квоты для граждан России. Очевидно, что ни Конституция России, ни федеральное законодательство в целом не позволяют, реализуя права одних людей, ущемлять права других. Вот только сами ставропольские законодатели, как мне представляется, оказались недостаточно последовательными. В процессе длительных дискуссий с местной прокуратурой они удалили из текста закона важное положение об ответственности работодателей за заключение трудовых соглашений с незарегистрированными переселенцами.

Убежден, Москва и каждый крупный город должны подходить к проблемам иммиграции точно так же, как к этим проблемам подходят развитые государства. Иммиграция должна быть; но она должна быть дифференцированной и, безусловно, контролируемой. Мигрант должен заработать право стать в городе постоянным резидентом. Иначе, защищая права мигрантов, можно очень серьезно ущемить права коренных жителей. Здесь нужен хорошо выверенный баланс.

Все-таки миграция для Москвы - добро или зло? Например, недоброжелатели часто говорят, что без мигрантов Москва не смогла бы выжить, потому что москвичи не готовы заниматься очень многими видами работы. Существует ли действительно угроза превращения Москвы в такое «общество потребления», «общество потребителей», «белоручек», которое не может жить без «золушек-мигрантов»?

Управляемая, направляемая миграция и иммиграция - это добро, это необходимость. Хаотичная, бесконтрольная, опирающаяся на коррупцию и ее стимулирующая, - безусловное и очень серьезное зло.

Но я категорически не согласен с постановкой вопроса, что, дескать, москвичи - чистоплюи, чурающиеся «черной» работы, а мигранты - это сплошные «золушки». Это неверно и это оскорбительно для тех и других. Когда речь заходит об устойчивых и массовых миграциях, мы имеем дело не с чьими-то заслугами или пороками, а с законами общественного развития.

Если кто-то не готов заниматься многими видами физически грязного и тяжелого, непрестижного труда, даже когда труд этот хорошо оплачивается, - это нормально. И это не «порок» одних москвичей. Есть нормальное человеческое стремление выполнять такую работу, которая менее обременительна, более оп-

лачиваема, престижна и т.п. И москвичи тут «на равных» со всем остальным человечеством.

Это вообще свойство всякого стабильного и развитого общества. Человек приезжает в Москву в поисках лучшей доли, карьеры, судьбы. Именно лучшей - за худшим не ездят. Человек всегда мечтает, чтобы его дети жили лучше, чем он, шли дальше, были более успешными, счастливыми.

Если же город искусственно «запечатать», как джинна в бутылке, и приказать: «Обходись своими силами и возможностями!» - он обойдется. Но остановится социальная мобильность, начнут складываться касты. И если продлить подобный эксперимент на неопределенно долгое время, итогом его, скорее всего, станет распад общества на изолированные друг от друга, взаимно враждующие касты и кланы. Такое общество станет подобно мумии: оно обретет стабильность ценой утраты возможностей развития. Так было в прошлом и, надеюсь, не будет в нашем будущем.

Между прочим, с теми же самыми проблемами - низким престижем многих видов труда, ограничениями на оплату труда, увеличением доли пенсионеров в структуре населения и другими - сталкивается вся Европа. Там ведь тоже массовых мигрантов и иммигрантов принимают не от хорошей жизни. Вынуждены принимать. И проблемы в ответ возникают, настроения и эмоции прорываются точно такие же, как в Москве. Точнее, в Москве такие же, как там: мы все-таки и в этих процессах идем на много лет позади Европы. Но свои Ле Пены на московских и федеральных выборах у нас еще появятся...

Уже целый ряд лет мы имеем экономический рост - в строительстве, в сфере услуг, в промышлен-

ности. Это вызвало нехватку рабочих рук, и в самой столице, и в ближнем Подмосковье. Когда обсуждают экономические корни миграции в Москву, часто забывают, что население города не только разборчиво в выборе работы, оно просто стареет. Ну нет сегодня в Москве достаточного количества рабочих рук. И в ближайшие десять лет в самой Москве их и не будет: рождаемость недостаточная. Если даже она увеличится, то ребенок, который родится завтра, придет на рынок труда только через двадцать лет. А работники нужны сейчас. Выплачивать пенсии, обеспечивать другие расходы городского бюджета нужно тоже сейчас. Как это делать?

С каждым годом все больше средств расходуется на выплату пенсий - основной, федеральной, части и московской надбавки. То есть нам нужны новые рабочие руки, чтобы, с одной стороны, обеспечить экономический рост, а с другой - финансировать пенсионные расходы. Накопительная пенсионная система еще очень не скоро даст свои плоды. И когда какая-нибудь бабушка говорит о том, что «черные» в Москву «понаехали», она, наверное, и не задумывается о том, что в ее пенсии есть вклад и этих таджиков, и молдаван, которые трудятся на московских стройках, разбивают парки и скверы и т.п.

Между прочим, они это делают рука об руку с русскими москвичами. Не надо статистику приводить - выйдите на сквер или на стройку. Просто «южная» составляющая миграции бросается в глаза. В Москве очень много рабочей силы и из Белоруссии, Украины, Молдавии.

В социально-экономическом отношении такие временные рабочие, «гастарбайтеры», даже «выгодны» городу. Но только тогда, когда они работают здесь ле-

гально. Они приезжают сюда на время, живут в общежитиях, без семей. Их давление на социальную сферу (медицинское обслуживание, защита материнства и детства, просвещение и образование и т.п.) минимально.

Другой вопрос, что многие фирмы, не только строительные, стремятся до минимума снизить свои расходы на рабочую силу. Да, законный путь найма иностранных рабочих сложен, дешевле идти незаконным. Издержки окупаются. Границы со странами СНГ прикрыты неплотно. Мигранты-нелегалы приезжают сами. Вот если бы фирма, уличенная в использовании труда незаконных иммигрантов, автоматически банкротилась, баланс потенциальных выгод и потерь для нее поменялся бы. Но пока ситуация такова, какая она есть.

Сказать, что с временными мигрантами, даже вполне легальными, все обстоит прекрасно, было бы неправдой. Часто их квалификация оставляет желать лучшего: в некоторых странах СНГ экономика просто разваливается, в результате на ремонтно-строительные работы подыражаются инженеры, в торговлю с лотка идут учительницы и бухгалтеры, а те, кто вообще не имеет никакой специальности, идут в криминальный бизнес-проституцию, воровство, организованное нищенство. В одной местности (не скажу, в какой) время от времени мужчины говорят один другому: «Ну, поехали в Москву - кошельки резать».

Еще одна проблема, связанная с временными мигрантами, - иная культура. Не бескультурье, а иная, немосковская культура. События последнего времени перемешали народы. То, что веками складывалось как местная традиция в какой-нибудь азиатской или кавказской деревне, никак не подходит европейскому сто-

личному городу и не может быть принято. Станция московского метро; аптечный киоск; в киоске сидит женщина, надо думать - продавец, в белом халате, и грызет семечки, сплевывая шелуху в ладошку; когда подходит покупатель, вытирает руки о халат и подает лекарство. Я это не придумал, коренные москвичи сталкиваются на каждом шагу с чем-то подобным.

Тут есть и еще один важный момент. Временный мигрант может менять свой статус, превратиться в постоянно или очень долго проживающего в городе. Возникает зародыш будущего землячества. Это демонстрируют нам в полном объеме китайцы, вьетнамцы. Да и другие национальности тоже стараются от них не отставать. В Америке такие землячества сложились во многих городах и штатах: выходцев из центрально-европейских стран - на восточном побережье США, из азиатских - на западном. Там даже теле- и радиопередачи для них ведутся на соответствующих языках. Хорошо это или плохо - не знаю. Это просто проблема, которая есть, будет усиливаться, и нам надо думать, как с ней работать в Москве, в России.

Миграция должна быть осмысленной, упорядоченной и законной. Суть проблемы - в соединении этих ее качеств. Сама Москва обеспечить такое их соединение не может. Да и не должна. В отсутствие федеральных норм Москва может принимать и принимает свои решения, но в полной мере ослабить миграционное давление на город, ввести его в регулируемое русло только Москва, сама, не может.

Проблема «южан», как Вы ее назвали, имеет в Москве две составляющие - иммиграцию из дальнего зарубежья (Китай, Вьетнам, страны «третьего мира») и миграцию с юга самой России и из государств СНГ. Это экономически, юридически и политически разные

процессы и явления. Причем многие специфические основания под миграцией с кавказского, например, направления закладывались еще во времена СССР и с тех пор только усиливались по независящим от Москвы причинам.

Регулировать все это должен федеральный центр, на основе единой политики и учитывая отношения России с соответствующими государствами. Москва без такого регулирования задыхается. В федеральном законе должны быть четко прописаны критерии иммиграции в Россию, получения гражданства, намечены механизмы того и другого. Должно быть ясно и честно сказано всему миру, кого Россия у себя ждет и приветствует, кто ей менее интересен, кого и на каких основаниях она ни в коем случае не примет.

Конечно, это не гарантирует от проблем. В США иммиграционные законы и квоты куда яснее и прозрачнее российских, однако нелегальных иммигрантов и там хватает. Но там работают четкие и понятные законы об иммиграции, о гражданстве. Этот системный подход и надо заимствовать.

Главное, нельзя тянуть. Сейчас подписано первое соглашение о принудительном возвращении нелегальных мигрантов. Но таких соглашений должны быть десятки. Нужна четкость и жесткость позиции федеральной власти, на которую могли бы опираться субъекты Федерации. Иначе Москва пытается что-то сделать - свой опыт у нас есть, - а ее обвиняют в корысти, смертных грехах и попрании прав человека. Непорядочно, а главное, бьет, больно бьет по всей России.

Юрий Михайлович, но ведь к нам в Москву приезжают не только «группы риска» и не только из зарубежья, нового или старого. Москва всегда притягивала и людей творческих, цвет культуры, интеллигенции, молодежь, которая хочет многого добиться, сделать карьеру. Москва всегда питалась этими «соками» России, ее лучшими, самыми активными людьми. В этом всегда был источник ее развития. Почему Москва притягивает? Только потому, что она столица, или есть что-то еще? Что вообще значит - стать москвичом? Как им стать? Можно ли им стать?

Конечно, Москва притягивает творческих, активных, талантливых, духовно сильных людей со всей России, раньше - со всего Советского Союза. Здесь веками складывались условия для самовыражения, роста, карьеры. Я даже не говорю о вузах и музеях, библиотеках и театрах, концертных залах и стадионах, хотя и это, конечно же, важно. По-моему, дело в той атмосфере высокой духовности, которая создается москвичами, в первую очередь московской интеллигенцией.

Причем атмосфера эта создается и воспроизводится не только коренными москвичами, но и теми людьми, которые пришли в Москву. Пожалуй, самый показательный пример здесь - мой друг ректор Московского университета Виктор Антонович Садовничий. Родился и жил на Украине. Совсем мальчишкой работал на шахте в Донбассе. В 1958 году поступил на мехмат МГУ и всю свою жизнь посвятил Университету. Заме-

чу, что Виктор Антонович принимает в МГУ талантливых юношей и девушек со всего бывшего Советского Союза. И если они останутся в Москве, станут двигать вперед российскую науку, мы будем только рады.

Большой город всегда притягателен, и это не только столица. Что, в областные центры у нас не едут? Едут, и еще как. Просто мы в Москве об этом меньше слышим и знаем.

Нигде нет такого диапазона рабочих мест и возможностей для образования, реализации себя, как в крупном городе. Вот когда человек уже как-то встал на ноги, чего-то добился, тем более получил признание - тогда он начинает смотреть, где ему комфортнее жить. И, если характер работы и размеры доходов позволяют, нередко переезжает из большого города в пригород, в маленький город, в сельскую местность. Особенно там, где расстояния небольшие, дороги отличные, и доехать куда-то при необходимости - не проблема.

Но такой человек уезжает из города уже в новом качестве. Не в том. в каком он когда-то в этот город приехал. Если в том же - это поражение, катастрофа. Значит, ничего не смог, не добился, не нашел своего места. А если смог - пусть даже по минимуму, - это личная победа.

Вот это «смог» тоже важный двигатель миграции. Деньги можно заработать не только в Москве. Здесь они всегда трудные. Недаром говорят: «Москва слезам не верит». А вот достичь чего-то во многих областях, получить признание, просто доказать себе, что ты чего-то можешь, - это лучше делать в Москве, в столице. Это норма, универсальная для всего человечества.

Что такое «стать москвичом»? Стать им можно формально - зарегистрировался, получил работу, обзавелся каким-никаким жильем, и ты москвич. Стать моск-

вичом по сути, по духу куда сложнее. И только при желании, конечно.

Есть одно неперемutable условие. Оно не формализовано, не прописано в московском законодательстве. Это - *овладение русским языком*, на котором говорят в Москве. И дело здесь не только в том, что незнание языка затрудняет жизнь и приезжего, и тех москвичей, с которыми он живет рядом. Дело еще и в том, что знание языка во всем его богатстве дает человеку возможность приобщиться к той культурной среде, которая сложилась в Москве, оно предоставляет ему шанс сделать свой вклад в эту реальность. Воспользуется ли он этим шансом - другой вопрос. Не могу не упомянуть здесь о ныне покойном Булате Шалвовиче Окуджаве, памятник которому стоит в одном из самых «московских» мест - на Арбате. Он - грузин, но грузин, оставивший свой собственный след в русской словесности, в нашем с вами языке, языке России.

Мне как москвичу не по душе, когда отдельные национальные землячества живут замкнутой жизнью, в изоляции - как перелетные птицы, которые присели передохнуть в чужой земле, а придет время - подымутся и улетят, оставив после себя выпавшие перья. И мне не по душе абстрактный лозунг «мультикультурализма»: дескать, как хорошо, что чужие культуры живут себе и живут бок о бок, одна другой не мешает. Все-таки Москва - это город единой русской культуры, обогащаемой другими, и таковым он должен оставаться.

Притягательность Москвы имеет и свою оборотную сторону. Есть у нас в России одна особенность, которая лично мне не очень нравится, но и переломить ее за пять-десять-двадцать лет не получится. Веками наше государство было жестко централизованным, авторитарным. И столица всегда перетягивала слиш-

ком много деятельных и талантливых людей на себя, обескровливая в этом смысле остальную Россию. Была ли столицей Москва, Санкт-Петербург или снова Москва, происходило ли это при Иване Грозном, Петре Первом или в советское время - процесс был тот же самый.

Это ненормально, это плохо для России, а значит, и для ее столицы. Многие люди, живущие в разных местах страны, начинают ощущать себя неудачниками. Отсюда и жизненный тонус, и самооценка снижаются. Нужно сделать так, чтобы профессионального и общественного признания можно было уверенно добиваться вне Москвы. Кажется, в последние годы тенденция эта наметилась - но не более того.

Москва многих притягивает - но она много и отдаст. Сколько россиян учились в московских вузах! Москва должна подпитываться «соками» России, но не должна полностью перетягивать их на себя. Чтобы такого оттягивания не происходило, остальная часть страны должна жить богаче, чем сейчас, и в условиях демократии. Без средств и свободы выражения признания не добьешься.

И вот еще о чем хотелось бы сказать. Наверное, пора задуматься о том, не потеряет ли со временем Москва свою притягательность? Не наступает ли такой период, когда учиться в ней будет нечему, а учить - некому? Сколько стоит приехать в Москву, жить в ней? Ведь многие ученые уехали, и продолжают уезжать. А в разных регионах России сложились свои университетские и научные центры. Есть возможность учиться за границей. Потенциальные студенты еще десять раз подумают, стоит ли ехать именно в Москву. Так происходит не только в образовании, но и в других областях. Если эти тенденции усилятся, случится катастрофа.

В глазах россиян Москва сегодня конкурирует не только и не столько с российской провинцией, сколько с заграницей. Если издержки примерно одинаковы, а по другим факторам перевешивает заграница, провинция сделает выбор не в пользу Москвы. Поэтому ни в коем случае нельзя снижать планку, стандарты. Москва должна стремиться выдерживать мировой уровень, если не во всех сферах, то хотя бы во многих. Собственно, иначе это уже будет не Москва.

Как опытнейшему руководителю Вам, конечно, не раз приходилось использовать фактор национальной принадлежности в управлении людьми. Есть ли у Вас здесь свои «хитрости», свои «ноу-хау»? С другой стороны, ни для кого не секрет, что и во власти, и особенно в бизнесе фактор этнической общности носит объединяющий, мобилизующий характер. Не только в Москве, но и во всех крупнейших городах мира имеет место специализация этнических групп на тех или иных сферах бизнеса. Очевидно, что все это наносит ущерб общегражданской консолидации, укореняет, акцентирует объективные различия между представителями различных народов. Можно ли управлять этими процессами, держать их в узде?

Ну, это что вкладывать в слова... Что значит «держать в узде»? Если - выстроить в шеренги и поставить по команде «Смирно!», то, конечно, нет, нельзя. Ни у кого в истории еще не получалось. Можно загнать в узду на время, но цена такой стабильности будет очень высокой, непомерной. И, главное, что дальше? Взрыв, потрясения, огромные новые жертвы? Так что нечего и пытаться.

Но если Вы имеете в виду поддержание законности и порядка, то ответ здесь - категорическое «да». Но тогда это не узда, это жизнь по закону. Закон должен быть внутри человека, в его душе, в сознании. Это не палка, которая нависает извне. Кто-то из работавших

в Петербурге иностранных дипломатов в XIX веке сравнивал тогдашние Россию и Германию: в Германии, дескать, минимум законов, и они не очень жесткие, при огромной дисциплине человека внутри, а в России - максимум жесточайших законов при полной расхристанности человека.

Сегодня все это отягощается огромным притоком мигрантов, которым до нашей законности зачастую... «до лампочки». При этом произошло естественное разделение сфер деятельности. Например, китайцы и вьетнамцы - в основном торговля ширпотребом. Азербайджанцы - по преимуществу торговля фруктами, овощами, цветами. Это разделение происходило по объективным причинам. Его зачатки были и раньше. Вспомним, что в прежние времена рыночную торговлю фруктами держали узбеки.

Однако я бы не стал абсолютизировать эти деления. В принципе бизнес интернационален. Иное дело, что есть конкуренция, и если какая-то площадка занята той или иной группой, а на ней хочет заняться бизнесом другая группа, то возможен конфликт интересов. Тут фактор групповой общности играет, конечно, большую роль и, согласен с Вами, углубляет различия между разными группами. Когда на такой почве случаются недобросовестная конкуренция или даже криминальные «разборки», я совсем не склонен трактовать их как «межнациональные столкновения».

В Москве действуют десятки национально-культурных автономий. И мэр Москвы, и другие руководители столичного правительства тесно с ними сотрудничают. В чем, по-Вашему, ценность, результаты такого сотрудничества? Справедлива ли, на Ваш взгляд, постановка вопроса о том, «почему в Москве нет русской национально-культурной автономии»?

Сегодня совершенно несправедлива. Автономия - это относительно обособленная, выделенная часть в пределах целого и в единстве с ним. Если когда-нибудь русские окажутся в Москве меньшинством - и это уже будет не Москва, а возможно, и не Россия, - тогда встанет вопрос и об их национально-культурной автономии.

Русские и русская культура в Москве - это сама суть московской культуры. Это - общее духовное пристанище для всех живущих в Москве. А в нем - отдельные образования, в какой-то степени автономные по отношению к нему. Скажу несколько иначе; это - как дом и комнаты в нем. Дом не может стать одной из своих комнат. Но комнаты относительно самостоятельны, и каждая может быть обставлена по вкусу проживающего в ней. (Если же кто-то захочет понять мои слова о комнатах слишком буквально, тому - специальное разъяс-

нение: никакой территориальной автономии никогда в Москве не будет.)

Ценность сотрудничества с национально-культурными автономиями - именно в самом факте сотрудничества. С одной стороны, московское правительство делает все необходимое для различных национальностей, проживающих в Москве. И нужно отметить, что работа эта осуществляется таким образом, что проблем не возникает - ни с обучением на национальных языках, ни с празднованием национальных и религиозных праздников, ни с чем-либо другим. Москва - город, гарантирующий права каждого человека, к какой бы национальности он ни принадлежал. С другой стороны, сотрудничество с национально-культурными автономиями позволяет лучше интегрировать представителей разных народов и культур в общее культурное пространство Москвы.

Наверное, здесь неуместны универсальные рецепты. .. Думаю, что приезжие должны испытывать на себе довольно ощутимое давление - московской культуры, городских обычаев, наконец, права, правопорядка. У себя в доме, в квартире человек вправе жить как ему заблагорассудится, но не нарушая при этом спокойствия, безопасности, прав соседей. А в другом, чужом тебе городе, в чужой стране будь добр жить по их законам, по их правилам... или уезжай назад. Этого требуют элементарные нормы морали. Именно эти законы, эти правила, их соблюдение и сделали чужой дом столь привлекательным в глазах мигранта. Но если в чужом доме начинают гадить, то подобных «гостей» без церемоний выставляют за дверь. И права человека здесь совершенно ни при чем.

Но возможен и другой вариант. Когда «свой» дом - это крепость против окружающего поля закона и по-

рядка. Пусть не идеальных, не без изъянов - но закона и порядка. И вот это поле рассматривается и используется обитателями как территория для охоты, для добывания добычи - часто криминальными способами. А потом можно отсидеться под охраной лозунгов о национальном самоопределении, суверенитете, национальных обычаях и тому подобном.

Повторю, с агрессивными устремлениями такого рода необходимо вести последовательную борьбу. Давление наших законов, воздействие нашей культуры сегодня недостаточны. Почему? Не только из-за коррупции. Общество наше все еще не чувствует себя обществом, десятилетиями оно было забито, загнано и только начинает приходить в себя и поднимать голову.

За последние 100-150 лет на Земле пролились реки крови в борьбе за национальное самоопределение, за то, чтобы объявить какую-то территорию своей и самим решать ее дальнейшую судьбу. Борьба эта и по сей день продолжается в разных районах мира, правда, ведется она теперь, как правило, под религиозными знаменами и под контролем сил, которым независимость данной территории, мягко говоря, безразлична. Может быть, пора отменить право наций на самоопределение? Сегодня в международном праве оно сохраняет равную значимость с принципом государственного суверенитета.

В Вашем вопросе ключевое слово, пожалуй, не «самоопределение», а «территория». К чему в конечном счете сводится самоопределение? К контролю народа, нации над определенной частью суши, моря, недр, воздушного пространства. Принцип на первый взгляд ясен и справедлив. Но при его реализации возникает множество неразрешимых проблем. С одной стороны, невозможно точно определить народ или нацию, то есть поставить предел, отграничить в пространстве один народ от другого. Проще говоря, где, по какой линии провести границу того или иного народа или нации. Скажем, где кончаются русские и начинаются, условно говоря, «нерусские»? В Северном Казахстане, в Крыму, на Левобережной Украине? Я уж не говорю о детях от смешанных браков - на любой территории их очень много, кроме, может быть, самых недоступных

мест на земном шаре. И то же самое - в отношении любого народа или нации.

Но, с другой стороны. У всех на слуху проблема «территорий исконного проживания». Я, конечно, не этнограф, но думаю, что четко очерченных «национальных» территорий, на которых из века в век проживает только одна нация или один народ, просто-напросто не существует, разве что Япония. Войны, миграции, эпидемии, культурные обмены привели к тому, что одна и та же территория заселялась на протяжении истории разными народами.

При реализации этого пресловутого принципа никогда не удавалось четко сопрячь нацию и территорию. В каждом конкретном историческом случае осуществление права наций и народов на самоопределение неизбежно приводило, приводит и будет приводить к двум вещам. Во-первых, к этническим «чисткам», которые имеют целью очистить «тело» народа - а фактически именно территорию, ресурсы - от «чужаков». Во-вторых, к конфликтам и войнам по периметру этой самой «национальной» территории - ведь надо же зафиксировать «правильные» границы.

Посмотрите, что произошло после распада Советского Союза. У нас в стране закон «О территориальной реабилитации репрессированных народов», вроде бы призванный восстановить справедливость, породил столько новых несправедливостей, что просто диву даешься! О чем думали законодатели, закладывая еще одну мину и в без того заминированную конфликтами территорию Юга России? Наверное, думали об этом самом праве народов на самоопределение.

Но мы же с вами не дети. Сегодня, как и сто лет назад, происходит экспроприация права на самоопределение народов. Экспроприация у этих самых народов.

Бердяев говорил, что нация есть понятие зоологическое, она сама себя определить не в состоянии. И это ее «право» в конечном счете всегда узурпируется людьми, которые берутся говорить от имени народа. Как правило, они не обременены ни чрезмерным образованием, ни зачастую психической уравновешенностью. Кто-то назовет таких «пассионариев» элитами, кто-то - псевдоэлитами.

Конечно, народ может сформулировать и заявить свои интересы на демократически организованном и проведенном референдуме, причем с учетом мнений и интересов других наций и народов, проживающих на данной территории. Но жизнь, как мы знаем, далека от идеала. Чаще всего от имени народа, нации выступает очень узкая группа людей. Она-то свой групповой интерес прекрасно понимает и знает, как этот интерес реализовать. Для нее это пресловутое право на самоопределение как манна небесная. Они, «пассионарии», справедливо полагают, что, создав пусть маленькое, но свое государство, они смогут достичь более высокого статуса.

В независимой России - вспомним Чечню. В Чечне, получившей вдруг название Ичкерия, была провозглашена независимость от России. Многие там происходило, но вспомним о «чеченизации» Чечни, о форсированной «коренизации» административного аппарата, силовых структур. Если называть вещи своими именами, там была проведена этническая «чистка» - вплоть до геноцида русских и всех нечеченцев. При этом на остальной территории России чеченцы, что естественно и само собой разумеется, пользовались всей полнотой прав и свобод, свободно перемещаясь от Владивостока до Калининграда или просто живя где-нибудь на Рязанщине. Перед каким выбором ока-

запись бы власти России? Квалифицировать всех чеченцев как иностранцев и лишить их российского гражданства? Депортировать их в «национальный очаг» на «национальную территорию»?

Федеральный центр пошел по другому пути - по пути восстановления конституционного порядка на этой части территории России. Что означает «конституционный порядок» в приложении к нашей теме? Главное - что между чеченцами в Чечне и остальных частях России, с одной стороны, и всеми другими гражданами разных национальностей не существует границы. И чеченцы обладают всей полнотой прав и свобод на территории всей России, а любые нечеченцы обладают всей полнотой прав и свобод на территории Чечни как части Российской Федерации...

Так что это самое право на самоопределение давно пора осмыслить по-новому. *Обладателем и субъектом прав должна быть личность, человек, индивид.* И права личности должны уважаться, соблюдаться и быть равными для всех, а также постепенно выравниваться в международном масштабе. Не только в хартиях и декларациях, но на практике.

Когда мы предоставляем особенные права каким-то большим социальным группам - этническим, конфессиональным, - всегда велик риск того, что соблюдением прав одних будут ущемлены права других. И здесь надо быть очень осторожными и осмотрительными. Когда отдаем предпочтение любым меньшинствам - ущемляем права и интересы большинства. Перед законом все должны быть равны. Этноконфессиональная принадлежность человека - его личное дело. Для государства он - гражданин, со всеми неизбежными последствиями этого. Часто забывают, что в правовом обществе права неотделимы от

обязанностей. Несет человек положенную ему долю обязанностей - от уплаты налогов до поведения в быту - значит пользуется всеми положенными ему правами. Уклоняется или, хуже того, нагло отвергает свои гражданские и общественные обязанности - в таком случае переходит в другую систему взаимоотношений с государством.

В свое время Никита Хрущев открыл ворота Кремля для всех граждан. Теперь необходимо, чтобы у России и всего цивилизованного мира, выражаясь словами Владимира Высоцкого, были «раскрыты все границы, как ворота в Кремле». Необходимо свободное движение людей, идей, товаров, информации. И так же, «как в Кремле», безопасность движения должна быть надежно обеспечена.

Парадокс это или нет, но для реализации этой, в общем, либеральной модели общественного устройства необходимо сильное государство, обладающее высокой степенью централизованности. Государственное устройство и государственная машина должны гарантировать достойную жизнь каждому отдельному человеку - здоровую среду обитания, безопасное существование, достойно оплачиваемую работу, нормальное питание, медицинское обслуживание и помощь в случае потери трудоспособности, возможность получать неискаженную информацию о происходящем, выбирать место проживания, свободно передвигаться по территории государства и за его пределами, создавать ассоциации, воздействовать на власти и так далее, и тому подобное.

Если же государственное устройство будет делаться таким, чтобы оно реализовывало права одной нации или одного народа, то это будет государство националистического типа, которое в конечном счете обя-

зательно станет диктатурой. А диктатура, под предлогом защиты нации или народа, сокрушит каждого отдельного человека.

Стремление человека искать помощь и поддержку у соплеменников, у единоверцев обычно возникает тогда, когда государство слабо, когда люди на него не надеются, и, вообще-то, это признак общественной неразвитости, или даже деградации. Это значит, что общество не «вписывается» в современность. Ему нет места и в завтрашнем дне.

VI

**ВАРВАРСТВО
ПРОТИВ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

В знаменитом стихотворении «Скифы» Александр Блок, обращаясь к Европе, к европейцам, восклицал: «О старый мир! Пока ты не погиб, пока томишься мукой сладкой, останись, премудрый...» В книге «Возобновление Истории» Вы методично, последовательно и, главное, аргументированно критикуете Западный мир. Казалось бы, через десяток-другой страниц должен последовать «приговор», а за ним и предложение, следуя законам «реалполитик», присоединиться к антизападным силам или же, как это в свое время сделал Блок, объявить о «скифском нейтралитете». Но ни того, ни другого в книге нет. Почему? Вы считаете, что Россия является частью западной цивилизации?

Начнем с Блока. С ним можно поспорить. Мне кажется, он совершенно напрасно выпячивал нашу российскую дикость, которая и до сих пор пугает некоторых европейцев. Давайте-ка посмотрим, где-то тут на верхних полках стоял Блок. Вот. *(Пауза.)* Вот скажите мне, зачем он рисовал эту злую карикатуру?

*Да, скифы - мы! Да, азиаты - мы,
С раскосыми и жадными очами!*

И грозил:

*Мы широко по дебрям и лесам
Перед Европою пригожей
Расступимся! Мы обернемся к вам
Своею азиатской рожей!*

А знаете, ведь гитлеровская пропаганда, когда только начался их «поход на Восток», пугала европейского обывателя «азиатскими ордами». Ведь вермахт якобы от них защищал «пригожую Европу». Это еще Михаил Ромм в «Обыкновенном фашизме» подметил, что среди советских пленных гитлеровские кинооператоры снимали «азиатов с раскосыми и жадными глазами». А может быть, эти стихи, переведенные на европейские языки, на какой-то срок задержали формирование антигитлеровской коалиции?

Читаем дальше.

*Идите все, идите на Урал!
Мы очищаем место бою
Стальных машин, где дышит интеграл,
С монгольской дикою ордою!*

Говорят, что подобное надо лечить подобным. И здесь нам не понадобится ничего искать в библиотеке. Ведь это «Скифам» полвека спустя ответил Владимир Высоцкий:

*От границы мы Землю вертели назад -
Было дело, сначала.
Но обратно ее закрутил наш комбат,
Оттолкнувшись ногой от Урала.*

*Наконец-то нам дали приказ наступать,
Отбирать наши пяди и крохи,
Но мы помним, как солнце отправилось вспять
И едва не зашло на Востоке.*

*...Нынче по небу солнце нормально идет,
Потому что мы рвемся на Запад!*

Теперь о западной цивилизации и России.

Давайте не будем упрощать сложнейшие вопросы, над которыми бились далеко не худшие умы человечества.

Россия не должна механически выбирать между двумя крайностями: или «за» - и тогда мы с Западом союзники безоговорочно, во всем; или «против» - и тогда мы не только не союзники, но противники по каждому пункту. Это примитивные рассуждения. На мой взгляд, «западная цивилизация» воспринимается как что-то самоочевидное лишь в противопоставлении цивилизации «незападной».

Если взглядеться пристальнее, то западная цивилизация внутренне очень разнородна. Что ее объединяет? Общность экономической системы, уровень жизни, вытекающие отсюда общие интересы. Но образ жизни, менталитет, культура различны не только в Америке и Европе, но и внутри Европы. Германия, Франция, Испания, Италия, Греция, Великобритания - это же очень своеобразные культуры, если не самостоятельные цивилизации.

Они объединились в Евросоюз - но лишь несколько десятилетий назад. Притом объединение это изначально было экономическим и только сейчас становится еще и политическим. Во многом как контрмера против прессинга США - американской массовой культуры, политического доминирования, экономической гегемонии.

У Америки и Европы много общих ценностей, они одинаково понимают права человека, у них близкие принципы политического устройства. Но вот превращает ли все это их в единую цивилизацию?

Теперь - Япония. Это какая цивилизация? Если судить по типу экономики и политического устройства -

западная, хотя и тут масса отличий в деталях, нюансах. А если по культуре, языку, менталитету, истории - то совершенно уникальная, аналог которой отыскать трудно.

А славяне? В «мир белого человека» они, безусловно, входят. А вот к какой цивилизации тяготеют? Обратите внимание, я говорю «тяготеют», не «принадлежат». Ответы разные.

Все это очень условно - и цивилизация, и Запад, и скифы. У искусства одни задачи, критерии, средства самовыражения. У практической политики совсем другие, у науки - третьи. И каждому есть что сказать.

Я буду рассуждать как управленец. Подчеркиваю - не как политик, а как управленец, которому приходится как-то выходить из этих проблем не в теории, не в философском смысле и не в историческом масштабе времени, а предельно практически, «здесь и сейчас».

«Скифский нейтралитет» звучит красиво. Но боюсь, что главным словом здесь стало бы первое. А потом, нейтралитет между кем или чем? Если выбор между варварством и цивилизацией, то осознанно и добровольно выбирать первое было бы странно. Думаю, однако, что реальный выбор много сложнее.

Всеобщая история человечества - конкуренция цивилизационных проектов. Только та цивилизация чего-нибудь стоит, которая способна себя защищать. Эта конкуренция растянута во времени, принимает разные формы - и мирные, и военные. В конечном счете ее исход определяется не перечислением того, кто что открыл или изобрел, а тем, какая цивилизация в данный момент исторического времени наилучшим образом обеспечивает потребности людей - как плотские, телесные, так и высокие, духовные, - сохраняя и, возможно, совершенствуя среду обитания. В настоя-

щее время та цивилизация, которая исторически сложилась на Западе, оказывается победившей. Ее повсеместное распространение обозначается словом «глобализация». При этом незападные общества, воспринявшие нормы и образцы «западной цивилизации», достигают успеха в решении тех задач, которые стоят перед каждым из них. «Запад» явно сместился на Восток - в Юго-Восточную Азию, с ее Японией и Китаем, «азиатскими тиграми». Благополучие и свобода индивидуума - вот «краткое изложение» того, что мы условно назовем западным цивилизационным проектом.

В чем разница между цивилизацией и варварством? Мне кажется, разница эта - в гигантском качественном и непреодолимом разрыве в уровнях культур. Разрыве, который имеет минимум три ярко выраженные стороны. Во-первых, это сам факт разрыва и его масштабы. Одни придумали, сделали, освоили, развили то, до появления чего другим еще шагать и шагать. Во-вторых, это степень освоения достигнутого уровня основной массой населения. То есть важно не только наличие азбуки, компьютера или сотового телефона, но и то, что основная часть населения ими овладела или при необходимости имеет возможность и способна быстро овладеть.

Из всего этого вытекает третье: такие различия рождают у «варваров» чувства - от зависти до ненависти - к тем, кто имеет все это в изобилии. А у носителей «цивилизации» ощущение, что «варвары» - это «недочеловеки», которые в принципе не способны подняться до их высот. А коль скоро так, и обращаться с ними как с полноценными людьми нет смысла - не поймут. Медведя можно научить кататься на мотоцикле, но только в цирке. По улице он далеко не уедет, даже по совершенно пустой. И если «варвары» представляют

хоть малейшую угрозу, их можно и нужно, - иногда необходимо, как бы это ни было неприятно - давить. Но это никогда не было нашей философией.

На эти исторические и психологические клише наслаивается специфический опыт человечества вообще и «белого человека» в частности. Америка начиналась с истребления коренного населения. Когда возникла потребность в массовой рабочей силе, начали ввозить рабов из Африки.

Экономика и демократия США были построены узкой группой - этнической, конфессиональной и социальной. Американская конституция изначально действовала в отношении 4 процентов тогдашнего населения США - остальные 96 выпадали из-под ее действия в силу разного рода цензов. И только в XX веке, особенно начиная с 60-х годов, США становятся той демократией, какую мы знаем. Отсюда, кстати, и «комплекс вины белого человека», о чем в США написаны горы книг. Но одновременно и «комплекс превосходства» человека черного. Свои комплексы вины есть и в Европе.

Говорю об этом, чтобы подчеркнуть, насколько сложен процесс становления цивилизации, какие огромные отрезки времени он занимает, как трудно проводить в нем какие-то жесткие водоразделы. И конечно, «из какого сора» вырастает то, что сегодня мы воспринимаем уже не как достижение цивилизации, трудно давшееся, но как ее безусловные признаки.

Можно спорить, кто в современном мире варвары, а кто - цивилизации. Но бесспорны, на мой взгляд, два момента.

Один - нравственный и просто практический: *нельзя в очередной раз допустить «запуск» механизмов геноцида.* Чем бы и как бы он ни оправдывался.

против кого бы ни был направлен. Есть много искушений, политических и даже бытовых оправданий тому, чтобы объявить очередных «варваров» недочеловеками со всеми вытекающими последствиями, тем более что опыт европейских колонизаторов в отношении индейцев есть. Слава Богу, Европа затем поступила совершенно иначе со своими бунтующими американскими колониями.

И другой момент: распространенное мнение, будто цивилизации гибли под напором и нашествием варваров, - во многом миф, заблуждение. Угрозу «нашествия варваров» не надо преуменьшать, но и преувеличивать ее тоже не стоит.

Гораздо чаще цивилизации рассыпались из-за собственных проблем и противоречий - и тогда варвары приходили и брали верх. Но при этом - крайне интересно и важно! - цивилизация *как явление* не исчезала. Она трансформировалась и со временем возрождалась, но в другом облике. Так в облике сначала Европы, а затем США возродился Древний Рим, когда-то павший под напором варваров. Но ведь и сам Рим казался эллинам «варварским». Так возродилась - уже в ином качестве, как мощное и жестко централизованное унитарное государство, - самобытность восточных славян после разрушения Золотой Орды.

В 1917 году в Москве было около полутора миллионов жителей. Сколько из них погибло в годы Гражданской войны, репрессий, в Великой Отечественной - не знаю. Но полагаю, что много. Рождаемость в Москве на протяжении всего прошлого века была среднероссийской или чуть ниже. Сегодня в Москве 10 миллионов. Значит, основная часть сегодняшних москвичей - приезжие. Или их родители, деды были приезжими. Тоже, если хотите, вхождение в цивилизацию Москвы.

Любой коренной москвич в зрелом возрасте скажет вам, что помнит время, когда городская культура резко упала. Чистота на улицах, вежливость, приветливость, способность встречного подсказать, где находится нужная вам улица, - все это покатилося вниз без видимых причин. А потом, спустя полтора-два десятилетия, медленно пошло вверх. И сегодня дети и внуки тех, кто приехал в Москву в 1920-1930-х годах, сами давно уже коренные москвичи, возвращаются к тому, прежнему уровню московской цивилизации. Видно, существует что-то такое, что невозможно утратить, что вырастает из традиции, из почвы.

Видимо, таков механизм закрепления и продолжения цивилизации. Демократизация доступа к ее достижениям поначалу ведет к падению общего среднего уровня. Это становится заметно тому слою, который находился в объективно привилегированном или лучшем положении. А затем средний уровень вновь начинает расти.

Действию этого механизма можно противопоставить свое «не хочу!» - тогда, кроме геноцида «варваров», иного ответа не остается. Но механизм исторического развития можно попытаться «цивилизовать» - и такая постановка проблемы, на мой взгляд, будет куда больше отвечать духу и морали времени.

Есть ли недостатки у «западной цивилизации»? Вне всякого сомнения, есть, и во множестве. И ее можно и нужно критиковать. В основном за то, что не достигаются те цели, возможность реализации которых имеется.

У Запада много отрицательных сторон. Но давайте задумаемся: откуда в нашу жизнь пришло все то, что определяет сегодня и эту жизнь, и облик мира? Науки, технологии, машины, тип экономики, бытовые устройства, массовая культура - все, от мясорубки до

компьютера и прав человека? А также и ружья, пушки, пулеметы, ракеты, атомные бомбы, конечно. И русские идеи и изобретения, за редким исключением, реализовывались наилучшим образом тоже на Западе. И не только Россия, но и ни одна другая страна, цивилизация не вызвали за последние столетия к жизни тип развития, который превосходил бы возникший на Западе.

Только не надо делать из этого вывод, будто Запад «выше» или «лучше» других цивилизаций. Запад не «строил» свою историю, свой жизненный уклад в том смысле, какой мы недавно вкладывали в понятие «строительство социализма». Стихия истории вывела его на то направление, результаты которого нас сегодня так привлекают. Западу в эволюционном смысле просто «повезло», причем не один-два раза, а на протяжении фактически всей его истории.

Остается открытым и вопрос, можно ли воспроизвести такой тип развития в других культурах и цивилизациях и что для этого нужно. Мы верим, хотим верить, что это возможно. Но так ли это на самом деле, покажет только время.

Так что бороться против Запада, присоединяться к какой-то другой цивилизации, к каким-то незападным «силам» для России подобно самоубийству. Реальной альтернативы западному проекту нет. Существуют разнообразные утопические цивилизационные проекты. Я бы их разделил на футуристические и псевдоисторические. С первыми понятно - один проект под названием «коммунизм» мы сами пытались реализовать. Чем хороши утопические проекты? Они рисуют цивилизацию без недостатков. И, конечно же, реальность с ее недостатками и недоработками при сравнении с утопическим идеалом очень проигрывает. Вспом-

ните хотя бы анекдоты про неназойливый «советский сервис»...

Но есть и проекты псевдоисторические. Иные пропагандисты стремятся доказать, что их цивилизация в прошлом была ну такой прекрасной... Хочется спросить: почему же она потерпела крах?

В настоящее время утопических проектов, которые противопоставляются западному, раз-два и обчелся. Нет «китайской» или «японской» модели, а есть последовательно реализуемые программы с сознательным следованием западным моделям. Самый распространенный, вернее, агрессивно навязываемый - «исламский проект». Однако попытки его реализовать обязательно заканчиваются тотальным насилием и экономическим коллапсом.

Если мы хотим завтра жить в более совершенном мире, то первое условие - сохранить и приумножить все лучшее, что есть сейчас. То есть все достижения Запада и, наверное, все то, что сделало их возможными: экономику и общественные отношения. Но по возможности избежать тех издержек, недостатков и пороков, которые тоже возникли в истории Запада, были «обратной стороной медали» его развития.

Запад не «органически порочен» - эти представления возникли под влиянием борьбы между православием и католичеством и закрепились веками взаимного религиозного неприятия. В XX столетии на этот фундамент наложилось противоречие двух систем - западной капиталистической и советской социалистической. Также своего рода война религий. И все это наследие еще сидит в наших мозгах, причем глубоко, на уровне подсознания.

Для меня как управленца *Запад - интересный тип развития*. Это, если хотите, огромная и успешная на

сегодня корпорация. И мне, во-первых, интересно, как она устроена и работает, как и почему она смогла добиться того, что имеет. Мне хочется, разобравшись в этом успехе, повторить его у себя дома. Не механически перенести - так поступает лишь тот, кто не разобрался, не может или не хочет это сделать. Нам не повторять надо, а приложить уроки и понимание к современной России. Чтобы разобраться, нужно максимально четко и честно видеть не только достижения и сильные стороны «корпорации Запад», но и ее минусы. И прежде всего слабости системные.

Смысл моей критики именно в этом. Стараться брать положительное и ценное, а не все подряд. И уж тем более не худшие стороны, что у нас бывает нередко.

Скажу откровенно. Я все более укрепляюсь в мысли о том, что России необходимо для собственного сохранения и, главное, успешной эволюции включаться в формирование Северного цивилизационного пояса, который охватывал бы саму нашу страну, Европу, Соединенные Штаты и Канаду. Это будет долгосрочный, рассчитанный на историческую перспективу геоэкономический, геостратегический и глобализационный проект.

...Целая лекция получилась.

Юрий Михайлович, сейчас весьма распространено словосочетание «цивилизированный мир». Его нередко используют как синоним «западного мира», «западной цивилизации». Согласны ли Вы с их отождествлением? Ведь есть еще представление о «золотом миллиарде»... Что такое в Вашем понимании «цивилизированный мир», «цивилизированная страна»? Россия - цивилизованная страна? Каким критериям, по Вашему мнению, должны соответствовать лидеры цивилизованного мира, имея в виду не государства, а именно лидеров, людей?

С отождествлением категорически не согласен. По большому счету цивилизованного мира вообще пока нет, его предстоит всем нам вместе построить. Под него есть только задел, «нулевой цикл». Не согласен еще и потому, что привык думать над смыслом слов, которыми пользуюсь.

Я на свое определение цивилизации не претендую. Думаю, из всего сказанного должно быть видно, что под цивилизацией я подразумеваю *исторически* сложившееся единство народа, территории, веры и духа, культуры, образа жизни, истории и социального опыта. Именно исторически - то есть возникшее не вчера; не по итогам последней войны, не по политическим решениям и указам. Страны и народы Запада обрели за многие века относительное единство. Россия тоже имеет такое единство - но свое, сложившееся на иной основе и, не будем забывать, в борьбе не только с Ор-

дой, но с сильными государствами Европы, Азии и в тяжелейшей внутренней борьбе.

«Западный мир» - понятие политическое. Страны, объединенные общими взглядами на экономическое и политическое устройство своих государств, на права человека, на пути организации миропорядка, на дальнейшее развитие мира в целом. Но тут начинается раздвоение. Если к так понимаемому «западному миру» относить все страны, разделяющие те же самые принципы и подходы, то никакой он не «западный». К нему должны быть отнесены и Япония, и Индия, и Россия, и государства Латинской Америки, и многие азиатские, африканские страны.

Если же под «западной» понимать только ту часть мира, которая оформила свое единство политическим и военным союзом, тогда это евроатлантическое сообщество, НАТО. Россия, как известно, в это сообщество и в НАТО не входит. Развивает с ними партнерские отношения, все больше сотрудничает - но не входит. Сам факт такого партнерства и сотрудничества подчеркивает, что мы сближаемся, по сравнению с временами «холодной войны» мы сблизилась уже очень сильно, но не слились в той мере, как Западная Европа и Америка сегодня. Возможно, это и произойдет, однако явно не завтра.

Теперь «золотой миллиард». Не надо все-таки преувеличивать значимость этой формулы. «Золотой миллиард» - это не термин, это образ, в который разные люди вкладывают различное содержание. Общего критерия нет. По каким признакам туда включать страны и народы? Если по доходам или валовому продукту на душу населения, в «золотой миллиард» должны быть засчитаны не только государства, у которых эти показатели высоки в силу общего уровня их развития, но и

малые страны, добывающие, например, много нефти (хотя никакого иного развития там может и не быть), и даже наркосиндикаты. В последнем случае цивилизованностью, как говорится, даже не пахнет. Если же за основу брать ооновский «индекс человеческого развития», учитывающий средний уровень образования, продолжительность жизни и ряд других социальных параметров, то картина получится иной.

Я не говорю, какая из картин мне в данном случае больше нравится. Я просто пытаюсь проиллюстрировать ту мысль, что «западный мир», «западная цивилизация», «золотой миллиард», «цивилизованный мир» - понятия во многом пересекающиеся, но и существенно разные. Никак не синонимы.

Где здесь место России? По ооновской статистике, она в последние полтора года оказывалась где-то между 56-м и 71 -м местами из полутора сотен государств. То есть между верхней третью и серединой. «Золотой миллиард» - это верхние три десятка стран. А мы в шестом-седьмом десятке. Этим все сказано. Но это социально-экономическая характеристика. Важная, но не единственная.

Назвать Россию «нецивилизованной» язык не поворачивается. В начале XX века вышла в Германии книга Ф. Листа «Международное право в систематическом изложении», ставшая зеркалом взглядов на эту проблему перед Первой мировой войной. В 1912 году ее перевели на русский язык и издали в Дерпте. В этой книге все страны мира делились на цивилизованные - в отношениях между ними использование силы должно было быть исключено (напомню: до Первой мировой оставались считанные годы): получивилизованные - по отношению к ним можно было использовать силу, если иные аргументы не действовали: и нецивилизо-

ванные, дикие, по отношению к которым использование любых средств воздействия ограничивалось лишь христианскими воззрениями и общей гуманностью. Тогдашняя Россия по этой схеме должна была быть отнесена к «полуцивилизированным».

Я убежден, что цивилизованный в полном смысле слова мир еще только предстоит строить. Он возникнет только тогда, когда цивилизация перестанет применять разные подходы - один для себя, другой для «чужих», «нецивилизированных». Задача эта на весь XXI век, если не дольше. Такой мир должен основываться на международном праве и законе. Он должен исходить из признания прав человека и обеспечивать их на деле. Он должен демократически самоуправляться. Но главное, он должен появиться в результате сотворчества всех заинтересованных государств и народов. Мы на собственном трагическом опыте познали, что осчастливить насильно, из-под палки нельзя, что подобные попытки заканчиваются только большими кровью, страданиями, безобразиями.

Опыт СССР - это урок для всего мира, не только для России. Не надо воспринимать его как нечто исключительное: дескать, Россия переболела тоталитаризмом, а остальным он не грозит. Еще как грозит! Ни с каким «цивилизированным миром» тоталитаризм несовместим, поэтому создание такого мира - задача труднейшая.

Какими должны быть лидеры будущего цивилизованного мира... Не знаю. Думаю, что им противопоказана так называемая харизма. Когда за этой самой «харизмой» больше ничего нет. Кстати, «харизматический лидер» это еще и характеристика тех, кого он «ведет». Если людям нужна харизма, то при чем здесь цивилизация?.. Думаю, что лидерам будущего харизма противопоказана. Конечно, когда за ней больше ничего

нет. Нужны честные, профессиональные политики, специалисты своего дела. Люди, способные искать и находить решения реальных проблем, доказывать свою правоту, проводить демократически принятые решения в жизнь. Они должны быть менеджерами общенационального уровня, далекими от идеологических заморочек, не списывающими собственную неспособность управлять государством на «козни» истории или внешнеполитические обстоятельства. И если уж говорить о «золотом миллиарде», то такими, которые делают все, чтобы народ, который тот или иной лидер представляет, остался в «золотом миллиарде» либо вошел в него.

Самое поразительное в том, что происходило мрачными осенними ночами в Москве 1999 и 2002 годов, огненным утром 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке, так это существование логики, в которой эти злодеяния оправдываются. С точки зрения террористов, те, кто погиб, это не совсем люди. Кого же эти террористы видят в нас? Что позволяет им совершенно иначе смотреть на горе и страдания тех, кто погиб и пострадал в Москве, Нью-Йорке и десятках других городов? Что нам делать в ситуации, когда, используя Ваше выражение из книги «Возобновление Истории», «в мировую историю входят народы и цивилизации, которые просто не знают, что такое глобальная, «мировая» война и, более того, считают войну благом?»

Давайте разделять: народы, цивилизации, с одной стороны, и конкретные террористы - с другой. Да, многие народы и даже цивилизации не знали мировой войны. Такое незнание само по себе не есть какой-то порок.

А те субъекты, кто считает войну благом, их перевоспитать вряд ли удастся, можем не успеть, они нас с нашим гуманизмом уроют раньше. Кто мы для них, для террористов? Владимир Владимирович Путин как-то сказал: «Мы для них - пыль ничтожная». Например, террористы-ваххабиты выдергивают из священных книг отдельные выражения, которые отнесены к «неверным», к христианам - они «подобны скотам», они

«наихудшие из творений Аллаха». Значит, хуже тараканов, мух и скорпионов. А их можно и должно взрывать, вырезать...

С конца 90-х годов прошлого века терроризм приобрел какое-то новое качество. Это почувствовали Москва, Нью-Йорк, далекий остров Бали в Индонезии и, конечно, Чечня... Раньше терроризм был функциональным, прагматическим, т.е. таким, при котором отдельные террористические акты преследовали конкретную политическую или военно-политическую цель: уничтожить политического деятеля, потребовать выполнения условий или требований (например, выпустить из тюрем боевиков той или иной группировки), наконец, просто продемонстрировать силу своего движения. Сейчас все чаще происходят террористические акты без публичных заявлений, без требований и без авторства.

Все человечество, стремящееся стать цивилизованным, включая и «озападнившихся» мусульман, в глазах этих террористов оказывается носителем коллективной вины. То ли за крестовые походы, то ли за колониальные войны, то ли за нежелание жить по средневековым законам. А может быть, за то, что мы не хотим глобального доминирования фундаментализма?.. Мы оказываемся объектом кровной мести - проявления примитивного, варварского обычая, противостоящего цивилизованному принципу личной ответственности человека, которую в каждом конкретном случае нужно установить и доказать. (Что характерно, представляя перед судом, террористы сразу вспоминают о правах личности, правах человека и основных принципах гуманизма. Помните, сколько слез было пролито по поводу содержания пленных талибов на американской базе в Гуантанамо!) Тут не о вымышлен-

ном «столкновении цивилизаций» речь идет - а о реальном столкновении цивилизации с варварством.

Этот варвар верит, что, погибая сам в «джихаде» с «неверными», он сразу попадает в рай, - это ему вопреки учению традиционного ислама внушили ваххабитские проповедники. Между прочим, Соединенные Штаты в ходе идущей мировой антитеррористической войны последовательно проводят наступление на одном из ее «фронтов» - требуют убрать из школьных и университетских учебников в Саудовской Аравии (и не только там) все, что касается «неверных», «джихада» и «райской награды» тому, кто ведет этот «джихад» и т.п.

Такое новое варварство угрожает самому существованию цивилизации, миру как таковому. Террористы, не колеблясь, используют ядерную бомбу, если она попадет к ним в руки. Международный терроризм навязал человечеству войну - ее уже называют третьей мировой. И она идет в разных концах света.

Но ведь важно не только то, как они нас видят. Важно, как мы их понимаем, оцениваем, на каких путях ищем выход, средства решения. Не вредно вообще задумываться над обратной стороной многих привычных представлений, эмоциональных подходов. Деля весь мир на «цивилизацию» и «варварство», мы должны кого-то к «варварам» отнести. Но, указывая на тех, кто по нашим понятиям находится за чертой цивилизации, мы создаем нравственный и политический прецедент для обращения того же самого подхода на нас самих. Причем не только со стороны «варваров». Вспомним нацизм, для которого славяне были людьми «низшей расы» и подлежали уничтожению. Уверены ли мы, что повторение подобного невозможно?

На мой взгляд, есть два вида варварства внутри «цивилизации». Первый - это одиночки, они хватают нож,

пистолет, бомбу и убивают неважно ради каких целей. Такие люди социально опасны, некоторые из них психически тяжело больны. Их надо изолировать от общества. Даже если такой «варвар» только собрался, подготовился, но не успел. Или не получилось. Если же трагедия произошла, таких людей должна ждать пожизненная изоляция, а в отдельных случаях - смертная казнь. Это что касается одиночек.

Но есть и другой вид варварства: когда, продвинувшись достаточно далеко по лестницам экономики, науки и техники, люди находят религиозные, идеологические, социально-политические, даже нравственные оправдания своей предельной жестокости. Когда *сама цивилизация на каком-то этапе своего существования раскалывается на цивилизацию и «цивилизованное варварство»*. В истории это бывало началом конца. Почему мы или Запад так уверены, что мы «цивилизационно бессмертны»?

Терроризм - явление социальное. В наше время это сложная, профессиональная, требующая высокой организации и весьма затратная сфера деятельности. И если бороться против него всерьез, то объектом такой борьбы должны быть прежде всего порождающие терроризм социальные явления, а также структуры и механизмы.

Могут возразить: какой профессионализм у тех отчаявшихся, потерявших детей и близких, которые обвязывают себя взрывчаткой и идут взрывать автобусы? Отвечу: даже к этому их готовят - и психологически, и практически. Это надо уметь сделать. Те, кто посылал шахидок на молодежный рок-фестиваль в Тушине, собирающий десятки тысяч молодых людей, думали не об этих женщинах, а о дестабилизации обстановки в Москве накануне общенациональных выборов. На

фоне такой дестабилизации могут решаться самые разные политические и даже экономические задачи.

Но дело еще и в другом: чтобы отправить на смерть такую женщину и с ней - ее жертвы, кто-то должен купить или украсть взрывчатку, кто-то - привезти ее в нужное место и подготовить, кто-то - собрать нужную информацию, кто-то - обучить эту женщину, и наконец - достать средства на всю операцию. Все перечисленное называется одним словом: организация.

Бороться надо не только с террористами-исполнителями, но прежде всего с теми, кто создает подобные организации, поддерживает и финансирует их, готовит для них кадры. Задача куда как сложнее. Если вместо такой борьбы обрушиться на те или иные народы, спонсор террористов будет только счастлив. Наши силовые структуры в массовом порядке станут отвлекаться на выполнение дорогостоящих и не относящихся к делу задач. Репрессии против народа пополняют ряды террористов, создадут им поддержку и опору в обществе. Могу продолжить...

Следует, напротив, всеми силами и средствами культивировать отчуждение между народом, религией, с одной стороны, и действующими от их имени террористами - с другой. Лишь гарантировав людям безопасность и защиту их прав, можно добиться поворота народа против террористов, следовательно, и большей эффективности борьбы с таким явлением, как терроризм.

Наверное, надо серьезнее подходить и к подготовке кадров для разного рода «спецназов». Не хочу никого задеть или обидеть, не хочу глубоко вдаваться в эту очень специальную проблему. Но, на мой взгляд, на каком-то этапе произошло значительное возрастание потребности в таких кадрах. Отчасти причиной была «хо-

лодная война», отчасти внутренние события в ряде государств. Действовали и другие факторы. Но в любом случае во многих странах это привело к тому, что критерии, планка отбора оказались снижены, так как не хватало денег, опыта. А террор как средство политики становился более изощренным, вовлекал в себя тысячи и десятки тысяч человек.

Москва уже не раз испытала на себе атаки международного терроризма. Вы - руководитель города, человек, чей образ неотделим от образа современной Москвы. Каждый такой удар - это удар в Ваше сердце. Чем отличается Лужков нынешний от того Лужкова, который был до террористических атак на Москву?

Иллюзий меньше стало. Уроки получены тяжкие. Как от террористов, так и от тех, кто потом пытался сделать город ответственным за происшедшее. В том числе материально ответственным.

Первое. Я уяснил для себя, что терроризм - явление, независимое от того, что ты делаешь или не делаешь по отношению к тем, чьи интересы якобы выражают террористы. Сложно выразился? Речь о том, что против современного терроризма нельзя бороться проведением политики умиротворения, потакания.

Второе. Политкорректность, которая тоже является средством умиротворения, почти ничего не дает. Зло должно быть названо по имени. И искореняться - не по факту, а еще в период замысла, когда кому-то приходит в голову мысль совершить насилие - чем бы намерение ни оправдывалось, включая и плохо воспринятые или неправильно понятые положения Корана.

Третье. Нужна система постоянных межведомственных учений по всему комплексу мер, которые придется принимать в ответ и после террористических ударов. Планировать такое тяжело, но не планировать - преступно. Мы не сможем остановить каждую «живую бомбу»... Терроризм как явление остается, большая фантазия его организаторов работает. Город, правительство, все его службы должны быть готовы не только психологически, но и практически к любым неожиданностям. Не могу ни в чем серьезно упрекнуть городские экстренные службы - в прошлых ситуациях они сработали в целом хорошо. Но успокаиваться, почивать на лаврах нельзя, недопустимо.

Отсюда четвертое. Надо признать, что мы вошли в такую полосу, когда террористическая война становится всепроникающей и повседневной, когда отдельные удары могут оказаться обрушенными на кого угодно. Милицию или солдат на каждом метре не поставишь, значит, каждый человек - и прежде всего каждый руководитель, какой бы пост он ни занимал, - должен «продумать за террориста», где и что может произойти. Что он должен предпринять, дабы свести шансы такого события до минимума, и что ему придется делать, если удар все же будет нанесен.

На войне беспечность карается смертью, поражением. Надо, чтобы эта мысль дошла до каждого, вызвала бы адекватную реакцию. Не в том смысле, что мы опять находимся в осажденной крепости - пусть в ней террористы сидят. А в том, что жизнь в современном, развитом и комфортном обществе требует навыков, ответственности и усилий. На международную космическую станцию даже туристом не посылают неподготовленного человека. В каком-то смысле все жители «мирового города» тоже обитают на космических стан-

циях. А ведут себя часто, как жители патриархальной деревни, в которой самая большая угроза - дурной бык.

И последнее, но едва ли не самое важное. *Главная угроза нашей современной жизни* - не террористы и даже не дураки, но *коррупция*. С ответственностью, которой требует современная жизнь - от управления государством до соблюдения техники безопасности на аттракционе в парке, - коррупция органически несовместима. Или мы ее победим, или эта ржавчина разъест и сделает нежизнеспособным все современное общество.

«Лужков после «Норд-Оста» - это твердое убеждение в том, что самое искреннее сочувствие может и должно сочетаться с требовательностью в исполнении своих прямых обязанностей. С требовательностью к себе, коллегам, соседям, к подчиненным, к начальству. Без поблажек, без скидок на лень и хорошие отношения.

Юрий Михайлович, Вы затронули тему материальной ответственности города. Поскольку проблема терроризма вообще и международного в частности ни завтра, ни в обозримом будущем скорее всего не исчезнет, кто и как должен, на Ваш взгляд, компенсировать жертвам террора их потери? К кому им предъявлять иски, обращаться за помощью, компенсацией? Каково здесь должно быть соотношение ответственностей города, федеральной власти, частных структур? Вообще правомерно или нет ставить вопрос об ответственности власти любого уровня за ущерб, наносимый действиями террористов?

Правомерно. Ставить вопрос - правомерно и необходимо. Но очень важно - как и для чего.

Терроризм, действительно, в обозримом будущем не исчезнет. Возьму на себя смелость предположить, что он может принять даже более разнообразные и разрушительные формы. Значит, должна быть создана система противостояния ему, ликвидации его последствий не только по линии спецслужб - этого я касаться не буду.

Нужна система практической ответственности государства перед гражданами, обществом, регионами. Без такой ответственности не возникнет доверия к государству, его намерениям и действиям, к компетентности его представителей даже тогда, когда для недоверия нет никаких объективных оснований.

В демократической стране государство служит народу и находится с ним в отношениях так называемого «социального контракта», где у всех сторон есть свои обязательства. У государства свои, у народа и юридических лиц - свои. Нарушение обязательств одной из сторон создает основания для обращения в суд, арбитраж, для апелляции к общественному мнению, которое становится высшим мерилom справедливости. Иначе это уже не правовое государство и не демократическая страна.

Если преступнику удалось осуществить задуманное злодеяние, значит, где-то государство не выполнило своих обязательств перед обществом и конкретными, пострадавшими от этого злодеяния людьми. Наверное, нереалистично требовать от государства, чтобы оно распознало и своевременно обезвредило каждого террориста-одиночку. Но если речь идет о деятельности организации - а полсотни террористов, захвативших «Норд-Ост», это, бесспорно, организация, - то в таких случаях вина государства в целом у меня лично не вызывает сомнений.

Но государство - сложная система. Ни Москва, ни другой город или субъект Федерации не могут обнаружить организацию террористов, возникающую вдалеке от них районе страны или же за рубежом. Они не могут даже эффективно бороться с терроризмом только собственными силами на своей территории: для такой борьбы нужны структуры в масштабе всего государства.

В свою очередь, закон, четко определив полномочия и права различных уровней государственного управления - от федерального до городского, - должен столь же четко прописать и порядок, пределы ответственности каждого из них за ненадлежащее исполне-

ние их обязанностей. Сегодня таких положений в законе чрезвычайно мало, а главное, даже имеющиеся действуют малоэффективно.

Трагедия «Норд-Оста». Могли ли охрана, сотрудники театра реально противостоять полусотне террористов? Вопрос риторический. Могли ли посты ГАИ, милиции обнаружить и остановить автобус с террористами, пока он был в движении? Теоретически - могли и были обязаны, практически - вряд ли. Организованному терроризму должна противостоять еще более организованная, разветвленная и эффективно действующая государственная система. Бандитов должны встречать не только сотрудники ГАИ, а система органов безопасности, которая обнаруживает организации террористов еще на стадии возникновения. Но этого, к сожалению, не произошло. А вот как они сумели проникнуть в Москву, привезти сюда оружие и взрывчатку, подготовиться к преступлению - это вопросы не только к городу. Точнее - не только и не столько к нему.

Лично меня удивляет, почему по результатам всех потрясших страну и Москву террористических актов никем - ни партиями, общественными силами и движениями, ни законодателями, ни ведомствами - не были предприняты усилия, целью которых должна была бы стать разработка действенной системы нашей общей ответственности.

Эта система нужна не для «наказания государства», как думают некоторые радикально настроенные персонажи. Ее цели иные: создать обратные связи, способные повысить ответственность всех элементов государственного управления, а тем самым ответственность, управляемость и эффективность системы в целом и на каждом из ее уровней - федеральном, субъекта Федера-

ции. городском. И создать систему своего рода «страхования» (в самом широком смысле этого понятия) граждан, самого государства от последствий террористических актов, которые наносят наибольший моральный и физический урон.

Разумеется, надо продумать принципы возмещения ущерба. Обычно в гражданских делах возмещаются доказанные ущерб, упущенная выгода, а также обоснованный моральный ущерб.

Но в случае ответственности государства должны быть приняты во внимание и принципы, не возникающие в гражданских делах. Назову, на мой взгляд, основные. Прежде всего, предъявляя иск к государству и/или его ведомствам, структурам, недопустимо выдвигать требования, способные существенно ослабить, подорвать их положение или привести их к фактическому банкротству. Если же целью оказывается желание любой ценой и по максимуму «наказать государство» или его конкретный орган, структуру, «отомстить» им, сорвать злость - подобные настроения эмоционально понятны, но не могут быть основой для принятия решений. Еще печальнее, когда «процессы против государства» организуют люди, преследующие свои личные интересы, когда жертвы терактов используются в политических или коммерческих целях. Помочь человеку в беде может только сильное государство. Ослабляя, подрывая его, мы лишаем необходимой помощи тех, кому она может потребоваться завтра.

Очевидно, ответственность государства за последствия терроризма, иных преступлений не может и не должна осуществляться в ущерб социальным обязательствам. Пострадавшие от террора имеют право и должны получить помощь; но такая помощь не должна идти за счет пенсионеров, школ, детских садов и больниц. Иначе

всю тяжесть последствий будут нести эти, самые сегодня незащищенные в нашем обществе категории граждан и организаций. Когда вопреки закону и здравому смыслу от Москвы требуют многомиллионных компенсаций, наверное, подразумевают сравнительное благополучие города. Действительно, столица богата. Но если мы заплатим каждому пострадавшему по несколько десятков миллионов рублей, как того требовали адвокаты, то завтра начнутся перебои с транспортом, задержки выплат зарплат и пенсий. Ставя таким образом вопрос, они не только покушаются на финансовую устойчивость государства, но и переключают внимание с тех, кто заказывал и организовывал террористические акты, кто способствовал приходу этого зла на нашу землю. Поэтому, создавая страховые фонды, государственные и, возможно, частные, надо иметь в виду, что есть еще один источник их наполнения - активы организаций и частных лиц, которые имеют отношение к террористической инфраструктуре.

Мы живем пока в далеко не идеальном обществе. И будущие законы об ответственности за причиняемый терроризмом ущерб должны быть сформулированы таким образом, чтобы не возникало ни искушений, ни возможности манипулировать этой ответственностью. По крайней мере надо честно и прямо включить в число задач и эту. В ином случае мы все будем только ослаблять себя перед лицом террористов.

VII

ЧТО ТАКОЕ БЕЗОПАСНОСТЬ?

Вы рассуждаете «о безопасности», почти как директор ФСБ. В Вашей речи почти профессиональные выражения о системе безопасности, необходимых мерах противодействия угрозам. Но Вы - мэр десятиmillionного города и, по-видимому, должны как-то иначе подходить к этому вопросу. Что для Вас безопасность Москвы?

Одной фразой не определить. Пожалуй, на эту тему целую книгу надо писать - «Безопасность мегаполиса. Опыт Москвы». И, по старой памяти, две-три главы положить в спецхран... «Безопасность» - понятие многогранное, емкое. И я как мэр столицы, мирового города, подходить к нему должен прежде всего системно.

Точка отсчета - город должен жить, расти, развиваться. Для этого его безопасность должна быть надежной. Если необходимо, продиктовано условиями, обстановкой, то - дорогой. Но при этом обязательно эффективной. Меры безопасности не должны превращать город в осажденную крепость, а москвичей - в бесправные и безропотные тени, не рискующие без паспорта выйти за хлебом или газетами. *Меры безопасности не должны разрушать город, лишать его перспектив и стимулов развития.*

У безопасности много уровней, они не только все взаимосвязаны, но исторически, функционально отданы разным ведомствам. Неверно, будто безопасностью занимается только ФСБ. Свои функции здесь есть и у МВД, и у МЧС, и у военных, и у многих других, не только силовых, ведомств. Для федеральных министерств поле деятельности страна в целом, в том числе - столица. А для мэра Москвы - все концентрируется на столице, но с неперенным учетом «фона», всей России. Вот в этом нюансе - ключ к пониманию того, чем являются проблемы безопасности для мэра.

Москва - столица России. Если хотят ударить по стране, ослабить ее, угрожать нашему народу, то чаще всего стремятся нанести удар по Москве. Здесь он будет сразу замечен, прозвучит на весь мир. Дестабилизация обстановки в Москве - это удар не только по городу, о самом городе преступники скорее всего не думают. Это удар по России, по ее руководству. Это, если хотите, издержки положения Москвы в России, своеобразное исполнение столичных функций.

В такое время и в таком месте мы живем.

На первом плане, я считаю, всегда должна быть безопасность людей. В конечном счете ради этого и выстраивается вся сложная конструкция безопасности. Если человек чувствует себя спокойно, значит, и в городе, по большому счету, все в порядке.

Для москвича безопасность - это уверенность в том, что ни дома, ни на работе, ни в общественных местах с ним и с его близкими не произойдет никакой трагедии. Не убьют, не покалечат, не взорвется газ, не станет жертвой террористов или бандитских «разборок». Конечно, все мы сознаем, что абсолютной безопасности в принципе не бывает. Но в повседневной жизни необходимо ощущение безопасности.

Для мэра безопасность - все то же самое, но помноженное на десять миллионов москвичей и миллионы приезжих, плюс еще многое другое. Это безаварийная работа всех инфраструктур города - газовых сетей, канализации, водоснабжения, метро и подземных коммуникаций. Это технологическая безопасность московских производств. Обеспечение безопасности в городе - это каждодневная, невидная и незаметная, работа спецслужб и правоохранительных органов. Безопасность - это постоянная готовность и профессионализм всех городских спецслужб - аварийных и спасательных, пожарных и «скорой помощи». Это надежность и безопасность энергоснабжения, без которого мгновенно остановится все остальное. Это стабильная и надежная работа общественного транспорта, без которого город задохнется за пару часов. Это финансовая безопасность города, уверенность в источниках формирования бюджета, возможность уверенно планировать не на полгода-год, но на 5-7 и больше лет вперед - иначе невозможны крупные проекты городского развития. Это стабильная работа социальных систем - здравоохранения, образования, пенсионной. Это здоровая, улучшающаяся экология.

Хочу подчеркнуть: все эти службы в Москве работают достаточно четко и профессионально, безопасность города обеспечивают в целом надежно.

Но всего этого мало. Город должен не просто противостоять потенциальным угрозам и опасностям, ликвидировать последствия трагедий, если они происходят. Это все необходимо делать. Но это можно обозначить одним словом - выживание. Город, тем более такой, как Москва, должен не только выживать, но и идти вперед, а во многом быть мотором российской экономики, всей нашей жизни.

Поэтому и требования к безопасности у Москвы особые. Мы должны быть абсолютно уверены в своей способности проводить крупные общественные акции, мероприятия - от концертов под открытым небом, политических съездов, фестивалей, праздников до Олимпийских игр. В Москву не должны бояться приезжать, опасаясь за свою безопасность, ни российские граждане, ни иностранцы - туристы, студенты, деловые люди. Здесь должно быть безопасно иностранному инвестору - и ему лично, и его правам и капиталу. Город участвует в выполнении соответствующих международных обязательств России.

Кажется, специалисты называют все эти виды несиловой безопасности - финансово-экономическую, экологическую, иные - «мягкой безопасностью». Именно с ней человек, сам того не сознавая и не замечая, сталкивается ежеминутно. Без всякого преувеличения. И если он не замечает «мягкой безопасности», не думает о ней, значит, такая безопасность действительно есть. Считаю, в этом определяющая заслуга города и его служб.

Рискну высказать такое предположение: не будь Москва столицей, проблем с безопасностью у москвичей было бы куда меньше. А главное, качество этих проблем оказалось бы иным, более доступным для противодействия им силами самого города.

Но помимо «мягкой», есть и «жесткая безопасность». Она нас обычно больше всего и тревожит. Терроризм и преступность, особенно организованная, намеренная масштабная дестабилизация на этнической, религиозной, иной основе и тому подобное. Рассуждения об опасностях - не паранойя. Достаточно напомнить о том, что произошло в Нью-Йорке, когда были разрушены башни-близнецы Всемирного торгового центра.

или в Токио - когда в метро была совершена газовая диверсия. *Москва - это открытый город и таким будет оставаться.* Для Москвы скопление людей - естественная вещь, а для террористов - возжеленная цель.

Тот шок, который пережила Москва за последние годы - взрывы жилых домов и в подземном переходе на Пушкинской площади, захват спектакля «Норд-Ост» и гибель там ста тридцати заложников, взрывы на рок-фестивале в Тушине, - все это «жесткая безопасность».

Скажу честно: город сам, своими силами не так много может сделать для ее обеспечения. В городе нет своей разведки, собственных силовых структур. Есть милиция, система участковых, которые могли бы работать более эффективно, и мы этого добиваемся. Есть спецчасти той же милиции - ОМОН, вступающий в дело тогда, когда события уже происходят или почти назрели. И, пожалуй, все.

Действовать в силовой сфере на опережение, особенно на долговременное, город сам не в состоянии. Да и не должен, не его это задача. В этом мы полностью зависим от федеральных силовых ведомств. Мы-то от них зависим, а они от нас - нет. И между собой скоординированы они, судя по всему, не оптимально. Отсюда и итоги.

Нужна та самая единая система ответственности, о которой мы уже говорили. Необходимо рабочее взаимодействие не только между городом и федеральными ведомствами, но и между органами безопасности. Такое взаимодействие - это непереносимое, обязательное условие безопасной, комфортной жизни людей, всего нашего общества.

И, конечно, *все системы современного города должны изначально создаваться как устойчивые к терроризму и другим чрезвычайным обстоятельствам.*

Да, дорого. Но такая защита годится не только от террористов. Почему один алкаш или разгильдяй имеет возможность уничтожить целый подъезд взрывом бытового газа, а город должен за это расплачиваться в прямом и переносном смысле?! Между прочим, в новых районах Москва уже лет тридцать как отказалась от бытового газа, резко снизив тем самым давление хотя бы этой проблемы.

И другое. Террористы, иные негодяи будут иметь возможности для своих черных дел до тех пор, пока меры по наведению элементарного порядка будут по-прежнему создавать неудобства, неприятности, проблемы порядочным и законопослушным людям. Что-то во всей нашей системе капитально не так. Проблемы должны возникать у совсем иной категории граждан. А то получается простая, но страшная вещь. Преступники любой ценой, но добывают себе оружие. Преступник обходит законы, добывает документы, регистрацию, идет на шантаж, коррупцию, на все. Граждане законопослушные, но сталкивающиеся с естественными в жизни затруднениями и проблемами, стремятся сгладить неудобства, идут на разные ухищрения. В итоге создается «серая зона» между порядком и беззаконием, в которой лучше всего чувствуют себя ловцы рыбы в мутной воде.

И события 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке, и события 23-26 октября 2002 г. в Москве показали беззащитность мировых городов против диверсионно-террористических атак. Как в условиях демократической системы обеспечить приемлемый уровень безопасности? Есть ли предел ограничения прав, который нельзя переступать даже во имя сохранения жизни людей? Если есть, то где он?

Упомянутые Вами трагедии являются чистым терроризмом. И особая подлость преступников заключается в том, что они бьют по незащищенным местам - по скоплениям людей, которые никакого отношения не имеют к их действительным или мнимым обидам и никак не могут защититься от удара. Что же касается тех объектов, против которых могут иметь место попытки совершения диверсий, то они у нас тщательно охраняются.

О границе между мерами безопасности и правами личности я уже говорил. Разумеется, такая граница есть. Но где она проходит, теоретически, «на берегу» указать нельзя. Это решает для себя в конкретной ситуации каждое общество, каждый человек - от заложника до высших руководителей.

В Москве спецслужбы, органы правопорядка делают все возможное и порой невозможное для предуп-

реждения террористических актов. Вы правильно говорите о профилактических мерах. Это своеобразная городская гигиена. Но тут есть один важный, пожалуй, психологического свойства вопрос. По понятным соображениям, предупрежденный террористический акт остается незамеченным - чего не было, того не было. Могло бы быть? Ну, а могло бы и не быть... Говорят, что их выдумывают спецслужбы, чтобы показать свою работу. Пожалуй, это самая распространенная реакция на сообщения о предупрежденных террористических актах, если эти сообщения вообще воспринимаются людьми. Чаще всего они остаются в милицеских и эфэсбэшных сводках.

Иное дело - не дай Бог - террористический акт состоялся. Тут - мощная общественная реакция, громкие заявления о том, что терроризм - реальная опасность, с которой нужно бороться. Но бороться-то нужно не по следам, разбирая завалы и хороня убитых, а предупреждая саму возможность совершения террористических актов.

Для этого существуют свои методики. И порой работа наших разведчиков и дипломатов в далекой южной стране приводит к тому, что у нас в Москве не рвутся бомбы. Но, с другой стороны, это и проверки документов у прохожих, которые чем-то привлекают внимание милиционеров, досмотры в метро. Это и раздражает, и создает много неудобств - не только тем, кого останавливают, но и, психологически, окружающим. Я бы посоветовал в подобных ситуациях вспоминать лозунг, который раньше мы видели на остановках пригородных электричек: «Сбережешь минуту - потеряешь жизнь». Может быть, милиционер в настоящий момент задерживает человека, который в сумке несет взрывчатку...

Порой приходится даже слышать о том, что в Москве осуществляются «гонения» на «лиц кавказской национальности». Но если вам не лень и есть время - пойдите в метро, посмотрите на работу милиционеров. Это нелегкая и опасная работа, часто грязная и неблагодарная.

Очень многое здесь зависит от тех людей, которые непосредственно осуществляют ту или иную функцию безопасности. От милиционеров, от работников ФСБ, городских служб. Как человека остановили, попросили показать документы, как ему сказали, что он должен или не должен делать. Какая информация и в каком тоне была доведена до нашего сведения. Это во многом проблема профессионализма и общей культуры. Знаете, как бывает: обидели человека, иногда по мелочи задели, и он вообще после этого не желает иметь дела ни с милицией, ни с государством, не верит никакой информации, никому и ничему. Это, конечно, тоже крайность, только противоположная.

Нередко права человека ограничиваются не в силу необходимости, а когда надо скрыть грубые просчеты, неэффективную работу, некомпетентность. В таких случаях действительно не до прав человека.

Что же касается политических прав и свобод, то тут не надо забывать о сути. Свобода слова должна ограничиваться, если она используется для призывов к насилию - убийству, изгнанию, ограничению прав других людей. Свобода собраний и ассоциаций не может распространяться на тех, кто стремится создать преступное сообщество - в криминальной ли сфере или в сфере общественно-политической.

Нередко приходится слышать, что это-де несправедливо - привлекать к ответственности человека или людей за слова, а не за дела. Ведь он от слов не перешел к

делу. Ну, заявил, что нужно вести вооруженный джихад против всех «неверных» (включая женщин, детей и стариков). Ну, призвал к созданию этнически «чистой» территории в рамках России только для «коренных» жителей. .. Это же все слова. Вот если он захвачен с оружием или взрывным устройством в руках, - вот это действие! Тут его и судите... Такая логика - прямое и умышленное оправдание экстремизма и терроризма.

Взять хотя бы проблему, лежащую на стыке внешней и внутренней политики, - проблему миграции. Общий принцип, прослеживаемый по всему миру, - резкое ужесточение миграционного законодательства и миграционной политики.

Но ведь миграции не только допустимы - они необходимы для нормальной жизни общества. И о правах иммигрантов - пусть даже «лиц без гражданства» - тоже нельзя забывать. И снова возникает тревожная мысль: не привели бы эти военные и полувоенные меры к нарушению прав и свобод личности.

Но Закон есть Закон. Он ограничивает не только того, кто нарушает общественную безопасность, но и регламентирует работу «силовых» ведомств. В этом коренное отличие силы, которую применяет государство, от преступного насилия. Государство и его органы применяют силу в рамках закона, под контролем общества и на тех условиях, которые определены этим обществом. И только постоянное внимание к этому балансу способно устанавливать ту степень ограничений или, если хотите, наоборот - ту степень свободы, которая должна существовать в открытом и динамичном обществе. Именно в этом смысле надо понимать известное выражение Бенджамина Франклина: «Народ, жертвующий своей свободой ради безопасности, не достоин ни свободы, ни безопасности».

Конечно же, здесь должна проявляться и политическая Воля. Только сильное государство способно создать и поддерживать этот баланс: гарантировать права и свободы граждан и одновременно ограничивать их ради целей поддержания безопасности, т.е. самого существования общества. Под сильным государством я понимаю не только силовую конструкцию исполнительной власти. Сильное государство невозможно без сильной законодательной власти, выражающей волю народа и в случае необходимости изменяющей Закон.

Какую роль, по Вашему мнению, играет бедность? Несет ли бедность угрозу безопасности города, стране? Ведь принято считать, что именно бедность, нищета есть рассадник терроризма.

Да, есть такое объяснение международного терроризма. Мол, так реагируют бедные народы «Юга» против богатого «Севера». Это чепуха, если говорить коротко. Если посмотреть на международную террористическую сеть, то можно с уверенностью сказать, что это не от бедности. Это как раз от богатства: избыточные нефтедоллары ударили в голову. Это о таких людях, обуянных порочной гордыней, в Коране говорится: «Он собрал деньги и сосчитал их, и подумал, что деньги сделают его бессмертным». Если вспомнить теракты 11 сентября 2001 г. в США, то почти все их исполнители из весьма зажиточных и богатых саудовских семей. Да и сам Усама бен Ладен - отнюдь не восточный дровиш, а член семьи миллиардеров.

В бедности, конечно, нет ничего хорошего. Но террор требует немалых денег, политических целей, специфических знаний, организации. Всего этого у бед-

ных нет. Бедность, точнее, нищета - это та среда, в которой находят исполнителей на роли смертников, «расходный материал».

Вы никогда не задумывались, сколько стоит создать мощную международную экстремистско-террористическую сеть, охватывающую едва ли не все страны мира? Сколько денег нужно на оружие, экипировку, средства связи, на создание тренировочных баз, на миссионеров, разъезжающих по миру, на печатные издания, на Интернет, на создание нелегальных и легальных пунктов отдыха и лечения боевиков, на транспортные расходы, на выплату денежного довольствия?..

Как-то я видел кадры из фильма террористов о походе ваххабитов под командованием саудовца Хаттаба и примкнувшего к нему Басаева на Дагестан в 1999 г. Там были громадные черные колонны под черными ваххабитскими знаменами. Бандиты, прекрасно оснащенные для боев в горной местности, были сытые, откормленные, веселые - точно как гитлеровцы в геббельсовской хронике в 1941 году. Знаете, когда видишь такое, в виске начинает пульсировать «Священная война». Что вся эта сволочь делает на российской земле?! Но сразу становится ясно: а ведь фильм этот снят арабскими «муджахедами» еще и для отчетности о расходовании средств, и средств немалых.

Конечно, если посмотреть на боевиков, то там нашлись бы разные люди - в том числе и те, кого можно, наверное, было бы назвать бедными. Хотя им ведь неплохо платят... Пусть часто фальшивыми долларами, но кто их там, в горах, отличит от настоящих? *Первична не бедность, которая якобы толкает к терроризму. Первична мощная международная организация, которая создана и существует независимо от действи-*

тельной бедности какого-то отдельного чеченца, или араба, или русского и предлагает этому человеку «решение» его бытовых проблем.

Это всегда моральный выбор конкретного человека, который ставит перед собой вопрос: готов ли ты убивать ни в чем не повинных людей? Многие и многие христианские святые давали обет бедности как ответ на вызовы мира, который не так уж хорошо устроен, как хотелось бы...

Тезис о том, что бедность порождает терроризм, нередко озвучивается провокаторами, которые пытаются подавать его как естественное явление, объективное и нормальное для современного мира. Такого рода утверждения есть оправдание убийств и насилий, есть приглашение к ним.

Конечно, бедность, отсталость-это угроза безопасности. Но не в смысле терроризма или насилия. Бедность проявляет себя другими путями. Бедное население - значит, бедный город, потому что мало налогов. Бедный город - значит, минимум возможностей проводить активную политику, в том числе и в сфере безопасности. Бедность - это угроза здоровью людей, угроза человеческому достоинству, угроза духовного возрождения нации, угроза общественного краха. И с этой угрозой надо бороться. Бедность - фактор системный, ослабить или преодолеть его можно только годами и десятилетиями труда и развития.

Мы не раз наблюдали ситуации, когда политические деятели высокого уровня, сталкиваясь с трагическими ситуациями, пасовали и шли на поводу у бандитов и их заказчиков. Это было и в Буденновске, и в Хасавюрте. Вне зависимости от конкретных причин и мотивов, налицо проблема лояльности элит. Не в смысле их буквальной продажности, а в смысле отождествления себя и своего дела со своей страной, ее интересами. Как преодолеть синдром Хасавюрта? Как сделать, чтобы к рулю выходили люди, способные идти наперекор?

Наперекор чему или кому? Наперекор обстоятельствам, за которыми все прячутся, ленивому течению жизни, затягивающим в итоге в трясину? Наперекор энтропии, деградации, распаду? Наперекор обыденному сознанию элиты или населения в целом? Наперекор мнению и распоряжениям начальства? Наперекор собственной судьбе? Очень разные все это вещи, и очень легко их спутать. А главное, гордой позой «иду наперекор» легко маскировать собственные диктат, произвол, самодурство, даже лень и глупость. Сказал «наперекор» - и уже герой.

Способных идти наперекор у нас всегда было в избытке. Способности думать и действовать в согласии с законом, совестью и здравым смыслом - вот чего часто не хватает.

Наперекор мы уже ходили многократно. И при Иване Грозном, и при Петре, и в 1917 году, и все последую-

щие годы и десятилетия. И перестройку, и реформы дедали наперекор. Результат закономерен: у общества отбиты все инстинкты социальности. Человек сидит на своих четырех-шести сотках - в прямом и переносном смысле - и сознательно отказывается не только видеть что-либо за их пределами, но и смотреть дальше своего забора. И понять его можно. У него главная проблема во все времена и при всех режимах - выжить, детей поднять. От государства, общества он помощи не ждет, только новых проблем и трудностей. А потому «своя рубашка ближе к телу». Ну, еще родственники, друзья, соседи, коллеги по работе. Дальше его взгляд и отношения не идут. И это не тупость и не глупость, не примитивизм. Человек у нас на самом деле очень сообразительный. Но весь его жизненный опыт, история семьи, вся история страны заставляют так смотреть на жизнь. Это и есть атомизированное, раздробленное общество в действии.

Наша элита ведь не с неба сваливается. В нее попадают такие же люди, из того же общества. Особенно в современной России, где никаких потомственных элит не было на протяжении жизни трех поколений. И если человека приучили думать только о себе, поднимите его на любой уровень - он иначе думать уже не может. Не умеет, а часто и не хочет, и не способен.

Что, в других странах не было и нет продажности, коррупции, предательства? Да сколько угодно! Но есть страны, где ни общество, ни элиты подобного не терпят. И там отдельные, не слишком чистоплотные люди быстро получают отпор. А есть иные страны, похожие на нас, где общество еще инертно, где оно фактически не сформировалось еще именно как общество. В таких странах картина похожа на нашу.

Теперь о проблеме переговоров с террористами. При захвате заложников террористы играют на естествен-

ном желании властей сохранить живыми (о психологических травмах тогда не думаешь) людей, оказавшихся в руках бандитов. Находясь в такой ситуации, ты в принципе готов на все: и «выторговать» людей, попавших в беду, и общаться ради их освобождения со сволочью, которая заслуживает не душеспасительных бесед, а виселицы. Тут, конечно же, не все получается. И я бы не стал бросать камень в руководителя спецслужбы или политика, который, начиная какие-то переговоры с террористами или проводя антитеррористическую операцию, осознает, что он выбирает не между плохим и хорошим выходами из ситуации, а *между очень плохим и чрезвычайно плохим*. Это - о Буденновске, да и о Дубровке тоже.

Существует давно отработанная практика переговоров. Их не должны вести руководители страны и вообще политики, обладающие правом принимать решения. Ни мэр Москвы, ни тем более Президент во время захвата «Норд-Оста» не могли вести никаких переговоров с террористами. Переговоры ведет офицер антитеррористического подразделения, офицер среднего звена. От него к террористам поступает тщательно отфильтрованная или ложная информация. Этот человек прекрасно знает: что бы с ним ни случилось, это не должно помешать проведению операции.

Слово «Хасавюрт» стало у нас нарицательным и означает унижительную уступку террористам со стороны целого государства. Я пытался объяснить для себя происшедшее тогда, и кроме соображений политического прагматизма (кое-кто очень хотел остаться у власти, стремясь показать всему миру и россиянам, что война закончилась) вижу в произошедшем одну вещь. Наши политики тогда не понимали, что с террористами нельзя договориться. Они никогда не останавливаются на «достигнутом». «Дай

террористу палец - он откусит тебе голову». В 1999 году, через три года после Хасавюрта, это стало понятно - пусть еще не всем, но хотя бы части нашей политической элиты. И не надо вслед за европейскими защитниками «свободы чеченского народа» рассуждать: отдавал ли главный ичкерийский «подписант» Хасавюрта приказ об этой агрессии, знал ли он о ней и т.п.

Принцип здесь такой. В каждом конкретном случае, когда есть, пусть малейшая, возможность спасти жизни наших людей, можно и нужно вести переговоры. При этом никаких *политических* - подчеркиваю это слово, - переговоров с террористами быть не может. С преступниками ни о чем договариваться нельзя, и уступки им исключены. Тут для меня вопросов нет.

Но когда захвачены заложники, первая задача - сохранить жизни людей, добиться их освобождения.

И тут бы я Буденновск и «Норд-Ост» не ставил на одну доску с Хасавюртом. Говорить, что при освобождении «Норд-Оста» вообще не думали о том, сколько заложников может погибнуть, - это преступление, не менее тяжкое, чем преступление самих террористов. Много раз подумали, просчитали и пришли к выводу, что риск есть, но он будет меньшим из всех возможных и вероятных зол - тогда это было трудное и мужественное решение. Я-то знаю, что оно было таким.

Попутно не могу не отметить, что некоторые российские силы, мнящие себя патриотическими, настолько озаботились опасностью, которая якобы угрожает России со стороны США и Запада в целом, что готовы вступить в союз с любым врагом американцев - хоть с Усамой бен Ладеном. Они чуть ли не прямо заявляют, что Россия должна блокироваться на мировой арене и даже на своей собственной территории с международным террористическим интернационалом,

который является исламистским, чтобы успешно противостоят Америке. Логика такая: отдадим Россию террористам-исламистам, чтобы она американцам не досталась.

«Патриотизм» такого рода заставляет размышлять об *отсутствии у нас в общероссийском масштабе «дуракоустойчивости»*. Сказываются и некоторая недоразвитость политической системы, и групповщина, и отягощенность всяческими табу, закрытость принятия важных решений, отражающихся на судьбах страны. Но за всем этим нельзя не видеть, что из года в год в политической системе происходит пороговое превышение значимости дурака. Ведь рассуждения о российском патриотизме, который должен быть обязательно антиамериканским и происламским, - не из области «национального предательства» или «продажности» (хотя саудовские и иные «нефтедоллары», наверное, повлияли на некоторых «патриотов»). Нет, это дает о себе знать «дурак» политический. И повышение «дуракоустойчивости» заключается в совершенствовании политической системы, в частности - в большей открытости, откровенности, прямоте политического анализа, в избавлении от табу, от дурно понимаемой политкорректности.

И, наконец, снова о «Хасавюрте», но не в прямом, а в переносном и более широком смысле. Все годы реформ самая многочисленная часть нашей элиты - политики, чиновники, собственники - мыслила максимум на два-три месяца вперед. И интересы свои - что шкурные, что государственные - ограничивала примерно таким же горизонтом, «укладывала» в него. Вот такие, узкие, сиюминутные, конъюнктурные интересы и вызывали к жизни «хаеавюрты», что во внутренних делах, что во внешних. Своя логика у подобных

«хасавюртов» есть, но это логика мелкого рыночного торговца, стремящегося выиграть лишний полтинник, максимум рубль.

Чтобы элита начала мыслить и действовать стратегически, смотреть не только на 5-10, а и на 30, и на 50, и на 100 лет вперед, она должна быть соответственно уверена в своем положении - в его легитимности, прочности, системности. Мало просто отождествлять себя со страной. (Уверяю Вас, авторы и исполнители всех «хасавюртов» полагали, что делают для страны благое дело.) Надо еще отождествлять себя со страной во времени, в стратегической проекции. На Руси с этим всегда были проблемы. Особенно по свежим следам очередных революций и смен режима.

Юрий Михайлович, угрозы безопасности исходят не только от так называемых радикалов и не только от гнилых представителей элиты. В книге «Возобновление Истории» Вы указываете на то, что и в техносфере произошло пороговое повышение значимости дурака, со всей остротой встала проблема «дуракоустойчивости» систем управления. Что Вы имеете в виду? Есть ли у Вас секреты, которые позволяют Москве избегать тяжелых техногенных катастроф? Как Вы организуете систему их предупреждения?

Боюсь сглазить. О системе предупреждения говорить не буду. Но меры предупреждения мы принимаем. Надеюсь, что со временем, не очень отдаленным, такие меры сложатся в систему.

«Дурака» здесь не надо понимать буквально. Беда России не в обилии дураков, а в дефиците умных. *Дурак ведь опасен не глупостью, а начатками ума.* Хотя и самые примитивные дураки способны доставить такие неприятности, до каких не всякий изодранный ум дозреет. В функции и в роли «дурака» оказывается часто лицо образованное, совсем не глупое и по должности весьма ответственное. И причиной того, что выглядит как чья-то глупость, на деле куда чаще оказывается осознанное стремление избежать ответственности.

Вспомните гибель американской «Колумбии» и все. что мы сейчас об этой гибели знаем из амери-

канских же источников. В момент старта происходит удар по крылу отвалившегося куска термоизолирующей пены. Удар, способный иметь, - как подтвердилось, к сожалению, - самые трагические последствия. Все это видят, телекамеры это фиксируют, специалисты сразу обращают на это внимание. Больше того, командиру обреченного фактически шаттла уходит на борт предупреждение, смысл которого: «Журналисты вас могут спрашивать, не опасен ли случившийся удар. Так вы им говорите, что это чепуха, не страшно».

Погиб корабль, погибли семь прекрасных людей. Неделю «Колумбия» была на орбите. Можно было за это время снять экипаж с корабля или хотя бы оставить его на МКС - в тесноте, да не в обиде, - а потом по 2-3 человека спустить на Землю? Не знаю, не специалист. Но для меня как управленца предельно ясна логика ситуации: система «запуск, сопровождение и посадка шаттла» не защищена от дурака, если никто за неделю не поднял тревоги и все кончилось катастрофой.

Город-тоже сложнейшая техническая система. И хоть она и стоит на земле, но жертв при техногенных катастрофах могут быть тысячи. В индийском Бхопале при аварии на химзаводе пострадали в свое время почти 200 тысяч человек. Вот о чем надо постоянно помнить.

Грубо, очень приблизительно, существуют пять основных причин техногенных катастроф. Терроризм я здесь оставляю за скобками.

Первая - изначально плохие, порочные, ущербные конструкции, разработка, проект. То есть будущие неприятности, включая возможность катастрофы, заложены еще на стадии проектирования. Ответ - конкурсы на все основные городские проекты, тщательный контроль их качества, жесткое неприятие любых по-

слаблений. А что уже сделано, построено и не может быть исправлено либо исправление требует больших средств и сил - сносить не жалея. Дешевле выйдет и безопасней. Это проверено.

Вторая - качество исполнения. То есть проект, конструкция сами по себе неплохие, возможно, даже отличные. А вот исполнение... Без преувеличения, одна из самых больных для города проблем. Особенно в строительстве. Ответ тоже известен - инспекции, контроль рублем и рынком, конкурсное распределение заказов, расширение прав потребителя как главной контролирующей «инстанции». И конечно, обратные связи с москвичами. Только они - как потребители производимых в городе товаров и услуг - главные «судьи» качества того, что им предлагается, и качества работы тех, кто призван контролировать это качество от имени города и государства. Не скажу, что все идеально. Но на этом направлении Москва свой уровень требовательности постоянно повышает.

Третья - качество эксплуатации. Здесь все самоочевидно. Проводят необходимые профилактические работы, текущие и капитальные ремонты качественно и в срок, обращаются со зданием, технической системой, машиной бережно и умело - любая система прослужит дольше и с меньшей вероятностью аварий. Чем чаще и серьезнее нарушения, тем меньше срок службы и выше возможность катастрофы, особенно по мере приближения технических пределов сроков службы. Как у нас обстоят дела с эксплуатацией, каждый читатель наверняка знает по собственным опыту и впечатлениям. Требуем, добиваемся, контролируем, спрашиваем, наказываем. Но это вопрос не одной только служебной дисциплины, это проблема общей культуры человека, города, общества в целом.

Четвертая - системное обновление объекта и всех обеспечивающих его инфраструктур. С этим у нас трагедия. С одной стороны, мало еще навыка у людей мыслить во всех делах именно системно, то есть видеть все взаимосвязи, понимать их в действии. С другой, объект и инфраструктуры чаще всего разделены между разными ведомствами, юридическими лицами, и наладить их нужное взаимодействие - задача непростая. Сущность проблемы в том, что если вы в этом году построили дорогу, или трубопровод, или ветку метро, или многоквартирный дом - в общем, нечто достаточно сложное, протяженное, рассчитанное на длительную и интенсивную эксплуатацию, - то в принципе заранее известно, когда и сколько средств будет нужно на их текущий и капитальный ремонт, на снос и полную замену. Просчитать это все несложно.

Трудно найти средства и добиться их целевого использования. А поскольку в разные годы выделение средств, их освоение, реальная эксплуатация, происшествия и аварии складываются неравномерно, то систему в целом начинает «потряхивать», а иногда и трясти. Тогда проблемы концентрируются, умножаются. В итоге возникают иногда аховые ситуации, когда надо любой ценой, но делать. Делаем - за счет отвлечения средств от чего-то другого.

Системное обновление - это способ избежать латания городского хозяйства по принципу «тришкина кафтана». В целом по Москве нам это удастся, в частности - не всегда. Под новые сооружения и объекты мы такой расчет закладываем; возможно, лет через 20-30 нас за это поблагодарят. Сложно то, что техническое наследие Москве досталось весьма изношенное, причем по многим структурам нет даже необходимой документации. Но зато есть традиционная проблема

острейшего -и в последние годы резко усиливающегося под влиянием практики федеральных властей - дефицита средств. Пока выкручиваемся.

Пятая причина - своевременность и глубина вывода из эксплуатации. Если мы сносим дом, сооружаем на его месте новый, суперсовременный, а обслуживающие его водопровод, канализацию, электрокабели, иные сети оставляем прежние, то тем самым создаем предпосылки для возможных в будущем неприятностей. Когда строится новый квартал, подобных проблем не возникает. Но когда новые строения возводятся в центре города и сажаются на сети 30-50-летней давности, возникает опасная техническая диспропорция. Конечно, под каждое новое здание сетевые магистрали менять экономически и технически невозможно. Но и резких, объемных диспропорций мы в городе старемся не допускать.

Итак, «дуракоустойчивость» - это способность и управляющей, и управляемых систем самостоятельно, желательно в автоматическом режиме, защищать себя от непрофессиональных или злонамеренных решений. То есть в идеале если принимается решение или предпринимается действие, несовместимое с нормальным функционированием сложной технической системы либо ведущее к ее нарушению, полному или частичному разрушению, угрозе для здоровья и жизни людей, система должна ответить на такие команды *отказом* их выполнять.

Теоретически просто. На практике очень сложно. Не только потому, что трудно разработать соответствующую систему законодательства, технических и других инструкций, подготовки и обучения людей. Но в большой степени и потому, что автономность системы, ее способность к самозащите объективно ограничива-

ет произвол того, кто ею управляет. А это не каждому по нраву.

Практический пример. Есть под Москвой водоохранные зоны - места, где осуществляется забор воды для нужд города. Естественно, охранять нужно не только сам водозабор, но и часть реки, водохранилища выше его по течению или на определенном расстоянии от водозабора, иначе в питьевую воду может попасть всякая гадость. В водоохранной зоне запрещено все: строительство, промышленность, рыболовство, даже катание на лодках. Кому-то неудобно, неприятно - но ничего не попишешь. От одного водозабора зависят здоровье и жизнь сотен тысяч, иногда миллионов москвичей.

Раньше все эти нормы и правила соблюдались неукоснительно. И серьезных проблем Москва не знала. В последние годы система водоохранных зон практически обрушена. Под разными предлогами власти на местах повсеместно стали разрешать в этих зонах строительство. Естественно, дачи, дома и гостиницы строятся на самом берегу, так их владельцам выгодно и приятно. В воде оказываются мусор, бытовые и промышленные отходы, нефтепродукты. Справиться с количеством этого мусора водоочистным станциям становится с каждым годом все сложнее. Под прямой угрозой здоровье десяти миллионов москвичей и нескольких миллионов жителей Подмосковья. Все все понимают. Но преступления - другого слова у меня нет - продолжают.

Причина одна - коррупция, хотя доказать ее в каждом конкретном случае трудно, иногда невозможно. Как должна была бы действовать система «защиты от дурака» в данном случае? Федеральная служба водоохраны, обнаружив факт строительства в запретной

зоне, сносит все возведенное - в какой бы степени готовности оно ни было, кому бы ни принадлежало, - взysкивает стоимость работ по сносу и убытки с застройщика и отдает под суд самого застройщика и всех тех, кто вопреки закону подписал ему разрешение на строительство. При этом применение к ним условного наказания должно быть исключено по закону.

Существуй у нас подобный порядок, никто и взятков бы давать даже не пытался, смысла бы не было. Но сами понимаете, насколько трудно этого добиться. Ведь строят не только богатые, но и весьма влиятельные люди, зачастую даже мнящие себя государственными деятелями. А проблема вырастает для Москвы в одну из наиболее серьезных, с потенциально трагическими последствиями. Переходить на бутилированную воду пока не каждому по карману; но ведь и эту воду тоже надо откуда-то брать.

Или другой пример: «мигалки». По установившейся традиции несколько сотен чиновников высокого ранга имеют право разъезжать с таким устройством на крыше. Все прекрасно знают, что «мигалками» пользуются и многие другие «авторитетные» граждане. Почему я вспомнил сейчас об этом? Потому что и здесь мы имеем проблемы с «политической дуракоус-тойчивостью». Ведь смысл «мигалки» - не пять минут выиграть, но показать всем, какой я крутой и важный. Ну, показал. И у тысяч, десятков тысяч человек закрепляется, скажем так, недоброе чувство к государству. Что выиграно? Кем? Была бы это только проблема движения в Москве...

Так что, суммируя, я бы сказал: главную угрозу для Москвы представляют пока все-таки не радикалы и не террористы-смертники, а всевозможные подлецы, обладающие поразительной жизнестойкостью и способ-

ностью быстро размножаться в условиях бюрократизма и коррупции. Смотреть на все это надо именно как на проблему, а не просто совокупность безответственных или злонамеренных индивидов. Притом проблему в первую голову именно безопасности - и города, да и всей России.

VIII

**НОВАЯ
ГЛОБАЛЬНАЯ
ИЕРАРХИЯ**

Трагические события в Москве, Нью-Йорке и целом ряде других городов и регионов планеты травмировали общественное сознание, привыкшее к защищенности, к понятности мироустройства. Помните, какие дикие версии причин взрывов домов ходили по Москве в 1999 году? А до чего додумывались после трагедии в США? Да, да, во всем виноваты ФСБ и ЦРУ. Так хочется понятных причин!

Юрий Михайлович, Вы один из тех, кто с самого начала призывал не торопиться с «назначением» виновных. Вы интуитивно не доверяете простым ответам? Ведь, судя по всему, именно события 2001 года стимулировали Ваш интерес к глобальной проблематике. Когда Вы говорите и пишете о сложности современного мироустройства, что конкретно Вы имеете в виду?

Да именно это и имею - его невероятную сложность. Мы редко задумываемся о сложности мира, который нас окружает. Но давайте возьмем что-то очень привычное, обыденное, что есть у каждого... Ну, скажем, телевизор. Или холодильник. Многие ли из нас полезут сами чинить эти приборы? Нет, мы понимаем, что лучше обратиться к мастеру. А сколько людей изобретали все, из чего эти вещи сделаны, сколько людей заняты в их производстве!

Теперь скажите, неужели самый современный прибор может сравниться с человеческим обществом? Вы

делаете машину - она может получиться лучше или хуже, но если она работоспособна, то будет выполнять то, для чего создана. Ей не придет в голову пойти выпить, послать всех ко всем чертям или, наоборот, чем-нибудь осчастливить. А человеку все это и многое другое приходит в голову постоянно, непрерывно.

На Земле 6 миллиардов людей. Это сама по себе умопомрачительная цифра. Но они еще и организованы, объединены в сотни тысяч и миллионы общностей. Разделены по государствам и этносам, по религиям и кланам, профессиям и местам проживания, доходам и интересам, образованию и многим другим признакам. Объединены местами работы, семейными и дружескими связями, личными отношениями, бывает - взаимной неприязнью. Некоторые объединены верой, политическими и идеологическими воззрениями, общими убеждениями, устремлениями. При этом каждый человек - каждый в прямом смысле слова - способен выбрать, видит и старается использовать альтернативы и возможности, с кем-то ведет игру, против других интригует, с третьими сотрудничает...

Это сколько же миллиардов связей, интересов, воли! Причем общий их объем непрерывно возрастает, становится все сложнее. Каждый человек, как говорят социологи, одновременно проигрывает в жизни массу ролей, и не все из них прямодушно и искренне. Любой управленец сталкивается со всей этой мозаикой.

Кроме межличностных, межличностных отношений есть сотни тысяч, миллионы различных организаций - общественных и государственных, коммерческих и политических, всевозможных иных. У каждой из них свои интересы, взгляды, подходы, линия поведения. Есть теневые экономика, юстиция, политика.

Есть криминал, наконец, в том числе организованный. Есть государства с их внешней и внутренней политикой - притом государства очень разные по всем самым существенным параметрам. Есть союзы государств и экономические группировки в разной степени интегрированности. Есть многие тысячи межправительственных и неправительственных международных организаций - от ООН до любителей птичьего пения. Есть процессы глобальные, стягивающие современный мир воедино и одновременно взрывающие его новыми противоречиями.

И после этого Вы меня спрашиваете, в чем сложность мира?! А в чем Вы видите его простоту?

Конечно, простые ответы подкупают. Не так простотой, как отсутствием необходимости напрягать извилины. Простой ответ, кстати, не обязательно неверный. Наоборот, правильный ответ всегда прост, его всегда можно объяснить на пальцах любому неспециалисту. Но это простота, идущая от понимания всей глубины и сложности взаимосвязей, от умения видеть их в динамике. И есть другая простота - штампа, стереотипа, безмыслия, схватывания только поверхностной, внешней стороны явлений или событий без попыток проникнуть в их суть.

Атаку на небоскребы Нью-Йорка разработало ЦРУ - один из таких поверхностных ответов. Но ведь и другой - что это сделала «Аль-Кайеда», - выглядит пока немногим лучше. Потому что известно, что ЦРУ - это инструмент государства. А чей инструмент «Аль-Кайеда»? И не есть ли это некое условное имя? Чье? Надо ведь разбираться, чего на самом деле хотят эти структуры, кто и что ими движет, что определяет их жизнеспособность. Если кому-то ближе миф, что ЦРУ управляет Соединенными Штатами, то ведь и такое явление

было бы по-своему крайне сложным, интересным; и применительно к нему надо было задаваться теми же вопросами.

Проблема в том, что для большой категории людей простые, правильнее сказать - примитивные, ответы есть способ уйти от всяких ответов и поисков. Вот чему я не доверяю абсолютно: простым ответам как таковым и тем людям, которые готовы их предложить мгновенно, еще событие не успело завершиться. И при этом начисто отбрасывать саму возможность наличия других ответов. Тут одно из двух: или заранее просчитанная корысть, или догматизм мышления и категорическое нежелание беспокоить себя.

А что глобальной проблематикой я занялся после сентября 2001 года. Вы правы. Интересовался ею. конечно, и раньше. Но в те дни стало очевидно, что мир не то что входит - а уже вошел в принципиально новую стадию развития. События 11 сентября заставили задуматься о наличии каких-то сил, которые явно воюют против складывающегося Нового мира, то есть против новой системы глобальных и исключительно разнообразных по содержанию отношений, норм, ценностей. Правила строительства этого Нового мира разнообразны настолько, что иногда противоречат друг другу, отрицают друг друга. Но, как говорили наши философы, в этом и заключается диалектика мира. Когда система усложняется до серьезного уровня, она буквально требует сосуществования, взаимодействия внутри себя различающихся и конкурирующих элементов. И всем им, без исключения, сегодня противостоят силы упрощения, монотонного однообразия, примитивной унификации - недаром же некоторые исследователи нарекли движение «Талибан» новым тоталитаризмом.

Теракты 11 сентября были для меня логическим продолжением терактов в Москве - и в 1999 году, и в 2000 году. И речь не о формальной их связи - дескать, и там, и там действовали международные террористы. Я бы обратил Ваше внимание на ту связь, которая существует между террористической атакой на «близнецов» и еще одной атакой в том же 2001 году, но на других «близнецов». Помните уничтожение талибами двух статуй Будды в Афганистане, и тоже с «большим вкусом» - с использованием артиллерии, взрывчатки. Ведь те же самые субъекты действовали. У них одна цель - упростить мир, разрушив символы его разнообразия, *уничтожить то, что отличается.*

Мы вновь возвращаемся к нашей старой теме: цивилизация и варварство - это столкновение разнообразия, сложности, с одной стороны, и простоты, примитивности - с другой. Новый мировой порядок, который возникает на наших глазах, возникает как динамичная, бурно меняющаяся и прогрессирующая система. Это система сложных и разнообразных отношений.

Глобализация сегодня пугает многих, потому что им кажется, что возникает «мировое правительство», строится система тотального контроля. Не надо бояться фантомов. Новый мировой порядок строится не как система информационного контроля, а как система свободной и непрерывной циркуляции информации и свободного, децентрализованного сочетания автономных информационных подсистем разной степени сложности, различной мощности и уникального содержания. Интернет - прообраз и своего рода «матрица» такого мирового порядка. Глобализация - это усложнение мира, а не его упрощение или унификация.

Мы стремимся направить эволюцию этой системы, внести что-то свое в восхождение человечества. А дру-

гие силы противопоставляют ему деструкцию, уничтожение. И если уж говорить о некоторых интеллектуалах, я бы еще вспомнил прославление талибов, которые-де установили стабильность в Афганистане. Стабильность - на кладбище. *Международный терроризм сегодня тащит мир назад в средневековье.* Эти радетели судеб мира стремятся свести все его разнообразие к таким условиям, при которых можно будет господствовать с помощью простых, как бревно, средневековых норм.

Когда в прямом эфире я видел, как «боинг» врезается во второго «близнеца» торгового центра, было полное ощущение нереальности происходящего. Ощущение того, что этот огненный смерч пришел из какой-то другой реальности, из другого мира.

До сих пор история складывалась так, что были богатые и бедные, привилегированные и бесправные, наделенные властью и полностью лишенные ее - то есть какая-то социальная пирамида. В разные эпохи, в разных частях земного шара пирамида эта принимала различные очертания. Между «верхами» и «низами» создавалась достаточно плотная прослойка срединных, промежуточных групп и сословий. Где-то эта прослойка истончалась до предела, и пирамида трансформировалась в столб или даже в высохший, готовый вот-вот переломиться стебель.

Но при всем этом многообразии в социальных пирамидах прошлого было и нечто общее: они не выходили за пределы одного государства. Пусть очень большого, пусть империи - но одного из многих, существовавших в то время на Земле.

С последней трети XX века начался процесс небывалых еще характера и масштабов. Обычно говорят об информационных технологиях, о выросшей на них гло-

бальной финансовой системе, экономике, об утрате государством его исторических функций. Но все это, насколько я понимаю, внешняя сторона - или стороны - явления глобализации. Куда важнее сущность.

А сущность глобализации заключается в том, что впервые в истории социальная пирамида складывается в масштабах всего мира и становится определяющей для всего мира.

При этом складывается она очень интересно. Люди все больше ощущают себя живущими в едином мире и ориентируются не на то, как они сами жили еще вчера, но на то, как живут люди той же профессии, той же социальной группы в наиболее благополучных и процветающих странах. Если шофер, инженер, полицейский, учитель в Америке или ФРГ получает столько-то, то почему в России или где-нибудь в Чаде - в десятки раз меньше?

Объяснить это «почему» нетрудно, но люди уже не воспринимают такие объяснения, при всей их правоте. Это явление получило название «революции ожиданий» - то есть ожидания людей во всем мире резко и быстро выросли, на порядки. Понятно, что ответить на новые ожидания даже технически трудно, не говоря об экономических и социальных препятствиях для их удовлетворения. И эта социально-политическая и экономическая проблема уже в принципе не поддается решению в масштабах любой отдельной страны. Чем дальше, тем сильнее она будет требовать единой глобальной стратегии.

Подчеркну: на мой взгляд, люди со своих позиций правы. Все мы живем в едином глобальном мире. Почему тогда в одних частях этого мира живут в разы и на порядки лучше, чем в других? Аналогичные вопросы звучат и в России: почему в дотационном регионе

человек должен жить хуже, а иногда гораздо хуже, чем в Москве?

На самом-то деле *это не вопрос. Это социальное требование.* растущее и все более мощное, пока выражаемое как вопрос. Никто в мире наличия этой проблемы не отрицает. Возьмите доклады ООН, Международного валютного фонда, Всемирного банка, международных организаций - в них эта проблема за последние тридцать лет продиагностирована глубоко и ясно. Но внятной стратегии ее решения нет. Помощь самым бедным странам, даже если она увеличится в 5-10 раз - невероятное по нынешним временам предположение, - сама по себе эту проблему решить не может.

Нужно целенаправленное развитие отставших государств и мира в целом. Но, во-первых, развитие занимает десятилетия и скорого решения не предлагает. Во-вторых, лично у меня складывается впечатление, что примерно с рубежа 2000 года акцент на развитие уходит из стратегических документов МВФ, Всемирного банка, даже ООН. Его место занимают ценности идеологического плана: продвижение политической демократии, либеральной экономики, частного сектора, сокращение роли государства. Такое впечатление, что задача развития снимается.

В условиях глобализации такая «смена вех» крайне неядальновидна. Разрыв между богатыми и бедными существовал всегда и постепенно возрастал. Но в глобальном мире он воспринимается принципиально иначе, чем в мире, разделенном на довольно слабо связанные друг с другом государства. Это - проблема. Ее значение, ее взрывчатый потенциал мы вряд ли представляем себе полностью.

Глобальная социальная пирамида выстраивается и на уровне государств. Политически и юридически рав-

ноправные, суверенные, государства второй половины XX - начала XXI века уже выстроились в иерархию прежде всего по экономическим параметрам. Отсюда и популярность ярлыка «золотой миллиард», то есть миллиард избранных на вершине глобальной пирамиды. А под ними - и «третий», и «четвертый», и «пятый», и, говорят, даже «шестой» - совсем безнадежный - миры.

Закономерно, что «золотой миллиард» прикрыт самым мощным военным щитом, включая ядерные его компоненты. У этого щита и у «золотого миллиарда» - очень специфическое устройство. Щит состоит из двух компонентов - Североатлантического союза, НАТО, пожалуй, первого в истории военно-политического союза, не имеющего сейчас реального потенциального противника. И США как не только самой мощной в мире военной державы, но такой, что если ее военный и научно-технический потенциал «выдернуть» из НАТО, то от союза практически ничего, кроме декларации, не останется.

Это означает, что «золотой миллиард» уже давно сам - пирамида, притом очень жесткая, особенно в силовой части. И такая жесткость означает, что эта пирамида более всего пригодна не для социального реформаторства, но для подстраивания под себя всего мира, политической его организации на авторитарных принципах.

Процесс такой политической организации начался еще в 1980-е. С распадом СССР он резко ускорился и поменял характер. Все-таки в противостоянии бывшего СССР с США, при всех его рисках, было и нечто... да. позитивное. Тогда глобальный мир только начинал складываться, и это противостояние напоминало нечто двухпартийную систему, под зонтиком которой

мало-помалу шла демократизация международных отношений. Ее сменил, так сказать, США-центричный порядок - жесткий, не гибкий ко всему, что не укладывается в задаваемые рамки.

И здесь возникает проблема, имеющая значение для всего мира. В свое время нечто подобное - в масштабах одной отдельно взятой страны - пыталась делать КПСС. Она задавила общество, экономику и процессы естественного социально-экономического развития, создала из страны бомбу замедленного действия, которая могла непредсказуемо рвануть. Это не только предположения: в Румынии и Югославии рвануло. А те «заряды» были не чета Союзу.

Советскую бомбу удалось разрядить в общем-то мирно, с минимальными потерями. И это наша колоссальная удача. *Не создает ли глобализация аналогичную, только гораздо более мощную социальную бомбу замедленного действия?* Кто и как будет ее разряжать? Удастся ли? Каковы будут роль и место России в этом процессе?

Не утверждаю категорически, что тенденция именно такова. Но вероятность есть. Значит, целесообразно подумать об этом уже сейчас. Куда лучше будет, если со временем мы сможем сказать: слава Богу, наши сомнения и опасения не оправдались.

Но, может быть, все-таки концепция «золотого миллиарда» не так плоха? Может быть, нам, россиянам, целесообразно ориентироваться на вхождение в эту категорию населения планеты? В конце концов нас ведь не так уж много - миллионов сто сорок пять...

Ориентироваться, безусловно, надо. Только вот насчет концепции... Нет никакой концепции. Есть симпатичный термин с двойным дном. Ведь «золотой миллиард» взошел где-то на полях ооновской статистики. Кто-то подвел черту под тридцатью самыми развитыми странами мира и получил в итоге один миллиард. То есть на нашей планете примерно столько людей имеет достойную в материальном отношении жизнь.

Достигнет Россия соответствующих социально-экономических показателей, передвинется с 71 -го места в мире хотя бы на 30-е по среднедушевому ВВП - и мы попадем в «золото». Проблема как раз в том, чтобы все это сделать.

Есть, правда, и иные подходы к толкованию этого термина. Некоторые полагают, что в «золотой миллиард» входят верхние слои всей планеты, миллиард

богачей, так сказать. Но... можно сколько угодно причислять себя к мировой элите, отгородившись высокими заборами от нищих и бедняков. Только в том, «золотом», мире никто тебя за своего все равно не примет. Если ты не смог свою страну привести в нормальное состояние, то, извини, ты... того... неполноценный.

Хитрость или, если хотите, искренность понятия «золотой миллиард» в том, что к нему относят не по размерам личного состояния, а по показателям на душу населения. Так что, строго говоря, от США или стран Западной Европы в «золотом миллиарде» представлены не только Рокфеллеры и Дюпоны, но и бродяги Нью-Йорка, Лондона, клошары Парижа. А нам с Вами туда путь заказан - пока средний российский уровень не подтянется к той самой тридцатке.

Но, ставя для себя цель хотя бы приблизиться к «золотому миллиарду», нам стоило бы озаботиться и еще одной смежной проблемой. Круг государств, которые могут быть уподоблены в мире тому «среднему классу», на каком держатся все демократии, в общем-то невелик. Не мешало бы самим не стесняться этого скромного положения и сделать достижение его целью национальной стратегии на ближайшие лет 10-15. Для вчерашней сверхдержавы вроде бы скромно. Но для России, российского народа - очень прагматично. Да и во внешней политике надо активнее поддерживать те меры мирового сообщества, которые будут реально направлены на создание такого «среднего класса государств». Не приносить интересы и благополучие России на алтарь этой цели, но практично и спокойно продвигаться к ней среди других целей нашей внешней политики.

Перед тем как Вы развернете наше обсуждение в новом направлении, я хочу еще кое-что добавить по вопросу о «золотом миллиарде». Есть немало людей, использующих это понятие совершенно спекулятивно. Наши коммунисты, рассуждая о «золотом миллиарде», переносят на глобальные процессы свои обветшалые концепции классовой борьбы. Они хотят убедить всех, что разделение мира на развитый и отсталый - следствие несправедливого разделения мирового богатства. И, как говорил бессмертный Шариков, надо взять все и поделить. К счастью, подобные суждения отечественных левых достаточно безобидны.

Гораздо опаснее, когда *этим понятием спекулируют правящие круги тех стран, которые в «золотой миллиард» не попадают.* Давайте повнимательнее посмотрим на эти «незолотые» миллиарды.

Средний москвич или россиянин, когда ему рассказывают о «незолотых миллиардах», оглядывается и видит-Туркменистан, Казахстан, Узбекистан, Афганистан, Таджикистан, Пакистан, Алжир, Сирию, Турцию и так далее. Взять тот же Алжир, который хорошо знают у нас в Москве и в России - через него прошли тысячи специалистов. Национальные элиты смогли за пару-тройку десятилетий просто угробить страну. А уж об остальной Африке говорить нечего...

Но национальные элиты о себе не забывают. При ближайшем рассмотрении окажется, что там с золотом - и в буквальном, и в переносном смысле - дела обстоят не так плохо. Это про них можно сказать словами русской дразнилки: «А я бедный сирота - не пролезу в ворота». Коррупция в зоне «незолотых миллиардов» достигла неопишуемых масштабов. Очень показательный пример - так называемый Туркменбаши.

На нищем «Востоке» или «Юге» возникают «шариковские» режимы, которые видят свою цель только в том, чтобы отнять, захватить, поделить-естественно, в свою пользу. Вспомним Афганистан под властью талибов. Это движение имело восемь лет для реализации своего «исламского проекта». Что они сделали? За это время не было построено ни одного завода или фабрики, приходили в упадок коммуникации, системы медицинского обслуживания, образования. Народ Афганистана взяли в заложники и, моря его голодом и болезнями, вымогали гуманитарную помощь у Запада - у того же «золотого миллиарда». При этом территорию страны талибы превратили в плацдарм подготовки грабительских орд для захвата Таджикистана, Узбекистана. Они угрожали и России, блокируясь с теми бандитами, которые орудут на российском Юге. Итог восьми лет - полная неспособность создать мало-мальски цивилизованные условия жизни для населения страны. И не только неспособность, но полное отсутствие такого желания.

Эта «шариковщина» распространена больше, чем об этом принято говорить. Западная Европа стонет под усиливающимся прессом иммигрантов; многие из которых рассматривают Запад только как кормушку. Национальные элиты мобилизуют ограбленных ими люмпенов и пауперов на штурм «золотого миллиарда». Дескать, это тот кормилец, который обязан компенсировать «прегрешения» и «обиды» минувших столетий. Как будто сами «ограбленные» никогда не вели захватнических войн, геноцида...

При нынешних национальных элитах и способах их существования «глобальный передел» не даст никаких позитивных результатов. Хотя и на «Востоке», и на «Юге» есть государства, которые вырываются вперед,

используя данные Богом природные богатства и собственный интеллектуальный потенциал. И оказывается, что дело в конечном счете - в умелом менеджменте на национальном уровне.

Для России всякие рассуждения о «золотом миллиарде» означают только то, что нам надо забыть о перспективах нормальной цивилизованной жизни.

Довольно часто можно услышать - и от политиков, и от экономистов, - что, дескать, сырьевая ориентация российской экономики - это не так плохо, это нормально. Дескать, она всегда имела сырьевую ориентацию, во всяком случае, в структуре экспорта. Что это-оправдание собственного эгоизма или же жесткая для нашего самосознания реальность?

И то, и другое плюс безответственность.

Сырье, особенно энергоресурсы, - чуть ли не единственная работающая, реально весомая статья нашего экспорта. Кроме экспорта вооружения, ничего даже отдаленно сравнимого с ней рядом нет. Отказываться от такой возможности - преступление. Но надо усвоить урок СССР и других стран. СССР заработал на нефти сотни миллиардов долларов и частью пустил их на ветер, частью вложил в ядерный паритет с США. А некоторые другие страны на заработанные таким путем деньги пытаются создавать новые отрасли экономики, выходят на мировые рынки.

Есть Канада, географически и климатически очень близкая к России. Ее экономика построена не только на близости к США, но и на использовании богатых и разнообразных природных ресурсов. Но можно ли считать, что канадская экономика имеет сырьевую ориентацию? Кстати, Канада и хлеба много производит - у нее что, аграрная экономика? Вот вам пример того, как можно оптимально сочетать аграрные, сырьевые

и самые современные секторы экономики и при этом входить в число самых развитых стран мира, в тот самый «золотой миллиард». Но можно назвать десятки государств в «третьем мире», где сырьевая ориентация экономики, сосредоточенная в руках немногих, служит экономической базой диктатуры.

А вот совсем другой пример - Саудовская Аравия. Страна купается в нефти и нефтедолларах, вывозит капитал в гигантских размерах и разнообразных формах, вкладывает значительные средства в закупку западных технологий и финансирование новых разработок. Но представим на минуту, что нефть неожиданно кончилась, так же неожиданно, как и началась. Вы, конечно, понимаете, что я имею в виду не нефть как таковую, а потребность в ней. Ведь в свое время бедные аравийские шейхи, так сказать, проснулись сказочно богатыми - содержимое их песков оказалось нужным Западу. Но представьте себе, что спрос на углеводороды упадет. А теперь вопрос: через какой промежуток времени Саудовская Аравия возвратится к состоянию, скажем, 50-х годов минувшего века? Один оптимист ответил - через месяц. Но я думаю - года через два... Если, конечно, удастся сохранить стабильность в стране...

Эту притчу, как Вы понимаете, я рассказал не зря...

В кратко-, средне- и даже долгосрочной перспективе у России есть три источника средств на нужды развития: экспорт сырья и энергоресурсов - раз, иностранные инвестиции - два, развитие емкости собственного внутреннего рынка - три. Надо ли долго доказывать, какие из них предпочтительнее и почему?

Особенно скажу о емкости внутреннего рынка. Не могут развиваться промышленность и услуги, вся экономика в целом, если нет для них емкого платежеспособного рынка! Кто покупать будет?

Классический капитализм уперся в свое время в проблему тяжелых циклических кризисов перепроизводства. Такой кризис показывает пределы не производства - оно-то способно выдавать гораздо больше, - но платежеспособности рынка. На эту проблему были даны два ответа. Марксом - надо уничтожить капитализм. И Кейнсом - наращивать платежеспособный рынок. По этому пути пошли все те страны, которые называют сейчас высокоразвитыми и относят к «золотому миллиарду». Возьмем, к примеру, Москву. Смогла бы столица развивать свою экономику по 14-18 процентов в последние годы, если бы не было платежеспособного спроса? Другие комментарии нужны?

Рынок с низкой платежеспособностью - это не только низкие темпы и низкое качество. Это еще и предпосылка, питательная среда для политической системы феодального толка. Демократическое и правовое государство, гражданское общество могут возникнуть и существовать лишь на основе благополучного населения, емких рынков.

Сырьевой экспорт должен «оплатить» создание в России современной экономики. Я сейчас не спрашиваю, делает ли он это сам и как делает. Но соответствующая государственная программа есть? Стратегия ее реализации есть? Во всяком случае, мне она не известна. Что конкретно «сырьевики» должны оплачивать? Или мы вообще отказались от направляющей роли государства в развитии страны? Куда рыночная кривая вывезет, то и ладно?

Конечно, есть группы и даже социальные слои, которые от экспорта сырья, нефти и газа, имеют очень приятные доходы. В рыночной экономике это нормально, так и должно быть. Ненормально другое - то, что до сих пор мы живем, не задумываясь о том времени, когда доступные запасы ресурсов начнут иссякать. Под

доступностью я понимаю не только физическую возможность добыть что-то, но и экономическую целесообразность этим заниматься... Время это не за горами. Во всяком случае, внуки наши с этим столкнутся. Или внуки тех, от кого все это в России зависит, уже гарантированы от любых неожиданностей, а все остальные внуки пусть отдыхают?..

Но даже если природных ресурсов еще долго будет достаточно... В долгосрочной перспективе чем больше и дольше будем мы полагаться на экспорт сырья, тем сильнее в отношении России будут действовать «ножницы цен». В любом случае как общество и государство мы будем испытывать все большие ограничения на пути собственного развития. Обратите внимание: сугубо рыночные ограничения, проистекающие из механизмов рынка и мировой экономики, а не из чьей-то злой воли.

Если принять сценарий, что Россия навсегда не производящая, а добывающая страна, только с сырьевым или преимущественно сырьевым экспортом, то надо заранее смириться с тем, что к концу XXI века - а возможно, и раньше - она прочно закрепится в числе наименее развитых стран мира. Готовы мы примириться с таким исходом? Готовы ли мы обречь наших внуков на это?

Вот почему в рассуждениях о «сырьевой» перспективе России очень много безответственности.

Вывод один: экспорт сырья должен стать стартом России в мировую экономику. Дать средства, опыт, партнерские связи для развития России именно как современной страны - активной участницы глобальной экономики. Пока ничего подобного не происходит, причем исключительно по нашей вине.

Что означает задача вписаться в процессы глобализации, найти в них свое, достойное место? Какое место «достойно» России? Как мы можем это сделать? Чего нам не хватает для этого?

Очень непростой вопрос. Потому что у глобализации есть несколько составляющих, и в каждую из них можно вписываться по-разному.

Глобализация финансовая, в которой ведущие позиции принадлежат доллару США. Реально сравнимой с ним по силе другой мировой валюты нет и не предвидится. Евро, что-то еще - это все локально. Пока локально. Но главное для России то, что у рубля в обозримой перспективе нет никаких шансов занять сколь-нибудь заметное место в финансовой глобализации. Наверное, конвертироваться он будет. Возможно, укрепитесь в целом. Возможно, станет расчетной валютой в отношениях с отдельными странами и группами стран. Все это само по себе хорошо и для России полезно. Но если страна имеет 2,5 процента мирового населения и при этом дает 1,7 процента совокупного мирового продукта и менее 1 процента научно-техни-

ческих изобретений, инноваций и разработок, место и роль ее валюты объективно ограничены этим порядком цифр. Так что в финансовой глобализации у России может на обозримое будущее быть только очень скромное место. Обидно? Крайне. Но таковы реалии.

В *экономической глобализации* картина посложнее. Россия - один из заметных в мире экспортеров сырья и энергии. Здесь еще очень велик экологический потенциал: по запасам пресной воды, да и многих других ресурсов мы лидируем в мире. Спрос на все это будет расти. На первый взгляд - хорошо.

Но усиление спроса, особенно если оно примет критический характер, может во много раз увеличить политическую нагрузку на Россию. Попросту говоря, встанет задача удержания национальной территории, национального богатства. Притом не от прямых агрессий из-за рубежа - это не исключено, но было бы слишком просто, - а по отношению к требованиям экономико-правового или морального рода. Причем в условиях глобализации ссылки на собственную суверенность могут оказаться недостаточными или даже контрпродуктивными. Не хочу выступать в роли «Кассандры», но вполне возможна постановка вопроса: «Не способны сами освоить территорию, рационально распорядиться ее богатствами - дайте это сделать другим. В условиях глобализации такой призыв может восприниматься не как агрессия, но как требование разума, экономической рациональности. (Сравните реакцию на иракские события: одни восприняли их как агрессию, а другие - как правомерное устранение опасного режима. То есть мир уже раскололся в восприятии подобных вещей, глобализация уже формирует представления более сложные, чем те, что господствовали совсем недавно.)

На глобальные рынки промышленных изделий и услуг надо прорываться. Никто нас там не ждет, конкуренция исключительно велика, противодействовать будут очень жестко, нашему бизнесу придется упиться очень многому и платить за это тоже. Не хочу сказать, что не сможем, но к такой конкурентной борьбе надо быть готовыми во всех отношениях. Пока что проблема стоит иначе - как защитить наш внутренний, отечественный рынок от полного вытеснения с него отечественного производителя.

Проблема не только в качестве наших товаров и услуг - оно часто выше зарубежного. Гораздо чаще, чем мы привыкли думать. На мой взгляд, проблема в другом.

Это несравнимо более мощный потенциал большинства крупных зарубежных компаний, обладающих филиалами в десятках стран и способных широко маневрировать средствами. Да и позиция российского государства по отношению к отечественному бизнесу.. как бы это помягче выразиться... иногда трудно считать ее бесспорно патриотичной.

Между тем в глобальной экономике без опоры на государство даже сильнейшим отечественным компаниям приходится очень несладко. Если принимать за чистую монету рассуждения, что глобализация отменяет роль государства, низводит ее до выполнения лишь ряда технических функций - что ж, низведение нашего государства будет объективно означать, что на нашей территории его функции станет выполнять кто-то другой. Функции-то никуда не исчезают.

Вот мы и подошли к *глобализации политической*. Глобальный миропорядок, видимо, все же качественно иной по сравнению с традиционной системой межгосударственных отношений. Глобализация дает начало стягиванию мира в единое целое и оформлению это-

го целого - политическому и правовому. Это пока зародыш какой-то новой системы, но он уже есть.

Международный порядок XIX-XX веков - не будем забираться дальше в историю - основывался на согласии великих держав. И то, что сложилось после наполеоновских войн, и система, возникшая после Первой мировой войны, и ялтинско-потсдамская система - все они опирались на договоренности, волю ведущих держав своего времени. Причем державы эти и их союзы были примерно сопоставимы по потенциалам.

Сейчас положение иное. США далеко оторвались даже от Евросоюза, Японии. США - единственная страна, лидирующая сразу во всех основных сферах деятельности: в экономике, науке, военной области. То есть американское лидерство имеет достаточно прочные основания. Сейчас. Что будет через сто лет, не знаю и не хочу гадать. Но такое положение толкает глобальный миропорядок к авторитарной организации. Мы же говорили с Вами о том, что в мире уже сложилась иерархия стран, народов.

То есть, с одной стороны, есть среда, требующая своей регуляции и тяготеющая к иерархической структуре. С другой стороны, есть государство, объективные положение и потенциал которого позволяют ему - нравится нам это или нет - выступить в роли такого организующего начала, «руководящей и направляющей силы». Оно это и делает, даже вынуждено делать ради сохранения собственных позиций.

Но это совершенно иной миропорядок в сравнении с тем, к какому мы привыкли. И место, роль России могут определяться в нем по-разному. Юридически с США мы на равных, а вот по фактическим возможностям - в существенно разных весовых категориях. Отсюда не следует, что Россия должна угодливо изгибать-

ся и «шестерить». Надо вести себя с достоинством - но и с очень хорошим пониманием своих возможностей и своих задач. Например, в связи с большой темой Ирака на протяжении последних двух лет Россия действовала *оптимально*.

С политической глобализацией тесно связана *глобализация безопасности*. Когда-то государства защищали себя сами или вступая в союзы. Потом настало время поисков коллективной безопасности. Теперь эти поиски должны перерасти в нечто совершенно новое.

Если мы поставили своей целью выйти на мировые рынки, в сообщество демократических стран, наладить партнерство и сотрудничество с Западом, то безопасность западного мира есть и наша безопасность. Можно со многим не соглашаться, спорить, торговаться - но глобальная безопасность становится все более единой. Причем не только в военном, силовом ее измерении, но и в других.

Национальная безопасность должна встраиваться в глобальную и обеспечиваться в единстве с нею. В вопросах безопасности возможности России пока существенны. Но глобальная безопасность должна создаваться с учетом интересов всех ее участников, иначе она будет внутренне ущербной, непрочной. К сожалению, Америка пока действует так, будто цель глобальной безопасности - защищать прежде всего США или даже исключительно интересы США.

Соединенные Штаты преуспели в попытках «приватизировать» глобализацию. Хотя, конечно, полностью они это сделать не смогут, но дров наломают. К слову сказать, США уже явно начинают «выдыхаться» и вынуждены обращаться за содействием к мировому сообществу - не только для получения формального одобрения Совета Безопасности ООН, но и по суще-

ству - для решения реальных проблем борьбы против международного терроризма, международной преступности, распространения наркотиков, а также для решения социально-политических и экономических проблем в отдельных регионах мира.

Американцам не удастся выстроить человечество по ранжиру, воцарившись наверху пирамиды. Хотя бы потому, что сами процессы глобализации формируют мир «по горизонтали» - не как пирамиду, а как сеть.

Непременной, обязательной частью глобализации стало за последние годы движение *антиглобалистов*. К нему надо внимательно присматриваться и очень тщательно его анализировать. Движение вроде бы антисистемное, направленное против глобализации, ведущие силы которой на Западе. Но при этом располагает, судя по всему, немалыми средствами, позволяющими антиглобалистам тысячами перемещаться по всему миру.

Антиглобалисты тоже разные. Одни против любой глобализации вообще. Другие - против глобализации стихийной, за различные варианты «глобализации с человеческим лицом», которая должна служить человеку. Третьи просто против Запада и видят здесь возможность лишней раз заявить свою позицию. К антиглобалистам примыкает и часть социал-демократии. В общем, они тоже «глобальны». Мне представляется, что это глобальное движение подвергает сомнению не столько сам факт, сколько направление, содержание глобализации.

Скорее всего глобализация приведет не к формированию каких-либо мировых империй, правительств и тому подобного, но к более четкому политическому оформлению регионов. Прогноз вероятных исходов глобализации - задача крайне сложная. Скажу толь-

ко, что без такого прогноза определиться с целями, местом России вряд ли возможно.

Какое место было бы достойно России?.. Вообще, это не совсем нормально, когда кого-то слишком заботит, что он не то место занимает. Мне думается, что при всех сложностях и трудностях нашего социально-экономического и политического развития в последние 20 лет - или больше, чем 20? когда у нас не было трудностей? - она занимает достойное место самим фактом своего существования. И всего у нее хватает для того, чтобы сохранить это место.

Общий мой вывод: Россия так или иначе впишется в глобализацию - просто потому, что уйти от нее нет никакой практической возможности. Но самый важный вопрос в жизни - чего ты от нее хочешь?

IX

«РОССИЯ СОСРЕДОТАЧИВАЕТСЯ». ОРИЕНТИРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

Юрий Михайлович, в книге «Возобновление Истории» Вы констатируете, что в условиях глобализации граница между внешнеполитическими и внутренними проблемами постепенно стирается. Получается, что стирается граница между политикой внутренней и политикой внешней?

Можно было бы ответить односложным «да». Традиционное разделение на «внутреннее» и «внешнее» в условиях глобализации во многом исчезает. Но такого ответа, конечно, недостаточно, ибо здесь исключительно сложно и противоречиво сочетаются разнонаправленные процессы. К тому же проблема состоит не в стирании грани между внутренней и внешней политикой.

С одной стороны, в условиях глобализации политическая жизнь общества в основном остается в национально-государственных рамках, а жизнь экономическая протекает сверх и помимо государственных границ. И я имею в виду не только транснациональные корпорации, но вообще всю глобальную экономическую активность - движение сырья, рабочей силы, технологий, товаров, идей и финансов. Политическая же составляющая - это то, как организована жизнь лю-

дей, граждан конкретного государства внутри определенных границ. И когда говорят о «невмешательстве во внутренние дела государства», подразумевают как раз в первую очередь политическую сферу.

Но, с другой стороны, конкуренция между глобальными экономическими игроками создает напряжение, своего рода взрывную энергетику во внутренней экономической деятельности, а значит, и в политической жизни. И последствия здесь бывают от каких-нибудь «селедочных войн» до самых что ни на есть настоящих войн из-за нефти или других видов сырья. Для защиты экономических интересов создаются и распадаются межгосударственные коалиции. Здесь самый для нас большой вопрос - вступление в ВТО. От того, каким образом мы его решим, зависят перспективы нашего внутриэкономического развития.

Россия стоит перед историческим вызовом, в котором только с большим трудом можно отделить «внешнее» от «внутреннего». Мы должны быть в состоянии эффективно защищаться от существующих и возможных угроз извне, обеспечивать безопасность, в том числе безопасность экономическую, и территориальную целостность, гарантируя тем самым жизненные интересы каждого гражданина нашей страны.

Но нельзя впасть в искушение изоляционизма. Мы должны эффективно конкурировать с другими государствами, межгосударственными и надгосударственными объединениями на арене глобальной экономики. Россия - открытая страна.

А что такое в Вашем понимании конкурентоспособная Россия?

Если очень коротко, это Россия, способная эффективно участвовать в глобальных процессах. Принцип здесь тот же, что и в жизни человеческой: «Хочешь быть счастливым - будь им!»

Конкурентоспособная Россия - это страна, чьи товары пользуются успехом и спросом в мире. Страна, в которую хотят приехать, и как туристы, и на работу. В которую охотно и без опасений идут инвестиции. Страна, к чьим идеям прислушиваются, с чьим мнением и интересами считаются. Чьи фильмы охотно смотрят, книги - читают. Страна, реально влияющая на направление, темпы, ход мирового развития. Чью символику помещают на майках, стикерах, других товарах и охотно покупают. Страна, которую многие не любят - потому что она умна, успешна, процветает.

Нарочно перечисляю вперемешку столь, казалось бы, разные и даже несовместимые вещи. Но убежден, что конкурентоспособность страны в мире нельзя мерить только экономическими стандартами. Экономика важна, она опора многому. Но даже конкурентоспособность крупных корпораций не определяется одними только экономическими моментами. Тем более верно это в отношении государства.

Страна может экономически преуспевать, добиться значительных успехов во внешней торговле, занять заметное место в мировом хозяйстве - и при этом никак не влиять на мировое развитие или оказывать на

него лишь минимальное воздействие. Думаю, что можно легко назвать минимум три-пять государств, продвинувшихся в экономике за последние 25-30 лет, но в остальном занимающих весьма скромное положение. Они конкурентоспособны экономически, и это большое достижение. В остальном - время покажет.

Убежден: конкурентоспособность государства начинается с идеологии. Но только на ней не останавливается. Идеология мобилизует и вдохновляет «свое» общество, дает ему ориентиры для осмысленного движения вперед. Она предлагает новые идеи миру и уже одним этим включается в мировой оборот тех воззрений, представлений, концепций, которые определяют духовную атмосферу эпохи, движение мысли в мире.

Мне могут возразить: для России хорошо бы добиться способности конкурировать хотя бы только экономически. Одно это уже было бы для нее благом и достижением. А идеология, все остальное - это роскошь, это для самых богатых и благополучных. Куда может вести мир страна, которая сама себя и своих бывших союзников привела к катастрофе?

Готов согласиться только с первой частью подобных возражений, слышать и читать которые приходится достаточно часто. Россия должна стать экономически конкурентоспособной - тут никакого спора быть не может. И должна получить отдачу от этого для уровня и качества жизни народа. Тоже бесспорно. Но уже в последнем скрыто противоречие. Наиболее конкурентоспособными были во второй половине прошлого века те страны, где стоимость рабочей силы оказывалась минимальной при необходимой квалификации этой силы. Но низкая стоимость труда - это низкий уровень жизни народа. Как только этот уровень возрастает, труд дорожает, и конкурировать нужно, добиваясь пре-

имущества в других областях: качестве товаров и услуг, технологиях, культуре, научном потенциале и прочем.

Многие государства буквально на глазах не только становились конкурентоспособными, но и побеждали в этой конкуренции, навязывая себя - причем без применения военной силы - истории и человечеству. Начинали они не в исключительно благоприятных условиях, а, скорее, наоборот, с «нулевой отметки». Те же Германия и Япония после Второй мировой войны. Да и Китай после «культурной революции». И глядя на них в тот момент, нельзя было даже вообразить, что будет через несколько десятилетий.

Но вот что, однако, интересно: почему в разное время добились успеха такие страны, как Япония, Южная Корея? Только потому, что там был дешевый труд? Так в десятках государств он еще дешевле. Нет, была идеология достижения национального успеха, подкрепленная политикой государства.

Проблему конкурентоспособности надо рассматривать на нескольких уровнях. Прежде всего - общий экономический климат в стране: правовой, стабильный, предсказуемый. Такой климат не только вызывает доверие в мире к стране, ее экономике, основным хозяйствующим субъектам: гораздо увереннее, прочнее стоят на ногах все отечественные фирмы. А это одно из неперенных условий для ведения дел за рубежом. Как может быть конкурентоспособной за границей даже крупнейшая национальная компания, если ей в любой момент может быть нанесен удар в спину? Все сказанное относится и к конкурентоспособности регионов, субъектов Федерации. Я не беру даже ситуации, когда регион играет роль хозяйствующей единицы - выходит на рынки заимствований, размещает значительные заказы и т.д. Я о другом. Возьмем фирму, которая

базируется в каком-то слабом, дотационном регионе. И фирма-то хорошая, и люди толковые. Но им ведь во сто крат труднее добиться доверия иностранных партнеров, чем такой же фирме из Москвы.

Теперь, о деловой порядочности. Это тоже важный фактор конкурентоспособности экономики. Кого она привлекает: солидного производителя, серьезного и долговременного инвестора, партнера - или всевозможных авантюристов, криминальный и полукриминальный капитал? Если экономика и обеспечивающие ее структуры коррумпированы, то, конечно, последних. И по части привлечения всевозможных сомнительных фирм и личностей экономика России в 1990-е годы была весьма конкурентоспособной. Стране это обошлось в потери, измеряемые десятками миллиардов долларов.

Государство обязано быть конкурентоспособным. Оно должно уметь и хотеть защищать интересы своих граждан и юридических лиц за рубежом, иметь для этого арсенал необходимых средств и возможностей. Оно должно предвидеть, прогнозировать эволюцию мировых политики и экономики, позиции и интересы основных участников международного общения хотя бы на 10-12 лет вперед (а вообще-то на 25-30 лет минимум). И делать такие прогнозы достоянием общества, а может быть, и всего мира, как это делают ЦРУ или корпорация РЭНД.

Вернемся к Вашему вопросу о размывании границ. Исчезают границы не только между внешнеполитическими проблемами и внутренними. Границы исчезают между внешней средой и внутренней средой государства. А это, согласитесь, нечто принципиально иное. В таких условиях *государство должно быть конкурентоспособным прежде всего у себя дома, в глазах собственного на-*

селения. Оно перестало быть монополистом на информацию, на способ устройства жизни, на тип управления, даже на оказание социальных услуг. При этом легитимность правящего режима и самого государства в глазах народа все сильнее зависит от того, насколько эффективным - конкурентоспособным! - оказывается государство на своей территории. Если власть не эффективна, общество не будет эффективно никогда.

Между прочим, это и важный фактор в общении с иностранцами - не важно, частные это граждане, иностранные инвесторы или правительства других государств. Если государству не доверяют собственные граждане, если их не устраивает уровень дееспособности его служб и институтов, если свои граждане в значительной их части настороженно относятся к внутреннему курсу, проводимому их государством, то крайне трудно убедить иностранцев в том, что с таким государством все в порядке.

Важна и конкурентоспособность общества в целом, того образа и уклада жизни, которые в нем существуют. Насколько привлекательны страна и люди, сложилось ли гражданское общество, как проявляет оно себя в решении проблем города, области, страны в целом. Конечно, здесь можно вспомнить знаменитое изречение Ивана Бунина: «Я не червонец, чтобы всем нравиться». Современный молодой человек, наверное, заменил бы червонец на доллар. И это выражение в отношении страны даже более верно, чем в отношении одного человека. Но не надо впадать и в другую крайность: «Полюбите нас черненькими». Не полюбят, и на конкурентоспособности страны это обязательно скажется.

В условиях глобального мира не только Россия «идет в мир», выходит в мировые экономику, политику и культуру, другие сферы деятельности. Но и мир приходит к

нам. Причем каждый день, ежедневно. Это в XIX или первой половине XX века можно было думать, что во внешнем мире мы уж как-нибудь поконкурируем, а внутри страны мы сами хозяева, у себя дома, и тут нам никто не конкурент.

Времена примитивного протекционизма давно прошли. Поле конкуренции едино. Отечественные товары, будь то колбаса, телевизоры или автомашины, должны продаваться прежде всего дома. И наоборот: если они дома не продаются, то за рубеж их везти незачем.

Повторяю: нет конкурентоспособности в мире в отрыве от конкурентоспособности в своей стране. И это относится ко всем и ко всему, причем давление конкуренции будет нарастать прежде всего у нас дома и по все более широкому спектру позиций.

Все, о чем я говорил, замыкается на национальную идею. Она давно стала фактором конкурентоспособности в мире, притом не «одним из», но важнейшим. В США ее признали именно в этом качестве еще в середине 1970-х годов. Признанная и разделяемая обществом национальная цель - главный источник его мотивации. Такой, заменить который чем-либо еще - материальными стимулами, контролем, административным нажимом, - не удастся, невозможно. Разумеется, идея, цель - не единственный источник мотивации, но, по-моему, основной. Чтобы стать таким источником, она должна искренне разделяться обществом или его наиболее активными слоями и группами.

Будущее жестко не предписано. Чтобы Россия была конкурентоспособной, необходима, я бы сказал, интеллектуальная мобилизация - разработка российского «проекта», который бы на 40-50 лет вперед намечал цели развития и определял средства, формы и этапы

достижения целей. Речь, конечно, не о новом издании лозунга «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Но без стратегического планирования, точнее - стратегического проектирования, нам не выбраться. Именно с этого начинали те же Германия, Япония, Китай. Пока ныне живущее поколение не озаботится обеспечением настоящего и будущего граждан своего государства, ничего с места не сдвинешь. Кстати сказать, коммунистический проект оказался нереализованным во многом из-за того, что предполагалось осчастливить все человечество. Как оказалось, за счет граждан собственной страны. Без национального «эгоизма» не обойтись. Собственно, такой «эгоизм», на мой взгляд, и является необходимой стране патриотической идеологией.

Есть ли в современной России социальные группы, способные обеспечить конкурентоспособность России?

Сформулировать и реализовать эту задачу может только элита нашей страны - политическая, экономическая, научная, культурная, региональная. Она же может сделать Россию абсолютно неконкурентоспособной, привести ее к распаду и исчезновению.

Не будем себя и других обманывать - Советский Союз разрушила верхушка элиты. Все хорошо помнят, что и как происходило с середины 1980-х годов. И дело здесь совсем не в «убегании» из Империи. Только историческая инерция удержала затем саму Российскую Федерацию. Никто не может забыть и не забудет чеченский сепаратизм. А ведь были начавшие тогда реализовываться проекты «Дальневосточной республики», или «Уральской республики».

Но я бы поставил вопрос несколько иначе: кому реально нужна сейчас конкурентоспособность России? Кто и что способен сделать ради ее обеспечения?

То, что мы сегодня называем элитами, фактически является просто верхним слоем. Ну, так сложилось. Революция. Социальные слои перемешались. Значительная часть того, что оказалось сверху, удовлетворена существующим положением. О будущем мало кто думает. Почему бы не создать российский РЭНД, такой интеллектуальный протез для элиты? Нет, нужны только пиар и политтехнологии для «работы» с избирателем...

А кому нужна конкурентоспособность? Прежде всего гражданам страны, миллионам. Потому что это заработная плата, повышение уровня и качества жизни народа, это залог будущего наших детей и внуков. В стране, уверенно идущей вверх по лестнице экономического роста, легче дать образование детям. В такой стране образование, наука и культура будут востребованы и достойно оплачены. Конкурентоспособность страны улучшает социальное самочувствие ее граждан. Каждому приятно сознавать, что он живет в стране, вызывающей в мире чувство уважения.

Именно рядовые *граждане* больше любых элит и групп интересов заинтересованы в будущем России. Они вынужденно мыслят стратегическими категориями. Они не могут не думать о собственном будущем и особенно о своих детях и внуках.

События и процессы 1970-1990-х годов как бы отделили значительную часть населения от государства. Все больше людей не ходит на выборы или голосует против всех. Подорвано доверие к государственным институтам, частному сектору, банкам. У народа сложилось убеждение, что рядовой человек сейчас бессилен и бесправен, от него ничего не зависит.

Но, с другой стороны, человеку свойственно верить и надеяться, стремиться к доверительным отношениям. Вспомним, как на доверии и надеждах при-

шел в 2000 году нынешний Президент России. Люди ждут, ищут сигнала: «Доверять можно!» - и откликнутся на него, как только убедятся, что сигнал этот не ложный. У этой жажды доверия есть и иная сторона: человек должен понять, что он сам, и прежде всего он лично - творец своего будущего. Возникает такое понимание трудно. Слишком долго и жестоко от него отучали на Руси не только в нашем недавнем прошлом. Но, по-моему, возникает: молодежь и люди, занятые бизнесом, особенно малым, ощущают себя уже по-новому.

Такое пробуждение активности и достоинства народа - фактор медленно работающий, но важнейший. И как только начнут появляться первые положительные признаки - благоустроили город, район и уже не дают откатиться ему назад, добились справедливого решения, не пропустили на выборах кандидата от криминала, да мало ли что еще, - как только такие результаты появятся, по их следам активность общества резко возрастет.

Другие мои надежды связаны с отечественным бизнесом. К сожалению, не так много тех, кто действительно *заработал* свои состояния за последние 10-15 или меньше лет. Очень часто капиталы создавались незаконными и внеэкономическими способами. Отсюда и соответствующая практика их использования. Но постепенно появляется в России настоящий бизнес, и постепенно он начинает осознавать, что без конкурентоспособного государства его место в мировой экономике и даже в самой России будет всегда «№ 16». Этот бизнес уже не просто жаждет конкурентоспособности, но и способен ее достичь. Главное, освободить его из-под финансового, политического пресса криминала и коррупционеров.

Наконец, конкурентоспособная Россия нужна высокопрофессиональной части политической элиты и Президенту страны. Для этих людей государство - тот сук, на котором они сидят. Гнилой это сук или тонкий, слабый - значит, и позиции российских политиков такие же, и внутри страны, и за рубежом.

Нужен долговременный политический и социальный союз патриотической и дееспособной высшей власти (федеральной и региональной), отечественного бизнеса и большинства граждан, как говорят - консолидация. Такой союз может быть только патриотическим. Состоится он - будет и конкурентоспособная Россия.

А элиты... Им необходимо осознать свою зависимость от граждан страны. Ведь элиты - это всегда часть, они не существуют сами по себе, отдельно от своей «базы». И пора, наконец, наложить самоограничения на свои экономические аппетиты, на готовность прибегать к политическому произволу. Для России это жизненно необходимо.

Можно нередко услышать, что у России особая судьба, она связующее звено, мост между Западом и Востоком. Не кажется ли Вам, что за подобными формулами - попытка ухода от ответа на ключевой вопрос - встраиваться в глобальный порядок, то есть в систему с постоянно меняющимися правилами. либо бороться с глобализацией?

Стран-«мостов» я, признаться, не знаю. Хотя слышал от руководителей и Казахстана, и Азербайджана, и Армении, что каждая из этих стран тоже «мост» между Востоком и Западом. Так что, видимо, есть некоторая конкуренция в области цивилизационного «мостостроительства».

Давайте попробуем представить себе человека в аналогичной роли: человек-«мост», связующее звено... Если обеспечение такой связи его главное занятие, то человек этот - или авантюрист типа Березовского, или курьер, мальчик на побегушках, в лучшем случае почтальон. Также, конечно, нужные функции, но я думаю, Россия способна на большее. Да и как-то до сих пор Восток с Западом контактировали напрямую. Мне, во всяком случае, не доводилось слышать, чтобы Япония и Америка или Китай и Европа просили Россию стать между ними связующим звеном.

Но если серьезно, то все эти разговоры о России, которая находится в какой-то уникальной ситуации, являются частью проекта изоляции России от мира и глобальных процессов. Не обязательно, чтобы такой проект хранился где-то в сейфе под тройной защитой. Достаточно и молчаливого взаимопонимания. Логика же таких рассуждений довольно проста. Пусть Запад занимается своей глобализацией, а Восток этой глобализации сопротивляется, защищает собственную «самобытность». А мы, Россия, занимаем «срединное» место в мире... Как писал этот англичанин? Хартленд? «Сердце мира»! Мы будем воодушевляться геополитическими спекуляциями и будем брать все лучшее и с той, и с другой стороны. В общем получается такая евразийская православно-исламская резервация, причем саморезервация. Надеюсь, что эти идеи останутся у нас в маргинальной части политического спектра.

Идея «моста» - это уход от настоящей проблемы, от ее четкого определения, от выработки и проведения соответствующей внутренней и внешней политики. Но проблему я вижу вовсе не в выборе между Западом и Востоком. Дескать, давайте наконец решим, в какую деревню мы идем; туда и направимся.

Проблема глубже: не «помещается» Россия на Западе. Входить в НАТО - значит в одной «берлоге» окажутся два медведя с сопоставимыми ядерными потенциалами, а в остальном очень разные. Два медведя в одной берлоге не живут, это на Руси всегда знали. Ликвидировать нам свой потенциал или снижать его до уровня Англии и Франции - а России это нужно? Объединяться с ядерным потенциалом США в целостную структуру - а готовы ли к этому американцы, да и мы тоже? К тому же НАТО гарантирует неприкосновенность границ

своих стран-членов. Каким образом США и Европа могут гарантировать границу между Россией и Китаем, Россией и мусульманскими государствами?

Участие в Евросоюзе... Если нас туда и примут, то как повлияют наши пространства, капиталоемкость нашей территории, наш уровень развития, жизни на экономическое и социальное положение Европы? Сколько сложностей было совсем недавно из-за проезда через Литву в Калининград- всего-то 300 километров! А тут практически открытые границы со странами СНГ, граница с Китаем. Не случайно и Россия, и ЕС говорят пока только об установлении единого экономического пространства, притом только как о проекте, который надо долго и глубоко обсуждать.

Но если вхождение России в НАТО или ЕС - задача трудная и пока малореальная, то разве наше «вхождение» в какой-либо экономический или цивилизационный союз с Китаем, Индией, кем-то еще на Востоке было бы менее сложной задачей? Причем участие в западных союзах и структурах мы хотя бы обсуждаем - более того, развиваем с ними партнерские отношения, с середины 1970-х имеем опыт разностороннего сотрудничества, опираемся при этом на сложный комплекс договоров и соглашений во всех областях, от военных до туризма. Со всем этим несопоставимы интенсивность, регламентация и осмысление сотрудничества на «восточном» направлении.

Я не противник теснейших связей с Востоком. Более того, считал и считаю, что восточное и западное направления российской политики не должны противопоставляться. Они могут и в интересах России должны дополнять друг друга. Но как на Западе, так и на Востоке главное для меня - конкретное практическое наполнение отношений, их связь с развитием России.

Бороться с глобализацией - значит бороться с мировым порядком. Нельзя бороться с историей, с ходом мирового развития, всех механизмов и законов которого мы не знаем и не понимаем. Мы уже боролись с капитализмом. Оказалось, будущая альтернатива ему еще не созрела ни на уровне практики, ни в теории, ни в навыках, привычках, культуре людей. И сейчас ясно, что такая альтернатива будет отличаться от представлений начала или даже середины XX века примерно так же, как современный мир - от предположений фантастов XIX столетия. А возможно, еще сильнее.

Неверна, на мой взгляд, сама исходная посылка: «встраиваться в глобализацию или не встраиваться». Россия давно уже там. Вопрос стоит иначе: будем мы относиться к глобализации осознанно, как к объективной реальности, будем стремиться сами определить в ней свои координаты, интересы, цели, прилагать усилия к их достижению? Или уподобимся той части россиян, которые социально и политически инертны, уповают на барина и при этом вечно брюзжат и всем недовольны? Лично я самую большую угрозу России в связи с глобализацией вижу в высокой вероятности того, что наши привычки, политическая и общая культура будут нами перенесены и на отношение к процессам глобализации.

Мы должны самоопределиться. Сказать ясно и по возможности честно, чего мы хотим, к чему на самом деле стремимся. И сделать из своих устремлений соответствующие выводы. Необходимо использовать глобализацию и участие России в ней в интересах восходящего устойчивого развития страны. Работает участие России в данном конкретном процессе, явлении на эту задачу - отлично. Нет - надо подумать, нужно ли нам такое участие. Работает против интересов Рос-

сии - тогда надо пытаться изменить условия, формы российского участия, или выходить из него, не изолируясь, однако, от внешнего мира вообще.

Отдельные центры силы, те же Соединенные Штаты, стремятся перенаправить глобализационные процессы. Сейчас глобализация идет как бы в сети. Эта сеть состоит из подсистем разного уровня развития и разного цивилизационного «содержания». Эти подсистемы автономны и связаны между собой не жестко, горизонтальными связями. Поэтому большое значение приобретает проблема направленности глобализации, ее форм, результатов. И историческая задача России заключается не только и не столько в том, чтобы встраиваться в глобализационные процессы, сколько в том, чтобы воздействовать на них. Дело не в том, чтобы вскопчить на подножку. Надо пробиваться к пультам управления, влиять на направление движения. Кстати, если кто-то думает, что влиять можно и сидя на ближайшем холме, он ошибается. Воздействовать на глобализационные процессы можно только находясь внутри, а не вне этих процессов. В этом смысле нет и не может быть принципиальных вопросов, например, о необходимости вступления во Всемирную торговую организацию. Вопросы здесь только тактические и технические.

Важно не то, меняются правила или нет, а как они меняются. Если в соответствии с общепризнанными процедурами, по взаимному согласию, демократически и на правовой основе, если такие перемены и их последствия можно рационально прогнозировать и просчитывать - пусть себе меняются на здоровье. Так и должно быть. А если по чьему-то произволу, резко и внезапно, без учета законных интересов других стран - против такого произвола надо бороться. Но *против произвола, а не против глобализации*. Разные вещи.

Необходимо, конечно, чтобы голос России во всех таких переменах правил был громче, а главное, отчетливее. Это требует активности не только дипломатов, но и делового мира, общественности, ученых. Надо уметь предвидеть будущие интересы и потребности России, возможные противоречия и конфликты интересов, своевременно выражать свои цели и интересы на юридически точном языке политических соглашений. Надо уметь находить контакт и взаимодействовать с теми странами, интересы которых в рамках глобализации близки российским. Надо, наконец, научиться думать и действовать в специфических координатах мировой политики и экономики. Не так, как это было сделано в отношении Калининграда, где все будущие проблемы были ясны с 1992 года, а спохватились и начали что-то лихорадочно предпринимать только спустя десятилетие.

Решая задачи по «вписыванию» страны в процессы глобализации, мы, по-видимому, должны особенно внимательно следить за сохранением собственной идентичности, ведь за экономической глобализацией, информационной с неумолимой неизбежностью может прийти и глобализация в сфере ценностей, смыслов... Что делается в Москве для оказания влияния на эти процессы?

Глобализация в сфере ценностей, норм, смыслов не «может прийти», а уже давно происходит. Когда-то все ценности и смыслы рождались и обитали в пределах рода, племени, деревни. Только там они и действовали.

С образованием государств, появлением религий смыслы, нормы и ценности вышли за пределы деревни, края. Но попали в новые клетки, более просторные, чем прежние, но все же клетки. Для своих соплеменников, единоверцев ценности и нормы, политические и культурные смыслы становились одинаковы. Это ведь был очень долгий и трудный процесс!

Мировые религии выдвинули свои ценности и представления о нормах. Это облегчало унификацию ценностей и норм между государствами, но воздвигло непреодолимые иногда до сих пор преграды в отношениях между людьми и народами, исповедующими разную веру.

Глобализация - следующий виток этой спирали. В самом общем плане она призвана привести к появлению единых для всего человечества ценностей и смыслов. Это не значит, что все остальные исчезнут или должны исчезнуть. Останутся, конечно, как и ныне в каждой деревне, каждом городе есть свои правила и обычаи. Но над ними возникает сеть норм и ценностей, признаваемых и разделяемых всем человечеством: всеми государствами, основными вероучениями и церквями, всеми или большинством образованных людей. «Общечеловеческие ценности» в полном смысле этих слов. Ничего плохого или предосудительного я в этом термине не вижу. А если он вызывает неприятные ассоциации - что ж, давайте будем говорить не «общечеловеческие», а «всечеловеческие». Без таких ценностей мир легко может войти в состояние вражды всех со всеми, и страшно подумать, чем она может завершиться. Международный терроризм уже показал и доказал нам, к чему приводит отрицание, отвержение общечеловеческих норм.

Иной вопрос, как будут формироваться глобальные ценности и смыслы. Если в процессе взаимных узнавания и притирки культур и народов, то и слава Богу. Если же кто-то будет пытаться навязать свои представления, выдавая их за общечеловеческие, - они и останутся навязанными, а не общими. То есть при первом же кризисе затрещит по всем швам новый глобальный мир. А будут работать нормы и ценности множества локальных «деревень», что может иметь самые трагические последствия. Когда распадался СССР, в различных его концах точно так же оживали архаические нормы и ценности.

Существуют разные нормы. Есть нормы закона или нормы религии. Они могут совпадать, могут разли-

чаться, противоречить друг другу. Но все их объединяет одно: такие нормы говорят человеку, советуют, требуют от него, как он должен себя вести. «Должен» - значит на самом деле он может вести себя как-то иначе. Не обязательно вопреки нормам; но отлично от них, в расхождении с требованиями веры, морали, идеологии, закона.

Представления о нормах и ценностях начинают «плыть», когда какая-то социальная группа, часть населения получает возможность не просто навязывать свои нормы другим, но даже выдавать собственные нормы за универсальные. Вот когда обычная, нормальная 14-15-летняя девочка прочитает в бульварном журнале или молодежной газете интервью с попидолом, как бы между делом признающимся, что он-то в 14 лет испытал уже все, - такая девочка начинает чувствовать себя отставшей от века, неполноценной. Спешит восполнить «пробелы в образовании», попутно делясь своими сомнениями и достижениями с подругами. Испробовала все «звезда» к 14 годам или нет, никому, кроме него или нее, неизвестно. Но размывание моральной нормы началось. Пример частный, специфический; но показательный для обсуждаемой нами темы.

Что я как мэр мог и хотел бы делать в Москве для предупреждения подобных процессов? Да то же самое, что делается в любом уважающем себя городе и государстве. Четкие этические нормы в средствах массовой информации. Никакой косвенной, скрытой или тем более явной рекламы наркотиков. Никакой порнографии в открытой легальной продаже. Как и во всех цивилизованных странах, в России должен быть закон о преступлениях сексуального характера. В Уголовный кодекс необходимо ввести специальную

статью, квалифицирующую потребление детской порнографии как преступление, а производство и распространение - как тяжкое преступление. Только у нас и в Таиланде нет такой статьи! Продукция эротического содержания должна реализовываться только в строго определенных местах, с определенного возраста. Пиво, алкоголь - с определенного возраста и только в лицензированных заведениях или дома. Ни в коем случае не в метро, не на улице. Крайностей не надо, нельзя и вредно от практически вседозволенности переходить к тотальным запретам. Да и не срабатывают такие запреты, станут дополнительной кормушкой для преступности и коррупционеров. Нормальные, проверенные меры - они все известны, они действуют везде в Европе, США, в Японии, Китае... Изобретать велосипед не надо.

Дело не в том, что так называемая элита оказалась неспособной задавать жизненные нормы обществу, молодежи. Элиты как таковой у нас нет до сих пор. Пока еще не определились даже экономические и социально-культурные основы, тот фундамент, на базе которого будет жить, функционировать, воспроизводиться элита будущей России. Люди, которые фактически выполняют последние 12 лет функции российской элиты, именно эти люди и принесли с собой нормы, этику и нравственность беспредела и зоны. Не все, конечно, но многие.

Неверно, будто в мире «теневой» экономики, политики, полу- и откровенного криминала нет норм, этики, морали, - есть. Только их нормы и их мораль несовместимы с нормальным обществом. А поскольку эрозия норм зашла достаточно далеко, то и возникает уже угроза национальной безопасности. Если отказывающийся от взятки, махинации человек смотрится как

«белая ворона», то общество уже опасно далеко зашло в бездеятельном созерцании антиобщественных норм. В этом скрыта самая большая угроза России.

Идентичность, которую мы так боимся потерять перед лицом глобализации и которую пока еще не сформировали, идентичность эта определяется вовсе не выбором «с Западом и глобализацией» или «против того и другого». Сам этот выбор вторичен от самоидентификации наиболее активных граждан страны. Он зависит от тех норм, ценностей, которые на деле принимаются и разделяются верхними слоями и активной частью общества в целом. Исповедуем мы на деле ценности прав и свободы личности, взаимной ответственности человека, общества и государства, демократии и рынка - найдем признание и единомышленников и на Западе, и на Востоке. Воспринимаем как норму коррупцию, неуважение к закону, бесправие и произвол - тоже найдем единомышленников в любой части мира, в том числе и на Западе.

Какое место Россия занимает сейчас и какое будет занимать в ближайшие десятилетия в мировой экономике? Станем ли мы сырьевым придатком постиндустриального мира или будем претендовать на свое место в нем? Какие требования к нам, к развитию государства и организации общества предъявляют современность и будущее?

Если страна живет на нефтяной и газовой трубе, немного разбавляя их содержимое лесом и оружием, - то кто мы, как не сырьевой придаток? Не гадать надо которое десятилетие подряд - «станем или не станем», - а четко сформулировать стратегическую задачу: покончить с положением страны как источника энергетических и сырьевых ресурсов.

Это не значит, что надо перестать их продавать. Нужно лишь, чтобы как источник внешних доходов государства экспорт сырья и энергоресурсов, других природных материалов переместился с первого хотя бы на третье-пятое место по значению для федерального бюджета.

Ведь если весь этот бюджет зависит от колебаний мировых цен на нефть, газ и алмазы, то развитием страны - его темпами, содержанием, направленностью, вообще тем, будет Россия развиваться или нет, -

можно в принципе управлять извне. Не влиять на это развитие, не мешать и даже не просто помогать ему, но именно управлять! Пора бы уже это осознать и делать выводы.

При 2,5-процентной доли России в общем населении земного шара наша доля в мировом валовом продукте около 1,7 процента. То есть существенно ниже той, которая просто соответствовала бы доле России в населении земного шара. США имеют порядка 4,5 процента мирового населения и дают 20 процентов мирового валового продукта. То есть, грубо говоря, один среднестатистический россиянин производит - и потребляет конечно - без малого в 7 раз меньше, чем американец. Разрыв в науке, особенно в инновациях - то есть в переводе идей и открытий в изделия и технологии, - вообще стал чудовищным.

Идут, конечно, и другие процессы. Российский капитал инвестируется в крупнейшие транснациональные корпорации, вкладывается в различные регионы мира. Экспорт капитала при очевидном кризисе внутреннего инвестирования - это не обязательно плохо. Это - неизбежно, потому что глобализационную логику отменить нельзя. Российский капитал - в том числе государственных корпораций - участвует в реализации проектов по освоению и переработке сырья в разных регионах мира, вплоть до Аравийского полуострова. Российский капитал проникает в экономику разных стран, в том числе развитых. Взять хотя бы покупку сети бензозаправок в США одной российской корпорацией, совместную разработку и производство российско-французского самолета-истребителя и т.п. Экспансия российского капитала будет продолжаться. Идет и встречный процесс - экспансия иностранного, точнее сказать, нероссийского капитала в Россию. Мы

в Москве ощущаем благотворное воздействие этого. В 2002 году объем иностранных инвестиций в российскую столицу составил 8 млрд долларов. По итогам этого года мы надеемся иметь 12-13 млрд. И Москва, и вся наша страна заинтересованы в такого рода двусторонней экспансии.

Здесь важно всегда помнить о двух проблемах. Во-первых, в какие отрасли вкладывать капитал - как в России, так и за рубежом. И тут вы правы, есть опасность, что инвестиции пойдут в сферу добычи, первичной обработки и транспортировки сырья, что вообще-то представляет собой тупик - по той простой причине, что в исторической перспективе любые сырьевые источники исчерпываются. Речь, наверное, идет о том, чтобы вкладывать российский капитал в сферы несырьевые - как в России, так и за рубежом: в науку, высокие технологии и т.п. А во-вторых, есть проблема общественной пользы от любых капиталовложений - как иностранных, так и наших, российских. Вот купил Роман Абрамович «Челси». При всей моей любви к футболу, «Челси» это не хайтек. Конечно, использование собственных денег губернатором Чукотки - это его дело. Но эти деньги уже ушли из России. А совсем другое дело - если капиталы работают на российское общество, способствуют умножению общественного богатства и общему прогрессу нашей страны.

Ситуация предельно серьезная. Такие разрывы, которые мы сейчас имеем, сокращаются десятилетиями. Уповать при этом на случай, на стихийно-благотворное влияние рынка нельзя. Россия сегодня слаба, а слабых на свободном рынке съедают. Таковы законы рынка, против них не пойдешь. Кроме того, демографы предрекают, что к 2050 году население России со-

кратится с нынешних примерно 146 миллионов до 114. Кто же будет преодолевать этот разрыв? Убежден, что без долговременной стратегии государства - притом стратегии, охватывающей все аспекты развития России: демографию и экономику, культуру и науку, уровень жизни и уровень образования, - осуществить качественный прорыв в деле подъема страны, укрепления ее положения в мире будет невозможно. Надо реально и честно смотреть на вещи. Надеяться на то, что рано или поздно Запад вступит в полосу кризиса, капитализм затрещит, и вот тогда на этом фоне позиции России укрепятся - знаете, лучше уж тогда пытаться в лотерею выиграть. Больше шансов. И не так опасно и безнравственно.

Я убежден, что если у российского государства появится долгосрочная стратегия подъема и развития страны, экономики, то снизить масштабы разрыва к середине нынешнего века реально. Не преодолеть: но снизить, притом очень существенно. Надо избавиться от излишней и неоправданной робости, которая у нас причудливо сочетается с догматизмом.

Последние десять лет мы все время извиняемся, все время подстраиваемся под диктуемые нам рамки и условия. Мы же имеем моральное право и основания ставить вопрос иначе. Мы вправе сказать миру: «Мы разрядили без серьезных внутренних и тем более международных конфликтов одну из самых опасных бомб замедленного действия в XX столетии. Мы очень дорого заплатили за эту *общую нашу победу*. И мы вправе ожидать и требовать особого отношения к России со стороны ВТО, МВФ, Всемирного банка. Вправе рассчитывать на соразмерную оценку этой исторической услуги, на понимание наших трудностей, специфики, императивности нашего развития».

Такая позиция не имела бы ничего общего с ультиматумом. Это прямое и честное изложение, если хотите, экономических и социальных интересов РФ, нашей позиции в отношении глобализации. Но занимать такую политическую платформу можно только в том случае, если Россия получит наконец реалистическую стратегию долгосрочного развития. В противном случае вероятен конфуз. Нам ответят: «Да, мы понимаем ваше положение, готовы поддержать ваши планы и начинания. Чего конкретно вы от нас хотите?» А мы и не знаем. В конце существования СССР подобное уже было. Несерьезно и стыдно.

Если все-таки попытаться обозначить ориентиры для внешней политики в узком смысле этого слова, то каковы они, на Ваш взгляд?

Первое и главное, не устану это повторять: *выработать идеологию национального развития России*. Эта идеология вовсе не должна противопоставляться тем ценностям, какие мы восприняли в последние полтора десятилетия - демократии, рынку, идеям либерализма, гражданского общества. Все это приемлемо и нужно России. Но идеи эти мы только заимствуем. А надо идти дальше, сплавливать их с видением будущего России, а возможно, и не только ее. Наша идентичность пока строится главным образом на отрицаниях. Мы не коммунисты, но и не вполне либералы; мы хотим сохранить наши, весьма нечетко определяемые отличия от Запада; мы против международного терроризма... Все это само по себе верно и хорошо, но недостаточно. Для успешного движения вперед надо сформулировать многочисленные «за». Эта работа еще только начинается - и в обществе, и в партиях, и в государстве.

Второе: *главным критерием должно стать развитие России.* Именно его цели и конкретные задачи подскажут или даже продиктуют, в чем и с кем должна быть Россия. Нужна научная разработка критериев эффективности внешней политики России с позиций ее вклада в подъем и обновление страны. Развитие - вот стратегическая цель России, да и любого государства в современном мире. Полезна и оправданна только та внешняя политика, которая наделе служит продвижению этих целей.

Надо избавляться и от привычки мыслить в международных делах по принципу «или - или». Напротив: и укрепление СНГ, и сближение с Евросоюзом, и экономически обоснованное развитие отношений, сотрудничество на всех направлениях, где оно возможно и дает результаты. И партнерство с Западом, и развитие сотрудничества, партнерства с иными странами и континентами. Стратегическое партнерство с США, но и способность корректно, четко формулировать возможные несогласия, их причины, использовать все политические возможности для их разрешения.

Надо начать серьезную инвентаризацию тех международных и мировых проблем, с которыми Россия и другие государства или уже сталкиваются, или столкнутся в ближайшие годы. Есть ли будущее у ядерного оружия, других видов оружия массового поражения, и если да, то какое и что отсюда следует для внешней политики? При помощи каких технологий придется нам вести борьбу против международного терроризма и наркопреступности? Как измерять ее эффективность? Перечень таких проблем можно продолжить.

Последнее: надо менять критерии отношения к внешнеполитическим альтернативам, возможным для России в будущем. Как мы по традиции привыкли ме-

рить такие альтернативы? Главным образом сквозь призму «игр с нулевой суммой»: что плохо для потенциального противника, то хорошо для нас, и наоборот. Но мир стал намного сложнее. Одна и та же страна все чаще оказывается партнером России в одних вопросах или оппонентом в других. Как строить с ней отношения, к какой категории - друзей или недругов - ее относить?

Ответ нетрадиционен: для России и ее внешней политики хорошо все то, что расширяет на будущее свободу политического, экономического, социального маневра страны. Если число «степеней свободы» государства, экономики и внешней политики возрастает, значит, налицо достижения. Если сокращается - то надо разбираться в причинах. Если оно десятилетиями топчется на месте, это застой, сколько бы прекрасных договоров и соглашений мы за это время ни подписали.

То, что мы делаем сейчас - в экономике, государственном строительстве, внутренней жизни, в праве или во внешней политике, - все это закладка фундамента под будущую Россию. На многие десятки лет вперед. Так к этому и надо относиться. Это не мелочи, не временные конструкции - дескать, ладно, потом переделаем, сейчас некогда и нет возможности, нам бы день простоять и ночь продержаться. Ничего подобного. Серьезнейшее дело. На плохом фундаменте ничего путного не построишь. Спросите любого прораба.

X

**МОСКВА -
ЭТО ОСТРОВ
ИЛИ ПЛАЦДАРМ?
В ПОИСКАХ
СУБЪЕКТА РАЗВИТИЯ**

Москва сегодня воспринимается многими - и в нашей стране, и за рубежом - как некий островок стабильности, благополучия, цивилизованного быта в погруженной в кризисное прозябание огромной стране. Москва сохраняет и даже усиливает свое безусловное первенство в науке и образовании. Москва продолжает оставаться одной из интеллектуальных столиц мира. Ощущаете ли Вы включенность, вхождение Москвы в глобальную экономику? Каково место Москвы в ней? На что Москва способна влиять? Что утрачено?

Включенность ощущается постоянно, иногда со знаком «плюс», иногда-«минус». Не думаю, однако, что в связи с этим корректно говорить об утраченном, тем более навсегда. Москва НИКОГДА, даже в те двести лет, когда она не была столицей, не отрывалась от европейской жизни - а тогда это был весь мир.

С другой стороны, Москва - я имею в виду город, а не СССР или Россию - никогда в самостоятельном качестве в глобальную экономику не входила и ни на что там не влияла. В советский период у Москвы вообще не было и быть не могло никакой в этом смысле самостоятельности. Все делалось только через партийные инстанции, ведомства, в плановом централизованном порядке. Вот это «утрачено». И когда я вспоминаю, как москвичей мобилизовали для работы на овощных базах, то надеюсь - утрачено навсегда, бесповоротно.

Москва и сейчас не входит в глобальную экономику самостоятельно: только как часть России, только через Федерацию, через строжайшее соблюдение наших законов. Вот такой парадокс: включенность ощущается постоянно и с каждым годом все сильнее, но никакой автономности участия у Москвы при этом нет. Да, четыре последних десятилетия мы жили и живем в глобальной среде. Но жить в среде - одно, иметь в ней весомое место и на что-то влиять - совсем иное.

Москва не «островок стабильности». Москва все последние 12 лет была *плацдармом решительных, целеустремленных, но не «большевистских» преобразований*. Реформ, которые давно начали приносить результаты. Именно эти реформы и решительность в их проведении обеспечили нам то, что часто ошибочно принимают за «стабильность». Хотя, пожалуй, да, *стабильность - но динамичная, стабильность развития*. У города есть средства на социальные программы, жилищное строительство, на ремонт инфраструктур, потому что город их зарабатывает. Потому что Правительство Москвы не боится новых, открытых и демократических отношений с москвичами, само идет им навстречу.

Кстати, бытует мнение, что относительное бюджетное благополучие Москвы - следствие эффективной работы с землей и недвижимостью и только. На самом деле такая «рентная» составляющая - около 15%. В Москве земля и недвижимость - это, скорее, потенциал развития, а не источник наполнения бюджета.

Вспомните, еще до 1990-х годов благодаря высокой результативности труда московских ученых в столицу текли огромные деньги - и на заработную плату, и на развитие соответствующей инфраструктуры. Расширились научно-исследовательские и учебные учреждения.

закупалось оборудование, строилось жилье для ученых и инженеров. Силами московских ученых и инженеров реализовывались тогдашние крупные инновационные проекты - в атомной энергетике и атомной промышленности, в ракетно-космической отрасли, во всем том, что теперь именуется «хайтек».

Я помню, как затем, в начале 1990-х годов, наука оказалась для нашего государства чужой. Парадокс: вчерашние завлабы, пересевшие в вице-премьерские и министерские кресла, зачастую просто не понимали (или забыли), зачем нужны все эти институты, КБ, зачем нужна Академия наук. Они видели за всем этим только недвижимость, которую можно приватизировать, и ноу-хау, которые можно продать иностранцам. Но для нас было очевидно, что без науки Россия окажется на мировых задворках. Московское правительство потом не раз упрекали, что оно создало при себе целую разветвленную сеть научно-производственных фирм, отпочковавшихся от отраслевых институтов и извлекавших прибыль из интеллектуальных заделов советской эпохи. Честно сказать, мы просто помогали институтам финансами, чтобы они не разваливались. Мы просто их спасали. Этим ученых и инженеров ждали в Нью-Йорке и Мюнхене, в Токио и Сан-Франциско. Но они остались в Москве.

Год за годом Правительство Москвы наращивало поддержку научных исследований - через кредиты, заказы, через символическую арендную плату за землю и недвижимость. Мы прекрасно понимали, что столица - это не только власть и финансовые потоки, а еще и средоточие интеллекта, способного изменять жизнь к лучшему. Зачастую мы брали на себя функции федеральной власти, когда эта власть в упор не видела, как гибнут целые научные школы.

Приведу здесь только два примера, касающиеся достижений нашей медицинской науки. В 1994 году мы «взяли на себя» российскую онкологию. В результате разработана уникальная методика антираковой фотодинамической терапии. С нашей помощью созданы новые виды транспорта, внедряется система озонной обработки воды, реализуется масштабная программа «Продовольственный холод» и т.д. и т.п.

Кто-то скажет, что излишне подчеркиваю роль городских властей. Дескать, богатое московское правительство просто обязано было все это делать. И да, и нет. Нет - потому что многие, если не большинство, объектов нашей поддержки находились и находятся в федеральном ведении. Да - потому что мы всегда трактовали столичные функции очень широко. Мы хорошо понимаем, что Москва и Россия без большой науки - это уже совсем не те Москва и Россия.

Но в современных условиях необходимо не просто «поддерживать науку». Ключ к ее развитию и процветанию, к превращению в производительную экономическую силу - в поисках, нахождении и реализации таких проектов, которые, с одной стороны, решают социальные проблемы, а с другой - «вытягивают» вперед и вверх различные отрасли, Москву и, если получится, Россию в целом.

Как один из ведущих мировых городов Москва, безусловно, «форпост глобализации» в России. Не в том смысле, будто глобализация этакой «пятой колонной» пролезает через Москву в Россию. Важнее обратный процесс: Москва - один из тех каналов, по которым происходит обмен идеями, товарами, услугами, финансами, влиянием между Россией и глобальной экономикой. Не единственный, но, бесспорно, самый важный.

Разумеется, Москва не монополист в таком соединении. Но у нее здесь есть свои роль, функции. Здесь расположены штаб-квартиры ведущих российских корпораций, здесь сходятся многие важнейшие линии коммуникаций - и электронных, и традиционных.

На Москву иногда обижаются: забрала себе все или почти все крупнейшие корпорации, банки и живет в свое удовольствие. Но столица не может приказать ни одной фирме, чтобы та регистрировалась именно здесь. Помешать зарегистрироваться, при наличии к тому законных оснований, может. А скомандовать «быть москвичами, и точка!» - нет, невозможно.

Почему компании сами стремятся в Москву - хотя земля, недвижимость, жизнь здесь, мягко говоря, недешевые? Да потому, что такие компании в России, как показывает практика, ни шагу ступить не могут без отношений с федеральными структурами. Из Сибири, с Дальнего Востока или даже из Рязани в Москву каждый день не наездишься. По телефону тоже вопросы не решаются. А бизнес сидит пока на очень коротком поводке у государства. Вот они и вынуждены - не столько хотят, сколько вынуждены - обзаводиться штаб-квартирой именно в Москве.

Исторически сложилось так, что Москва - центр России. Так она начиналась еще в середине XII века. Так собирала вокруг себя централизованное государство. Ненадолго вершина российской «пирамиды» переехала в Санкт-Петербург, но потом снова вернулась в Москву и вот уже почти целый век пребывает здесь. Москва всегда была сердцем России.

К сожалению, все последние годы воссоздается структура советской централизации, когда всякое решение непременно должно было проходить через Москву. Реанимация старой управленческой логики про-

исходит, по-моему, в основном на бессознательном уровне.

А такая логика лишь на поверхностный и очень наивный взгляд обеспечивает контроль за положением в стране. На практике это придает и экономике, и политике, и всему российскому участию в глобализации неоправданно жесткие, негибкие формы. Главное, подрывает во многих регионах мотивацию к экономической инициативе, самостоятельности в позитивном смысле этого слова. Регионы начинают думать не о том, как самим решить свои проблемы, а как бы побольше получить с Москвы - не с города, а из федерального бюджета. Точь-в-точь как в советские времена. Федеральный же центр видит в таком положении источник своих политической силы и влияния. Это - структура не рыночной экономики, включенной в глобальные процессы, это - управленческая структура Византии.

Внутри России должны бы возникнуть новые «центры глобализации». И в европейской части, и в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке. Так, как это имеет место в США, Канаде, ведущих европейских странах. База для таких «центров глобализации.» во всех экономических районах страны есть, и она развивается. Я имею в виду не только наличие крупных промышленных, научных и культурных центров, но и то, что уже 40 университетов России готовят кадры специалистов по мировой экономике, международным отношениям, праву. Эти люди идут работать в местные компании, в администрации субъектов Федерации. Это совершенно новая ситуация: Россия начинает не только знакомиться с внешним миром - она с ним уже познакомилась давно, - но и работать с ним, работать своими кадрами, знающими местные проблемы, патриотами сво-

ей «малой родины». А ведь в СССР только несколькими вузам разрешалось готовить специалистов-международников, и все они шли работать лишь в союзные структуры.

Москва как город только бы выиграла, если бы Россия в лице 10-20-50 крупнейших ее городов и центров была бы сильнее завязана на глобализацию. Потому что не было бы такого разрыва между городом и его средой, столицей и страной, какой объективно есть сегодня. Он, этот разрыв, Москве страшно мешает. Порождает нездоровые эмоции, ревнивое отношение, побуждает усматривать, выискивать в Москве и ее роли то, чего там отродясь не бывало и быть не могло.

Так что я бы в связи с этой темой говорил не об утраченном, тем более навсегда, а о необретенном. Или пока не обретенном.

Каковы, на Ваш взгляд, главные социальные последствия постиндустриализации для Москвы? Какие новые требования к социальной политике правительства города в связи с этим возникают?

Как управленец не очень понимаю смысла слова «постиндустриализация». «Пост-» - это «после». После чего? Мы что, в индустриальном мире уже не живем, услугами и изделиями промышленности не пользуемся? Мы уже попробовали в бывшем Союзе жить по правилам и меркам умозрительного «общества будущего». Не повторяется ли по сути то же самое под вывеской «постиндустриализма»?

В Москве я вижу три большие и взаимосвязанные группы проблем. Это индустриальное наследие и состояние Москвы. Это нужды, интересы, позиции «белых воротничков» как многочисленной категории москвичей. И это проблема той части молодежи, которая по разным причинам не идет в вузы или вообще бросает образование.

Москва - один из старейших индустриальных центров России. Так повелось еще с тех стародавних вре-

мен, когда в Кремле лили пушки и колокола. Мы по праву гордимся московской промышленностью, ее вкладом в экономику страны. Но времени прошло много, условия в стране и мире изменились. Сегодня московская промышленность во многом устарела и морально, и физически. Нет прежней потребности во многих предприятиях. Город разросся по численности населения и территории. Три четверти современной Москвы построены после Великой Отечественной войны. Три четверти! Крупные заводы, которые раньше были на окраинах и за городом, оказались по нынешним меркам почти в центре столицы. Совершенно иначе в этих условиях смотрится и угроза техногенных катастроф.

Эту важнейшую для города часть проблемы я бы сформулировал так: как провести реиндустриализацию Москвы. Мы не собираемся отказываться от промышленности. Но, развивая и реконструируя ее, мы должны исходить уже из современных требований к защите окружающей среды, к надежности всех систем, исключающей техногенные катастрофы. Это тоже элементы социальной стабильности.

Должен честно признаться: городу очень помогает то, что работы по закрытию или выводу из столицы опасных, сильно загрязняющих, не нужных городу предприятий были начаты много лет назад, еще в советское время. Кое-что успели сделать, многое продумали, получили ценный практический опыт. Ищем пути, возможности продолжения. Если в прошлом города вырастали вокруг фабрик и заводов, промышленных зон, то теперь настало время убирать промышленность из развившихся городов. Не потому, что современные города, и Москва в том числе, начали стыдиться своих прокопченных предков. Просто потому, что

крупное производство, даже самое чистое, и город - мешают друг другу, технологически плохо стыкуются.

Крупному промышленному предприятию нужны значительные площади - они в городе дороги, а часто их просто нет. Предприятию нужны пути, позволяющие доставлять огромные массы «входящих» грузов и вывозить продукцию, - городу такие коммуникации только помеха. Около крупного предприятия дискомфортно жить, иногда просто нельзя - поэтому возрастают, и очень значительно, объемы пассажирских перевозок по городу, причем сконцентрированные по времени и направлениям. Да, крупные предприятия платят значительные налоги - но еще надо посчитать, какие дополнительные расходы со стороны города они вызывают.

Мэр не противник крупных предприятий. Даже совсем наоборот. Бывают города-белоручки, где кроме бюрократов и сферы обслуживания никто не живет. А бывают столицы-трудяги. Москва в числе таких и изменять своей природе, истории не будет. Но большинство предприятий создавалось в Москве в годы первых пятилеток, еще в 1930-е. а многие и того раньше - в конце XIX - начале XX века. Вся система инфраструктурных связей этих предприятий с городом устарела и требует капитального обновления. И это *не только техническая и не только экономическая проблема, а прежде всего социальная*. Потому что за всем этим судьбы миллионов москвичей, их безопасность, благосостояние, комфорт.

От индустриализации в Москве осталось множество пенсионеров. Людей, отдавших стране все еще в то время, когда не было современных проблем и возможностей. Людей с небольшими пенсиями и неважным здоровьем. Вот вам первые требования к социаль-

ной политике города: избежать массовой безработицы: поддерживать сотни тысяч пенсионеров, для которых жизнь в таком дорогом городе, как Москва, не сахар: защитить их от махинаторов, которых хватает: гарантировать им хотя бы минимально необходимую медицинскую помощь (даем больше, чем минимальную, хотя много меньше, чем эти люди заслужили).

Проблема пенсионеров должна стать общей, все-российской. Меняются все правила игры - появились пенсионные фонды, другими стали условия здравоохранения. оплаты жилья и услуг, другой порядок цен на товары первой необходимости - все без исключения. И для миллионов людей это происходит на таком рубеже их жизни, когда они уже почти ничего не могут сделать, чтобы улучшить свое положение. Ни по возрасту, ни по состоянию здоровья, ни по образованию, никак. У молодежи впереди вся жизнь, они еще приспособятся и, возможно, неплохо. А со стариками так нельзя. Аморально - и обязательно вернется бумерангом к следующим поколениям. Это главная социальная проблема Москвы.

Проблема пенсионеров у нас парадоксальным образом связана с проблемой пришлой рабочей силы, так называемых мигрантов. Мы уже говорили об этом и, возможно, дальше поговорим еще. Так вот, на пересечении этих проблемы пенсионеров и проблемы мигрантов находится еще одна - проблема сохранения культурной идентичности Москвы как открытого русского города.

Теперь вторая социальная проблема - «белые воротнички». Это служащие, работники образования, культуры, науки и все те, кто своими профессией и трудом обеспечивает вступление России в «постиндустриальный» мир. Таких людей по понятным причинам в Моск-

ве очень много, причем именно в этой среде перемены последних 15 лет вызвали самые резкие скачки в статусе различных групп и самую резкую поляризацию доходов. И в то же время это люди в целом более требовательные, чем некоторые другие категории населения.

Главная проблема здесь, причем опять-таки не городского только, но общенационального масштаба, - поддержание связей этой категории населения с обществом в прямом смысле этих слов. С Москвой в том числе. Среди «белых воротничков» есть два резко прочерченных полюса. С одной стороны, это более или менее благополучные так называемые «новые белые», от крупного менеджера до классного программиста. Это люди, свободно вошедшие в новые реалии, как правило, хорошо оплачиваемые, но именно по этой причине ориентированные главным образом или исключительно на глобализацию. Город для них просто место пребывания. Завтра переведет их фирма в Сингапур, Того или Гренландию - многие, если не большинство, спокойно поедут. И будут жить там точно так же, как в Москве, нимало не волнуясь делами города, пока это их лично не коснется. В то же время эти люди для Москвы необходимы, ценны своими инициативой и опытом, энергией и образованием. Там, где успешных людей много, иначе начинают выгладеть дома и дворы, меняется город, его атмосфера. Они не только сами чего-то добиваются, они еще катализатор конструктивных процессов в обществе. Москва должна конкурировать за их привлечение и удержание.

Противоположная категория - люди, чьи статус и доходы за последние 15 лет резко снизились. Между тем функции, которые выполняют образование, здравоохранение, культура, наука - а речь главным образом об этих сферах, - необходимы городу и стране. Задача социальной политики города: поддержать этих людей, дать им

возможность делать свое дело, преодолеть их нарастающее отчуждение от общественных дел и проблем, от власти, от государства, наконец. Потому что многие из них прямо или косвенно тоже катализаторы тех настроений и процессов, которые происходят в обществе. Роль учителя и врача необычайно велика. И только трагические гримасы нашей истории столкнули эти категории граждан на социальную обочину. Я уверен, что так будет не всегда.

Почему, например, выборы у нас нередко принимают безобразные и постыдные формы? Почему в них, в политической борьбе «проходят» такие аргументы и методы, которые мог бы разоблачить, кажется, вчерашний десятиклассник? Не потому ли, что москвичи из первой и из второй групп сторонятся этой деятельности, бегут от нее и от самого голосования? Что выиграли от самоотстранения интеллигенции город и страна в целом? Насколько я мшу судить по собственному опыту, эти люди жаждут активности, но откликаются они только на те призывы и дела, в которых им видны смысл и честность.

Третья социальная проблема - та молодежь, которая по разным причинам не попадает или даже не ставит цель попасть в вузы. На работу устроиться непросто, особенно без специальности и опыта. Парней ждет армия, поэтому многие из них и не стремятся идти на работу, зная, что вскоре им все равно надевать форму. Итог: достаточно большое число тех, у кого в изобилии энергии и свободного времени и кто не всегда знает, как ими распорядиться с толком для себя. О городе не говорю.

У этой проблемы четыре уровня - здоровье детей, учеба, занятость и, наконец, жизненная перспектива, цель в жизни.

Москва в последние годы напрямую взялась не только за детское здравоохранение, но и за организацию отдыха детей. Содержание формулы «детский от-

дых» включает далеко не только такой привычный набор его форм, как оздоровительные лагеря, пансионаты, санатории, экскурсии, спортивные секции. Отдых детей должен увязываться в единое целое с познанием - кружки, секции, экскурсии, - знакомством с родным городом, историей и природой Москвы и других регионов России. Отдых - это и нормальные условия во дворах и микрорайонах.

При этом влияние города, его роль не должны ограничиваться только периодом каникул и поддержкой летних городских лагерей (хотя такие лагеря - дело очень нужное). Город способен и будет стремиться оптимизировать инфраструктуру детского отдыха, приближать ее к детям. Город может и должен координировать все формы детского досуга и отдыха, может взять на себя обобщение соответствующей информации и обеспечение широкого доступа к ней.

Особо подчеркну, что защита здоровья детей в Москве включает не только стимулирование соответствующих полезных начинаний, но и блокирование негативных форм социальной организации, как показывает практика, тесно смыкающихся с организованной преступностью. Ни для кого не секрет, что в столице существует разветвленная сеть наркобизнеса, в том числе с использованием ночных клубов, и пивного бизнеса. Локализация этой инфраструктуры и оттеснение ее от детей и подростков - важнейшая задача города.

Образование. Похоже, все силы здесь вот уже сколько лет тратятся на еще одну из так называемых «реформ». Говорю «так называемых», потому что по многим признакам это никакая не реформа, а очередная революция.

Главное ее содержание - снять заслон на пути приватизации образовательной инфраструктуры. Очень хорошо помню, как засуетились реформаторы от образова-

ния, когда года три назад на заседании Государственного совета я обратил внимание Президента и глав регионов на подозрительную поправочку, которую предполагалось внести в закон об образовании. Всего лишь - допустить возможность изменять статус вузов с государственного учреждения на государственную организацию. Для неспециалистов скажу, что государственные учреждения не подлежат приватизации, государственные же организации могут быть акционированы, а затем и приватизированы. Сегодня вуз - государственное учреждение с весьма ограниченной хозяйственной самостоятельностью, завтра, глядишь, уже государственная организация, а послезавтра - акционерное общество. А ведь высшая школа - это последний сочный кусок неприватизированной недвижимости, это дорогостоящие участки земли в центральной части крупнейших городов. Так что за всеми этими играми в «разнообразие форм», скорее всего, стоят очень конкретные интересы.

Если же говорить о существовании задач *развития* отечественного образования, то давайте сначала возьмем и сформулируем - внятно и честно, - какую среднюю школу и какую высшую школу мы хотим получить в результате реформы. Только на вопрос этот невозможно ответить, пока мы не ответили на другой - какую Россию мы создаем, какой хотим ее видеть через 5-10-25 лет. Россию - страну «третьего мира» или все же способную на большее? Тип общества, тип экономики определяют и тип образования, и жизненные перспективы сегодняшних учеников и студентов.

Китайцы говорят: «Если планируешь на один год - расти рис, на двадцать - выращивай деревья, на века - воспитывай детей!» Реформа образования определит будущее страны. В любом случае - будет ли она удачной или провальной. Пока мы движемся вслепую, по

инерции. И прежде чем разбазаривать ресурсы, оставленные нам предыдущими поколениями, надо хорошенько подумать, что мы получим в результате.

Моя позиция - как отца двух школьниц, имеющего к тому же пять внуков, - заключается в следующем.

Первое. Мы должны вернуться к практике всеобщего обязательного среднего образования. По нынешней Конституции обязательным является лишь неопределенное «основное общее образование». Содержание такого термина очень легко поменять. Вчера было восемь лет, завтра - семь. Потом в Минфине скажут, что денег хватает только на пять. Конституция позволяет. Но... даже с финансовой точки зрения учить детей гораздо дешевле, чем содержать в колониях. *Тот, кто экономит на школах, разоряется на тюрьмах.*

Второе. Мы должны положить конец слепому копированию. Если в американском, китайском или тайландском образовании есть что-то, чего нет у нас, сам этот факт не является основанием ни для каких выводов. У нас долгое время была десятилетка. Несколько лет назад тихо-тихо перешли на одиннадцать лет. Теперь, оказывается, одиннадцати мало - давайте двенадцать. Дескать, везде в мире двенадцатилетка. Но это же чушь! У нас от Российской империи осталась широкая колея железной дороги, а везде в мире - узкая. Ну и что, перешьем все полотно?! Вместо того чтобы придумывать подобные эксперименты, лучше посмотреть в будущее и увидеть, что совсем скоро нам светит массовое сокращение учителей. Детей стало мало, очень мало. В московских школах сейчас набирается один, максимум - два первых класса по двадцать ребят. Почему бы не пойти по пути сокращения нормативов наполнения классов до 15 учеников? Тогда мы сохраним учителей. Но одновременно мы повы-

сим качество обучения. Ведь это элементарно. Почему об этом никто даже не заикается?

Третье. Мы должны исходить из того, что содержание получаемого образования на порядок важнее, чем управленческие удобства. Зачем нужно ликвидировать веками складывавшуюся систему экзаменов, школьных и вступительных. Эта система ориентирует учащихся на понимание смысла наук. Школьник слушает учителя, читает учебник и помнит, что потом ему придется самостоятельно написать сочинение или в устном ответе самостоятельно сформулировать смысл темы. То есть придется убедить экзаменатора, что он знает и понимает ее. Сегодня нам предлагают переориентировать весь образовательный процесс в средней школе на подготовку к тестированию, к угадыванию простого ответа на сложный вопрос. Прямо игры в наперсток, в которые играют министерские мужи.

Наконец, четвертое. Задумайтесь над парадоксом. Почему пенсионеры наши получают пенсию от России в целом, а содержание школьного завтрака для детей зависит от того, как наполнен местный бюджет? Федеральное правительство год за годом сокращает налоговую базу субъектов Федерации и муниципалитетов, централизует доходы. Почему оно не хочет взять на содержание все школы России? Я слышал, что в некоторых регионах есть школы, где детей, за чье питание доплачивают родители, кормят отдельно... Мне очень любопытно узнать, хотели бы уважаемые члены федерального правительства, чтобы их дети ели свои йогурты под голодными взглядами сверстников? Или они (члены) не понимают, к чему такое может привести?!

Конечно, столичные власти не в состоянии решать все вопросы за федеральный центр. Мы имеем тот федеральный центр, который имеем. Но то, что в наших

силах, мы делали и будем делать. Финансируя образовательные программы. Правительство Москвы, как правило, увязывает свои инвестиции с будущими потребностями городской системы. Будучи самым рыночным городом России, столица одновременно и самый плановый город. Мы знаем, сколько нам будет нужно, например, врачей определенной специальности, какова будет потребность в учителях, какие кадры завтра понадобятся в муниципальных структурах. И мы фактически заказываем их подготовку. Те юноши и девушки, которые получают образование в рамках такого «городского заказа», знают, что у них будет работа.

Не последнее в ряду молодежных проблем - жизненные перспективы. Если человек не видит для себя в будущем возможности улучшить свою жизнь, если он понимает, что уровень доходов, качество и площадь жилья, уровень и качество жизни, социальный статус останутся примерно теми же, что были унаследованы от родителей, - у него нет стимулов к образованию, и не только к образованию. Учить его трудно, иногда невозможно и бессмысленно. И тогда участие в неформальных группах, движениях, пристрастие к наркотикам и алкоголю заменяют ему жизненную перспективу. Здесь корни и молодежных банд, и организованной преступности, и терроризма, и многого другого.

У молодежной проблемы много причин, много ступенек вызревания. Надо бороться с алкоголизмом и прочими социальными болячками, чтобы возможно меньше было у нас так называемых «неблагополучных семей», число которых угрожающе растет.

Все это не только проблемы Москвы, они в разной степени стоят в любом крупном городе, во всей России.

Юрий Михайлович, жителями других городов, да и многими москвичами Москва воспринимается как город изобилия. Потребности очень многих людей гораздо скромнее, чем то, что им может предложить столичный рынок и столичный сервис. В прошлом году Москва вышла на второе место в мире по продажам автомобилей БМВ. Похоже, что у нас в Москве формируется общество потребления, то самое, о котором в свое время критически говорили не только партийные пропагандисты, но и выдающиеся деятели советской культуры. Да и старомосковские традиции, кажется, не очень гармонируют с нормами общества потребления. Скажите, это кричащее изобилие Вас самого не раздражает? Ведь Ваши личные потребности достаточно скромны. Люди, кстати, об этом мало знают. Как Вы сами относитесь ко всему этому?

Раздражает или нет, не суть важно. Часто раздражает, конечно. Но нельзя свои личные потребности навязывать людям в качестве стандарта, а свои эмоции делать основой экономической политики города и принимаемых решений.

Никакого кричащего изобилия в Москве, на мой взгляд, нет. Есть кричащая бедность, нищие и бомжи, съезжающиеся сюда чуть ли не со всего СНГ. И есть кричащее бескультурье, стремление части не слишком богатых людей кичиться своей относительной и не все-

гда праведной состоятельностью. Такое в Москве бывало и раньше, почитайте Гиляровского или о годах нэпа.

Есть еще одна сторона проблемы, уже сугубо рыночная. В Москве еще только складываются территориально-торговые ниши. Возьмите любую западноевропейскую страну и в ней любую столицу. Каждый житель Лондона, Парижа, Брюсселя, Рима, Мадрида отлично знает, в какой район, на какую улицу, в какой магазин он пойдет за едой, одеждой, другими товарами сообразно своему положению и доходам. И куда он заведомо не пойдет: или потому, что там ему не по карману, или потому, что не солидно, не престижно. Но в Западной Европе это все формировалось минимум двести лет.

У нас же в одном и том же универсаме продают и пиво, хлеб по стандартным ценам, и дорогую экзотику. Но административные меры здесь бессмысленны, даже вредны. Владельцы торговых площадей сами поймут, на какой контингент покупателей им выгоднее работать, и со временем в Москве все-таки произойдет специализация торговли и сферы услуг по товарным, территориальным и социальным нишам.

Отчасти мы за что боролись, на то и напоролись. Мы сами темой отсутствия колбасы в советских магазинах вытеснили все прочие проблемы из общественной дискуссии. Изначально сориентировались на приватизацию и общество потребления, на рынок как способ достижения такого общества. Идеалы демократии, свободы были актуальны далеко не для всех. И сегодня тоже не всех они волнуют. О гражданском обществе заговорили совсем недавно, в последние три года. Хотели рынка, стремились к нему: он, дескать, принесет изобилие - вот он и принес.

Рынок - это обслуживание платежеспособного спроса. А платежеспособный спрос формируется по принципу веера. Он начинает складываться с самой состоятельной части рынка и постепенно доходит до самой демократической части. В Москве рынок ориентирован пока еще в большей степени на верхние группы доходов. Не было бы такого спроса на бронированные лимузины, предметы роскоши - уверяю вас, никто бы ничего этого в Москву и не повез. Так что это не политика правительства города, это результат действия механизмов рынка.

Откуда в Москве такой спрос, в общем-то понятно. По некоторым оценкам, примерно половина богатых и просто состоятельных людей России живет в Москве. Другая часто сюда наведывается. Поэтому в Москве высока доля дорогих товаров, услуг, элитного жилья. Высока у нас в сравнении с Россией в целом и доля так называемого «среднего класса», причем - вот один из парадоксов Москвы! - его высокооплачиваемых категорий. Посмотрите, сколько народу каждый день во всех крупных торговых центрах Москвы - а их за последние годы появились десятки. Посмотрите, что там творится перед каждым Новым годом и праздниками!

Неприятно ли все это для тех, кто вынужден считать каждый рубль? Наверное, да. А кто-то уже привык и не замечает. Не в этом дело. Нет «изобилия вообще». Оно всегда конкретно. Должно таким быть для каждого человека, каждой категории покупателей. Если у вас на одном прилавке лежат товары для пенсионера и миллионера, это не изобилие, это бедность. Между прочим, и для миллионера тоже. Значит, ему некуда больше пойти за тем, что только ему и нужно. Значит, совершая покупки по безумным для рядового москвича ценам, но рядом с таким москвичом, милли-

онер - я это для примера говорю - будет чувствовать себя не очень хорошо. Все остальные, скорее всего, тоже. И тогда мы получим никому не нужную социальную напряженность. Или очень обеспеченные люди просто уйдут с московского рынка - от чего город потеряет и в доходах, и в рабочих местах, и в качестве сферы торговли и услуг.

Изобилие - это когда человек с любым уровнем дохода приходит в соответствующий его доходам и положению магазин, торговый центр и там может выбирать из достаточно широкого спектра товаров и услуг. Это значит, что *на рынке должна быть конкуренция не только за миллионера, но и за среднего, и за бедного покупателя*. Пока в Москве такой конкуренции мало, только в последние два-три года начинает формироваться такой рынок. К нам пришли западные компании, работающие со средним классом. Есть, конечно, относительно небольшая прослойка людей - по России это 2-3 процента, в Москве по причинам, о которых я говорил, немного больше, - которая может позволить себе почти все. И есть существенно более многочисленный слой людей, которые, к сожалению, каждый рубль считают.

Почему так происходит? Рынок у нас - я имею в виду не базар, не толкучку, а рынок как экономическую категорию - привык работать с исключительно высокой нормой прибыли. Десятки, сотни процентов. Такой нормы прибыли нет ни в одной развитой стране. Отчасти объяснение тому-уровень коррупции. Но это только одна сторона медали. Другая же сторона - будем ли мы *работать* на рынке, хотим ли мы это делать. Снижение нормы прибыли надо компенсировать увеличением товарооборота, тогда масса прибыли не уменьшится, а может и расти. Но для этого надо рабо-

тать, вкалывать. Куда проще поставить цену повыше и сидеть спокойно, ждать богатого покупателя. Это признак еще очень слабого, неразвитого рынка.

Общество потребления у нас действительно складывается. Оно и должно у нас быть. Смысл нашего разворота к капитализму как раз в том и состоял - или, как минимум, тем и объяснялся, - чтобы наряду со свободой и демократией получить еще общество потребления.

Кажется, многие начинают забывать о том, что на рубеже 1990-х годов в Москве буквально ничего нельзя было купить: из магазинов стали исчезать даже соль, спички и мыло. Фактически в городе была введена карточная система, подобная той, которая была во время войны и после нее. Москва была на грани элементарного голода. Насытить город товарами и услугами... Да, это подходящее слово - насытить, сделать сытым - такая задача стояла и продолжает стоять перед Правительством Москвы. И, положив руку на сердце, любой непредубежденный человек скажет, что эта задача выполняется исправно. В этом отношении Москва не отличается в настоящее время от Лондона и Парижа, Нью-Йорка и Токио.

Выйти из того тупика можно было только через подключение Москвы к глобальной рыночной экономике: выбирать не приходилось, другого пути не было. Чтобы не погибнуть, город буквально распахнулся, открылся глобализирующемуся миру. Помните первый «Макдональдс» на Пушкинской площади? Казалось бы, ничего особенного - место, куда люди сегодня заходят по пути, чтобы перекусить, покормить детей мороженым. А ведь первое время он казался чуть ли не храмом новой жизни - вспомните очередь из москвичей и приезжих, которые причащались этому новому миру.

Если у нас не будет общества потребления, то непонятно, ради чего Россия в четвертый раз за столетие пошла на баррикады. Но общество потребления в западном смысле этих слов - это когда потребляет все общество, а не только верхние 2-3-5, да хоть бы и 15 процентов. Нам к такому обществу еще очень долго шагать и в Москве, и особенно во всей России. *Пока в Москве не одно общество потребления, а, я бы сказал, два - общество выживания и общество выпендрежа.*

Задачу Правительства Москвы лично я вижу в том, чтобы помочь становлению в городе общества цивилизованного потребления, ускорить этот процесс. Для этого нужно помочь рынку как можно быстрее и качественнее выйти на средние и низшие группы доходов. Снизить элитную долю рынка не «экспроприацией экспроприаторов», как предлагали коммунисты, а путем развития всех прочих рыночных секторов. Тех, которые обслуживают основную массу москвичей.

Главное условие данной задачи - обеспечить стабильность социально-экономического развития. Нужно запускать такие механизмы, которые позволяют индивидуальное потребление каждого отдельного человека сделать выше, чем его материальные возможности в конкретный момент времени - через продажу в кредит, аренду, лизинг, ипотеку и т.п. Против целенаправленного внедрения всего этого вряд ли кто-нибудь будет возражать. Но все эти меры возможны только при условии стабильного и устойчивого развития Москвы, да и всей России.

Развивать массовый рынок приходится, преодолевая противоречия. Москва уже много лет прилагает немалые усилия к тому, чтобы закрыть всевозможные толкучки и создать на их месте цивилизованные рынки и торговые центры. Некоторые москвичи на нас оби-

жаются, говорят: раньше на толкучке было дешево, теперь понастроили дворцов, в них все цены «кусаются». Не согласен.

Прежде всего это вопрос культуры города. Не только в плане мусора на базарных местах, внешнего вида рынков - хотя это важно. Но прежде всего с точки зрения самоуважения каждого москвича и уважения друг к другу и к городу. Человек, купивший что-то в чистом магазине, с нормального прилавка, а не на грязном тротуаре или с грузовика, - такой человек и ощущает себя совершенно иначе. Уважение к самому себе - огромная сила, и оно или есть, или его нет. Не может быть уважения к себе на работе или в доме, если оно исчезает в момент общения со сферой торговли.

Более цивилизованные формы тянут за собой и другие экономические и социальные последствия. Вместо базаров появились магазины, а в них - кассовые аппараты: значит, город стал получать больше налогов. Эти деньги возвращаются москвичам в виде социальных программ, новых дорог, жилищного строительства - всего того, что делает город. И одновременно труднее стало уводить расчеты в тень, а значит, меньше возможностей давать - и брать - взятки. Вот еще и удар по коррупции. Не фатальный для нее, к сожалению, но все же ощутимый. Одновременно мы сужаем питательное поле криминала. Ведь он гнездится именно там, где расчеты ведутся «черным налом».

Из казарменного коммунизма мы ушли. Надеюсь, необратимо и навсегда. Да, в нас большой след оставила коммунистическая демагогия. Хотя при социализме в действительности равенства не было и в помине. Так что разнообразие и неравенство людей на рынке не есть что-то совершенно новое для нас. И если

говорить о равенстве, то о равенстве стартовых возможностей и о равенстве всех перед законом.

Все остальное - вопрос культуры человеческих отношений. Не может быть культуры потребления, пока у нас не сложилось общество потребления, пока нет настоящего изобилия. Выйдем из переходного периода, из этапа выживания - надеюсь, исчезнет и многое из того внешне крайне неприглядного, с чем мы сталкиваемся сегодня.

С другой стороны, затянем переход, не сумеем создать емкий платежеспособный рынок, общество потребления - приживется тогда весь тот негатив, о котором Вы спросили. Очень не хотелось бы.

Москва является центром российского коммуникационного, информационного пространства, центром связи с миром. В информационном обществе роль этих факторов неизмеримо возрастает. «Москва виртуальная», «Электронная Москва» - как Вам видятся эти образы столицы?

Мы живем в век информационных технологий, без которых немислима ни одна сфера современной жизни, от работы правительства до отдыха и развлечений. Для меня эти технологии не секрет, я с ними работаю ежедневно и в самых разных формах.

Кстати, считаю абсолютно ошибочным мнение, будто овладение этими технологиями по силам только молодым. Конечно, новые поколения усваивают их «на лету». Но я видел людей уже весьма почтенного возраста, намного старше меня, которые дали себе труд и свободно обращаются с современными технологиями. Много видел и тех, кто заранее заявляет «это мне уже не по возрасту». Тут тоже все от человека зависит, от его самооощущения.

В Вашем вопросе проскальзывает старое видение происходящих изменений. Вы говорите о том, что Москва является центром. В данном случае российского

коммуникационного пространства, связи с миром. И кто-то может даже вообразить кабели, которые узлами сходятся в одной точке. Это, пожалуй, представление, унаследованное всеми нами от централизованной системы, в условиях которой все сходилось в центре и все из центра исходило - вплоть до колбасы. Это ловко подмечено народной мудростью. Помните анекдот? Вопрос: «Что такое-длинное, зеленое, пахнет колбасой?» Ответ: «Пригородная электричка из Москвы». Именно эта система и привела к коллапсу Советский Союз - из-за невозможности все централизовать и все централизованно распределить. Стали преобладать центробежные тенденции, общество и государство стали дробиться - вплоть до «атомов», единиц натурального хозяйства, семей, которые начали у многоэтажных домов высаживать огороды, а на балконах держать коз и кур. Было такое, было...

Сейчас Москва, даже если бы захотела, не смогла бы стать единственным центром связи России с миром. Просто потому, что в современную эпоху связь с миром децентрализована. Возьмите очень распространенные в настоящее время вещи. Глобальная телефонная связь посредством роуминга позволяет связываться из любой точки России с любой точкой России и мира. Спутниковое телевидение позволяет принимать телевизионные программы на любом языке. Интернет позволяет, находясь в любой точке земного шара, прочесть свежий выпуск любой газеты мира. Это и есть Новый мир - с множеством центров, или узлов, к любому из которых человек может подключиться по необходимости или по своему выбору.

Поэтому Москва в моем представлении - не центр, а город, который идет впереди, должен идти впереди, в том числе и в области коммуникаций. Упомянутый

Вами проект «Электронная Москва» очень важен для Москвы и России. В нем заложен большой потенциал формирования и развития гражданского общества, так как он гарантирует поддержание связей между каждым человеком и городом в целом, дает человеку возможность быть участником всех процессов городской жизни и, что важно, воздействовать на них.

Сетевая связь, не предполагающая прямого, непосредственного общения, сближает людей, консолидирует общество. Через Интернет можно пообщаться с друзьями. А можно - с властью, причем минуя утомительную у нас встречу с бюрократическим аппаратом. Если нам удастся осуществить проект «Электронный паспорт москвича», как он сейчас задумывается, это позволит в автоматическом режиме решать массу вопросов - от начисления и получения зарплаты или пенсии до покупки продуктов и лекарств. Он позволит бесплатно или за минимальную плату выходить в городскую Сеть с общедоступных терминалов в библиотеках, на вокзалах, в супермаркетах, не говоря уже о мобильных телефонах. С этих терминалов, как и с домашних компьютеров, можно будет получать любую информацию. Возможности этой пластиковой карточки, своего рода «пропуска» в Сеть, поистине безграничны. С ее помощью и с использованием мобильного телефона можно будет одним нажатием кнопки подавать сигнал о помощи, а электроника и связь будут определять, от кого сигнал поступил, где этот человек находится и давать подсказки отрядам спасения или милиции.

Конечно, никто в московском правительстве не витает в облаках. В такой электронной системе будет сконцентрировано много, критически много личной информации. Это накладывает на всех нас ог-

ромную ответственность. Несанкционированный доступ к такой информации будет исключен. А процедура регламентированного доступа тщательно продумана.

«Электронная Москва» переведет на качественно новый уровень весь процесс управления городом, позволит контролировать городские системы в автоматическом или полуавтоматическом режиме и иметь обобщенный образ Москвы в масштабе реального времени. Есть надежда на то, что «Электронная Москва» позволит более успешно регулировать транспортные потоки, а также снизить их интенсивность. Ведь Москва сейчас буквально «захлебывается» автомобильным транспортом, а значительная часть транспортных передвижений вызвана - Вы сами знаете это по своему опыту, потребностям связи в широком смысле этого слова - поездкой в магазин, библиотеку, учреждение и т.п.

Но главное все-таки в том, что Москва, вследствие возникновения в Сети этих миллионов соединений в минуту, станет еще более цельным, единым городом.

Информационные технологии очень симпатичны мне как управленцу. Возможность постоянно иметь под рукой огромный массив юридической, статистической информации, карт и схем, планов; отслеживать идущие в городе процессы - графика сразу многое выявляет - все это повышает эффективность управленческого труда. Возможность вынести на официальные сайты мэрии, правительства города, управ ту информацию и те документы, по которым обычно бывают вопросы и недоразумения, - это и время экономит, и позволяет бороться с коррупцией.

Конечно, этот проект находится только в начальной стадии. Нам нужны время, средства, а главное -

люди. Те, кто будет работать в новых системах, те, кто разбирается не только в технике, но и в проблемах, которые решает Правительство Москвы. Избытка таких людей мы пока не ощущаем. Нужна высокая техническая надежность системы информации. Нужны культура и платежеспособность людей: чтобы человек мог пользоваться дома компьютером, подключить его к Интернету и общаться с нужными ему структурами.

Что в наших силах, делаем. Людей на уровне управ и правительства готовим. «Электронную Москву» развивать будем обязательно: это не роскошь, а необходимое средство и условие работы.

Часто говорят, что Россия лишь «сырьевой придаток» новой глобальной экономики. Но Москва, очевидно, не подпадает под это определение. Москва может и должна играть тут другую роль, «подтягивая» тем самым всю Россию в экономику будущего. Как Вам видится решение этих задач?

Это не задача города. Москва уже вносит, будет вносить и впредь свой вклад в ее решение - но ставить и решать задачи подобного масштаба может и должно только государство в целом. Разумеется, Москва и Россия идут и пойдут дальше, как говорят альпинисты, «в одной связке». Лидерство же должно быть за федеральным центром и его политикой. Москва, со своей стороны, в этом предельно заинтересована.

«Эффект подтягивания» экономики России Москва объективно дает. Город имеет экономические договоры и соглашения со многими регионами России. Большое число московских фирм и предприятий имеет филиалы и смежников по всей России. Московский бизнес, московские капиталы уже давно в регионах.

Хуже того, со временем становится все более очевиден эффект, которого мы, честно признаюсь, не ожидали: малые города хиреют в тени гигантов. В Москов-

ской области 74 города, из них всего 15 с населением более 100 тысяч. Многие думают, что область процветает. Но ученые давно уже обратили внимание на то, что признаки стагнации, запустения особенно заметны в малых городах, расположенных вокруг крупнейших центров. Это характерно не только для Московского региона. Это можно сказать о Свердловской, Челябинской, Ленинградской, Нижегородской, Пермской, Ростовской областях, о Краснодарском крае, о республиках Татарстан и Башкортостан. Большие города притягивают рабочую силу, в них рвется энергичная молодежь, идут капиталы. Непонятно пока, это специфика современного положения в России или одно из универсальных следствий глобальной экономики. В свое время в СССР изобрели понятие «неперспективной деревни». Как бы нам не пришлось столкнуться с проблемой неперспективных городов и регионов.

Подобное положение - противостоит естеству. Убежден, что неперспективных городов, регионов быть не может. То место, которое обжито поколениями, у которого есть история, памятники, это место самоценно. Запустение земель равнозначно умиранию России. Нельзя подходить к этому вопросу только с рыночными мерками. Нельзя просто взять и чохом поднять тарифы на электроэнергию, нельзя просто взять и повысить цену горючего. Надо понимать, что в результате через месяц в глубинке прекратится движение сотен автобусных маршрутов. Города и поселки окажутся отрезанными от «Большой земли». И это помимо всех прочих последствий. Я понимаю, что правительство ничего с Чубайсом поделывать не сможет. Чубайс сильнее. Но и правительство, и даже Чубайс не вечны. Они уйдут, и к вопросам этим все равно придется вернуться. Рыночная экономика - это только мотор, с которым

страна движется во времени. И если мотор не тянет, лучше остановиться, перебрать его...

Надо видеть и долговременную сторону проблемы. Запустение земель началось еще в СССР. В разные периоды у него были различные причины. Аналогичные процессы происходят, пусть не так резко, во многих других странах. В больших по территории государствах значительные пространства остаются незаселенными. неосвоенными. Население везде в современном мире тяготеет к городам, уходит из сельских районов. Причины понятны: город во всех отношениях может предложить гораздо больше.

Значит, надо продумывать связи крупных городов и территорий. Не только Москвы и Московской области или, допустим, Санкт-Петербурга и Ленинградской, но и Москвы с Уралом. Сибирью. Дальним Востоком. Эти связи должны скреплять, цементировать страну, которая сегодня связана в широтном плане лишь нитью Транссиба. И задача эта опять не только Москвы, но прежде всего федерального центра.

Москва как часть России не может существовать отдельно от государства. И все проблемы российских экономики и политики, которые проистекают из специфики нашего экспорта, Москва ощущает полной мерой: через налоги, через политику федеральной власти, через бюджетные связи города и государства, через курс рубля.

Динамика валютного курса, что сложился у нас за последнее десятилетие, выгодна прежде всего экспортерам энергоресурсов и сырья. Но одновременно она тормозит, сдерживает развитие перерабатывающих отраслей или того же строительства. Себестоимость квадратного метра жилья в Москве сегодня около 500 долларов, средний уровень зарплаты москвича - 200-300 долларов.

Вот и считайте, сколько он должен будет копить на самую маленькую квартиру. И какая ипотека возможна при такой средней зарплате? Специалисты подсчитали: ипотечный кредит может сегодня взять в Москве человек с доходом не менее 50 тысяч рублей - или минимум 1500 долларов - в месяц. Такие люди в нашем городе есть, но для загрузки московской индустрии и строительного комплекса их слишком мало.

Главное, если ориентироваться только на удовлетворение потребностей богатой части населения, - это неминуемо создаст глубокие, потенциально опасные экономические и, не исключено, социальные перекосы и в самой столице, и в отношениях Москвы с остальной Россией.

С этой точки зрения поучительно было бы пристально взглянуть в историю Петербурга как города знати и богатства, города политической и социальной элиты тогдашней России, ее, так сказать, «зимнего имения». Взглянуть в ту роль, какую эта история Петербурга сыграла в судьбе России на рубеже XX столетия. Да. Питер был городом-окном, прорубленным в Европу. И с этой задачей справлялся неплохо. Но в окна смотрят из дома на улицу, а не наоборот.

Я иногда задумываюсь: если бы столица России в начале XX века была не в Петербурге, а в Москве, произошла бы у нас в стране революция или нет? Столица, стоящая на самой крайней границе империи. Западной, ближайшей к Европе - но крайней. Во многом оторванная от страны. Ведь связи столичных элит были сначала с Европой, а уже потом с российской глубинкой. Оторванная от страны по уровню, качеству жизни, по бытовой культуре. Оторванная еще и отсутствием исторических корней и связей: город, основанный в противовес традиционным российским цент-

рам, - даже внешне разительно отличный от российских городов.

Говорю это все не в укор Питеру. Если рвется внутренняя целостность страны - духовная, экономическая, иная - ее дестабилизация в конечном счете неизбежна. А сегодня рождаются новые разрывы.

На мой взгляд, в стране давно назрело глубокое противоречие между добывающим сектором экономики, всеми, кто с него кормится, прямо или косвенно, со всеми остальными секторами - обрабатывающим, социальных услуг, строительством и сельским хозяйством. Москва в силу своих роли и места в стране, особенно в экономике и финансах, оказывается в самом центре этого противоречия.

Нужно целенаправленно идти к реальной интеграции Москвы и России, центра и регионов, согласования интересов всех секторов экономики. *Делать это в интересах развития России.*

Мы каждый день можем видеть, как изменяется Москва - многие процессы на поверхности, каждый день что-то происходит, меняется, строится, растет и т.д. Но за этим видимым развитием скрываются и более глубокие, внешне незримые, но подчас и более значимые процессы. Видите ли Вы их? Какие «тектонические» процессы подобного рода происходят сегодня в Москве и с Москвой?

По природе таких процессов они очень длительные, медленные; собственно, потому и малозаметны. Никто их не «прячет», просто выявление и диагностика - задача специалистов (а по иным процессам и специалистов не бывает...).

Город, как любой мегаполис, притягивает к себе население и ресурсы, тяготеет к слиянию с пригородами. До Германии или особенно Японии, где можно проехать несколько сот километров и не заметить границ между городами и населенными пунктами, нам пока далеко. Но сейчас в Москве десять миллионов жителей; днем, считая с приезжающими в город на работу, Москва «тянет» уже на 10 процентов населения России. Если добавить сюда Московскую область, особенно ближнее Подмосковье, то в недалеком будущем, лет через 15-25, на долю столичного региона может прийти уже процентов 20-30 населения России, а

возможно, и больше. При наших просторах, при очень низкой в целом по России плотности населения не будет ли такое положение иметь катастрофические для страны последствия?

Мне кажется ненормальным положение, когда значительная часть населения страны концентрируется в ее столице или в двух-трех крупнейших городах. Для России с ее пространствами это означало бы, что основная часть территории страны фактически брошена населением. Не «не освоена» - освоение предполагает, что человек из традиционных районов обитания постепенно расселяется в новые. У нас пока все обстоит с точностью до наоборот: население уже на протяжении многих десятилетий покидает сельские районы и перебирается в города, в том числе в Москву. Так было в Европе, в Америке, в Японии. Но где этот предел для России? Приемлема ли для нас американская модель, где фермерством занимаются 2 процента населения? Ведь живут там за пределами городов существенно больше, чем 2 процента. Или человек по типу расселения все больше приближается к муравьям, концентрируясь в огромных количествах на минимальной площади?

Второе. Надо задуматься о соотношении градоподдерживающей и градообразующей частей экономики Москвы. Градоподдерживающая деятельность нужна для сохранения и воспроизводства города, всех его инфраструктур, среды обитания, для поддержания жизни горожан. Чем больше город, тем больше затраты на это. Причем зависимость здесь нелинейная. Если численность населения возрастает в два раза, затраты на поддержание условий жизни приходится увеличивать раза в четыре. А средства на все это дает градообразующая деятельность. Ведь городское хозяй-

ство не может быть натуральным. Необходимо создавать продукт, который пользуется спросом за пределами города. И доход города должен быть достаточным для покрытия издержек на поддержание жизни. Если градоподдерживающая деятельность недостаточна - перед городом встает угроза торможения развития. Чтобы этого не произошло, нужно повышать производительную силу городской среды. Изымая из бюджета Москвы ежегодно все большие суммы, федеральные власти не только подрезают перспективы развития города, но и хуже того - лишают город и его жителей стимулов к активной хозяйственной деятельности. По существу возрождают ту систему социальной мотивации, которая успешно завела в тупик Советский Союз.

Третье. Цена на землю в Москве растет, и это закономерно. Такое происходит во всех больших городах. Стоимость земли под центром начинает на порядки превышать ее цену за городом, тем более в стране в среднем. Эта «иерархия цен» закрепляет все более жесткую социальную иерархию, делает общество все более жестко структурированным, кластерным. И в долгосрочной перспективе создает предпосылки для экономического и социального разрыва между городами - особенно крупными и крупнейшими - и остальной частью страны. Разрыва не только в России, но везде в мире, где происходят аналогичные процессы. Если цены будут продолжать расти, это может в итоге привести к финансово-экономическому коллапсу крупных городов, утрате их экономических динамики и жизнеспособности (хотя сегодня в это трудно поверить). Цены просто окажутся столь высоки, что обычная хозяйственная деятельность в городе утратит всякий смысл, начнет сворачиваться. С другой стороны, резкое понижение цен на городскую землю в принци-

пе тоже способно спровоцировать экономический кризис: вслед за падением цен на землю может начать обесцениваться недвижимость, упадут доходы города. Крайности маловероятны, но все же последствия неограниченного роста цен на землю для экономики и социальной структуры нуждаются в заблаговременном анализе. Отважное, нужна продуманная, взвешенная на долгую перспективу капитализация городской территории. В США, например, капитализация недвижимости (земля плюс строения) в четыре (!) раза превышает капитализацию всей промышленности. Это - база, фундамент, источник развития.

Вот только когда я говорю о капитализации, я ни в коей мере не агитирую за частную собственность на московскую землю. К сожалению, наши либеральные приватизаторы и здесь пытаются быть впереди планеты всей. В том мире, на который они призывают всех равняться, частная собственность на землю в крупных городах является, скорее, исключением, чем правилом. Там для капитализации вполне достаточно иметь права долгосрочной аренды. А наш Земельный кодекс буквально требует от собственников недвижимости выкупать землю под нею. Это же абсурд. Что город будет делать с этими феодалами через 10-30-50 лет, когда будет совершенно иная ситуация, иные потребности? Выкладывать миллиарды, чтобы дорогу построить или там какие-нибудь электронные сады Семирамиды?

Четвертое. Город-система сложнейшая. И должен развиваться с ясным пониманием его природы и особенностей. Верно говорят, что Москва не сразу строилась. Она созидалась веками, стихийно, по частям, отнюдь не как нечто цельное. И сейчас в истории, в жизни города начался особый период, который продлится лет 20-30. Суть его в том, что на нас будут об-

рушиваться проблемы, накопленные за много десятилетий, даже за последние лет 100-150. Один пример. Мы уже заканчиваем сносить знаменитые «хрущобы». Но ведь «хрущобы» - это только первое десятилетие массового строительства. Конечно, дома, построенные в 1970-е годы, более долговечны, но и им придет свой срок. А ведь масштабы жилищного строительства в 1970-х не идут ни в какое сравнение с предшествующим периодом. И придет время, когда мы встанем перед необходимостью выведения из эксплуатации количества жилья, на порядок большего, чем все, что уже сделано по «хрущовкам». Откуда городу взять средства на переселение миллиона семей? Значит, или должен быть найден принципиально новый экономический механизм городского обновления, или огромные районы Москвы ждет такое же одичание, разруха, какие можно наблюдать во многих крупнейших и богатейших городах мира, в том же Нью-Йорке.

Это объективная проблема, и суть ее в том, что прежняя структура города складывалась, когда люди еще ничего не знали о системном подходе к городскому развитию и управлению. Теперь же, хотим мы того или нет, переход к системной модели городского развития назрел. Переход этот будет очень непрост. Его сроки диктуются экономикой города, нашими практическими возможностями, процессами естественно-го старения существующих инфраструктур, становления новых.

Сегодня город предполагает построить за 15-20 лет около 70 млн кв. метров жилья. Это и много, и мало одновременно. При нынешних подходах большего Москва не потянет. Нужно искать новые, чтобы Москва могла строить и реконструировать ежегодно по 10-15 млн кв. м. Долговечность зданий должна со-

ответствовать мировым тенденциям - 80 лет, с возможностью ремонта и обновления без отселения жильцов. Нам нужны немалые резервы жилья - никак не менее 1% общего объема. На Западе эту проблему частично решили путем создания мобильных жилых домов. Для нашей сильно деформированной экономики это будет еще более актуально. Стоимость же одного квадратного метра должна быть на уровне среднемесячной зарплаты, а в перспективе и половины зарплаты.

Пятое. У столицы есть Генеральный план развития. План отличный, мы по нему сейчас живем и работаем, и будем работать. Но это план преимущественно архитектурный, транспортный, пространственно-планировочный. Я же говорю о необходимости его соединения с планом (или концепцией) социального развития города, с системным анализом и прогнозом основных сторон жизни Москвы. Это совсем другое дело, таким планом не только архитекторы должны заниматься.

Город расширяется территориально, но какие-то пределы расширению должны быть. Их могут задавать экономическая целесообразность, технические и градостроительные решения, наконец, закон. Но мы уже ощущаем необходимость в разработке *идеи* развития города. Долгое время под развитием города понималась совокупность количественных показателей: строительство новых жилья, предприятий, дорог, метро, инфраструктуры и т.д. Это все верно. Но жизнь давно показала и доказала, что «больше» не всегда «лучше». Развитие предполагает качество. Что-то здесь самоочевидно: скажем, охрана природы, качество окружающей среды в целом, обустройство территории. Но только этого мало. В советское время

была идея: создать образцовый город коммунистического будущего. В 1930-е ее воплощение мыслилось по одному, в 1970-е - по-другому, но идея оставалась. Идея теперь в прошлом, реанимировать ее было бы смешно. Но своя «идеология развития» нужна не только стране, но и столице. Возможно, и всему столичному мегаполису.

Можно плыть по течению - куда вывезет. Результат будет скорее всего напоминать опыт многих латиноамериканских крупных городов - красивых в центре, но непомерно разросшихся (в полтора-два-три раза больше современной Москвы), с тяжелейшими проблемами на окраинах, очень непростой социальной ситуацией и городскими властями, захлебывающимися под грузом проблем и обязательств.

Нужна концепция социальной политики города на перспективу минимум лет двадцати. Нужна прогнозируемая экономическая ситуация и твердые - законодательно оформленные - финансовые обязательства города и федеральной власти на период не менее 10 лет. Нужна согласованная концепция развития Москвы и Московской области (говоря это, я никак не посягаю на полномочия губернатора Московской области).

Еще о Генплане. Генеральный план развития Москвы до 2020 года, о котором я упомянул, принят городскими властями, но уже два года не утверждается федеральным правительством. Согласно Градостроительному кодексу, мы и не должны там ничего утверждать. Данная норма восходит к закону о столице, принятому еще весной 1993 года. Я прекрасно понимаю людей из федеральных ведомств, которые настроены на то, чтобы «тащить и не пущать». Я еще лучше понимаю тех так называемых «олигархов», которые стоят у них за спиной.

Я только одного не понимаю - откуда такая самоуверенность?..

Город не может и не будет стоять на месте. Если его развитие начинает искусственно тормозиться, мы не будем ждать последствий, и для города, и для страны. Да, у нас в России сложилась система управления, не предполагающая и не допускающая экономической ответственности управляющих перед народом. Но мы все же постараемся сделать так, чтобы отвечать пришлось...

Шестое. В Москве, как и в любом мировом городе, умножаются проблемы всех видов безопасности, о чем мы уже говорили. Лекарством от безалаберности, безответственности, всевозможных нарушений закона, техники безопасности и т.п. пока остается все же жесткий контроль. По какой схеме он будет развиваться: по авторитарно-иерархической, административной, как контроль только «сверху»: или по сетевой, со множеством обратных связей, с присутствием растущего демократического начала. Вторая схема эффективнее, но сложнее в обустройстве, наладке и требует активного участия граждан, постоянного и заинтересованного. Первая менее эффективна, внезапно оказывается вообще нефункциональной. Психологически же она привычней, больше отвечает российским опыту и истории. Но и потенциально чревата скатыванием в безответственность централизованных структур, убивающих всякую инициативу «снизу», или в региональный тоталитаризм.

Седьмое: транспорт. Москва задыхается от транспортных проблем. Радиально-кольцевая планировка города повышает транспортную нагрузку на центральные районы. Да, одностороннее движение в центре не всем удобно, заставляет колесить, но иначе

пришлось бы двигаться с черепашьей скоростью или вообще стоять на месте. Третье кольцо отчасти снимает нагрузку с Садового, но создает - как всякая дорога - новые транспортные потребности и запросы. Метро отстает от развития новых районов и остро нуждается во втором кольце. При этом за счет федеральных нововведений Москва в последние три-четыре года стабильно теряла 20-30 миллиардов рублей в год. Но транспорт - это еще и коммуникации, связь, трубопроводы, и канализация, и дренаж. Это обеспечение нормальной работы всех структур, включая органы власти. Это безопасность города, его система кровообращения. Возможно, нам удастся со временем ослабить транспортную проблему за счет переключения части транспортной нагрузки на информационные каналы. Проще говоря - не передвигать вещи, а передавать знаки вещей. Мы планируем создать еще один центр Москвы - Сити. Нам нужны новые зоны притяжения в столице.

Москва - это крупнейший и важнейший транспортно-коммуникационный узел России в самом центре страны. Нужна комплексная система транспортного развития Московского региона - единая, целостная, взаимоувязанная. И крайне необходимо отношение федеральных структур к проблемам транспорта в Москве и Московском регионе как к проблеме общероссийского, а не внутригородского значения.

Восьмое. Исторически сложилась радиально-кольцевая структура Москвы, со всеми проблемами такой структуры. Эта структура - архитектурно-планировочный и административный аналог исторической России. Столетиями определяющими чертами нашей государственности были иерархия, жесткая централи-

ция, «пирамида» - властная, социальная, экономическая, культурная, даже транспортная - долгое время все пути шли через Москву. Мысль о сетевой структуре возникает при взгляде на отчетливо выраженные «пояса» городской территории: внутри Бульварного кольца, между Бульварным и Садовым, между Садовым и Третьим, Третьим и МКАД, за которой - пояс городов-спутников. Возможно, читатели этой книги захотят высказать свои соображения. Буду благодарен - и как автор, и как мэр.

XI

**«МОСКВА
БУКВАЛЬНО ОПУТАНА
ПРОБЛЕМАМИ...»**

Руководители сильных регионов нередко критикуют федеральные власти, Правительство России гораздо чаще, чем руководители других регионов. И Вы здесь, пожалуй, лидер. Юрий Михайлович, что мешает Москве развиваться теми темпами и по тем направлениям, которые Вы считаете оптимальными?

Москва не «должна» развиваться так, как считает Лужков. Москва просто должна развиваться. Потому что если город не развивается, он начинает приходить в упадок. Развитие - это вообще способ существования всех форм жизни. А жизни социальной - особенно. Биологическая жизнь развивается и эволюционирует сотнями тысяч лет, гигантскими по продолжительности эпохами. А социальная - веками, сейчас уже десятилетиями. Первые бактерии на земле появились 6,5 миллиарда лет назад. Современный человек - только 200 тысяч лет назад. Европейской цивилизации, считая от Эллады, порядка 2,5 тысячи лет. Весь тот мир, который мы сегодня называем «постиндустриальным», «информационным» и прочими мудренными словами, возник только за последние 30-40 лет.

Что будет дальше? Его развитие остановится? Нет конечно. Тогда каким будет мир уже 2020-2030 годов?

Москва - огромный мегаполис и столица громадного государства - должна думать об этом сейчас.

Так что развитие - это не желание одного человека, даже не желание всех москвичей. Это неперемutable, наиглавнейшее условие жизнеспособности. Развитие столицы - это еще и фактор прогресса страны, статус государства в мире. Не единственный, но важный.

По столице судят о состоянии государства, его перспективах и возможностях. Как человека встречают по одежке, так государство - по его столице. Здесь действует своеобразная закономерность: если дела в столице идут хорошо, обычно говорят: «Ну, Москва еще не вся Россия», как «Париж - это еще не Франция». Верно конечно. Но стоит чему-либо всерьез не заладиться, как состояние столицы уже готовы отождествлять с состоянием страны. При этом чаще всего не ошибаются. Ничто в последние годы СССР не говорило о кризисе страны и системы красноречивее, чем запустение Москвы - нечищенные улицы, пустые магазины, запущенные дворы, скверы, парки... Москва производила впечатление морально опустошенного, поставившего на себе крест города. Трудно было поверить, что страна, у которой такая столица, в состоянии реформировать себя, обновиться.

Идем дальше по Вашему вопросу. Крайне желательно, практически необходимо, чтобы развитие города шло по оптимальной траектории. Здесь оба слова одинаково важны - *оптимальной траектории*.

Критерий оптимальности - не мнение Лужкова, а интересы горожан и города, интересы России. «Оптимальное» не значит «лучшее». Это значит, что цели развития и путь к ним выбираются таким образом, чтобы достичь целей как можно быстрее, полнее и с наименьшими издержками. Цели же ставят москви-

чи. Пожилые и молодые, пенсионеры и работающие, состоятельные и не очень, наемные работники и предприниматели, все виды и типы бизнеса - все те, кто живет и работает в Москве. Мэр же должен постараться, чтобы развитию города было как можно меньше помех.

А «траектория» означает, что и развитие города, и степень оптимальности этого развития должны измеряться и оцениваться не только по текущему положению дел. В СССР Москву нацеливали на превращение в образцовый город коммунистического будущего. А жителей дня сегодняшнего - на выживание, приспособление. В условиях нынешнего перехода, в отсутствие стабильных правил игры многие мыслят категориями сегодняшнего дня, используют сиюминутные оценки. Но в развитии города в короткий срок ничего не достигнешь. Можно только дыры латать. Руководство города и страны обязано видеть и ближнюю перспективу. Как хороший водитель на дороге смотрит вперед и про зеркала заднего вида не забывает.

Разумеется, у меня есть мнение о том, что хорошо и что плохо для города. И я никогда не стесняюсь это мнение высказывать. Но никому его не навязываю, всегда стремлюсь, прежде чем принять решение, выслушать тех, кого оно затронет, использую оценки специалистов.

Это моя непоколебимая позиция как мэра. Навязывать городу ничего нельзя, недопустимо. Любая попытка навязывания сразу и надолго перечеркнет все расчеты и надежды на оптимальное развитие. Навязанное по определению неоптимально: если приходится навязывать, значит, людям нужно что-то иное. Бороться за свою позицию, если уверен в ней; убеждать, доказывать, агитировать - это да, сколько угодно.

Теперь вторая часть Вашего вопроса. Почему руководители сильных регионов, и я в том числе, критикуют федеральные власти чаще, чем это делают руководители регионов слабых? Ну, отчасти потому - не будем кричать душой, - что мы можем себе это позволить. Сильный регион вносит ощутимый вклад в федеральный бюджет, в экономику и жизнь государства в целом. На такой регион можно уверенно опереться. Такой регион сам решает многие свои проблемы и другим помогает.

Что такое в наше время Москва в России? Это 6% населения страны, 8% ее занятого населения, 9% основных фондов всей России, 33% занятых в науке. Москва в 2001 году дала шестую часть валового внутреннего продукта России, а в 1994 году - было только 10 процентов. В расчете на душу населения региональный валовой продукт Москвы в 3 раза больше, чем в России. По основным макроэкономическим показателям *Москва - не просто крупнейший город России, но и крупнейший субъект Российской Федерации.*

Если человек приносит в дом хорошую зарплату, он вправе поинтересоваться, на что и как она расходует-ся. Есть у него на это и моральное право, и здравый смысл - иначе бы столько не зарабатывал, и ответственность - иначе мог бы домой не принести. Это одна сторона дела. Если сильные регионы не будут спрашивать с федерального правительства, кто вообще внутри страны с него что-нибудь сможет спросить?! Разве что Президент. И это не я придумал: везде в мире крепкая федерация держится на сильных регионах, способных в какой-то степени уравнивать федеральную власть. Посмотрите на роль штатов в США или на роль земель в Германии.

Но есть и другая сторона. Сильный регион именно потому, что он сильный, первым выходит на те пробле-

мы в экономике, социальной жизни, законодательстве - в тех вопросах, до которых регионам менее развитым еще шагать и шагать. В сильном регионе раньше «прозвенит звонок». Особенно четко такие проблемы видны в Москве. Это не значит, что у другого региона проблем меньше или они менее серьезны. Там проблемы иного качества. И последствия ошибок, затягивания с решением там тоже качественно иные и как бы растянутые во времени. В Москве многого уже нет, не может быть - свободных земель, неосвоенной природы не осталось. Здесь уже качественно иные отношения человека с окружающей средой - природной, социальной, международной.

Очень часто из-за недопонимания или корысти мнение сильных регионов, их публично заявленная позиция изображаются как критика федеральной власти. Особенно часто так представляют позицию Москвы. Но, во-первых, плох тот регион и его руководство, кто не имеет своей позиции по жизненно важному для себя вопросу или боится эту позицию высказать, действует по старому принципу: «Мнение у меня есть, но я с ним не согласен». Я убежден, что подобный подход противоречит интересам не только региона, но и России. и российской государственности.

Во-вторых, открытое изложение позиции региона, Москвы - это вовсе не обязательно критика федеральной власти. Критика - это когда тебя слушают. С раздражением или интересом, но слушают. А регионы, в том числе и Москва, нередко оказываются вынуждены предпринимать попытки просто докричаться, добиться того, чтобы на их проблемы, их интересы и мнение обратили внимание.

Еще одна грань в отношениях между регионом и федеральным уровнем власти - это степень отчужде-

ния, удаленности центра принятия решений от тех людей и юридических лиц, которые своим трудом, своей работой непосредственно создают материальные ценности и приносят доход и экономике в целом, и конкретному региону, городу или району. Субъект Федерации в этом плане ближе к каждому рабочему месту, чем федеральный уровень. - и это закономерно, такая природа вертикали власти. На федеральном уровне, если экономика, бюджет затрепали в одном месте, есть возможность подправить положение за счет другого. Как правило, за счет сильного региона, сильной отрасли, сильного налогоплательщика. Это и естественно: со слабого что возьмешь?

У субъекта Федерации таких возможностей куда меньше. На мой взгляд, пора перестать стесняться разговоров о деньгах. Всем нам - что работающему человеку, что Москве - они достаются очень непросто. Круг источников дохода ограничен, его возможности известны на годы вперед, и никакими революциями здесь ничего не изменишь.

Что больше всего мешает Москве развиваться? Не ограниченность ресурсов - их никогда не бывает столько, сколько хотелось бы. Мешает более всего ставшая фактически системой непредсказуемость правил игры и перемен в них. Не только игры финансовой - бюджетной, налоговой, - но и правовой. Город планирует, намечает, принимает на себя определенные обязательства. А потом его вдруг начинают трясти как на ухабах, причем сам город никак в этом не виноват. Третье кольцо, например, уже давно должно было быть замкнуто - если бы не изменения в налоговом законодательстве, в одночасье лишившие Москву десятков миллиардов рублей. А ведь на это кольцо завязаны многие проекты и процессы в городе. Но ведь это не

только городская проблема. Вспомните, что Москва еще и столица.

Доля федерального бюджета в инвестициях в основной капитал в Москве упала с 25 процентов в 1997 году до 4 процентов в 2000-м и до 5 - в 2001 году. Можно так управлять чем бы то ни было, тем более десятиллионным мегаполисом - по масштабам его населения и экономики средним европейским государством?! Можно ставить задачи развития?!

Поэтому Москва так чувствительна к ситуациям, когда федеральные структуры с легкостью необыкновенной пытаются распоряжаться ресурсами города, идет ли речь о земле, недвижимости, налогах или чем-то ином. Слишком много за последние десять лет мы видели примеров того, как подобная лихость служила не России, а очередной группе прохвостов.

Прогрессирующее сокращение налоговой базы регионов - как это можно не критиковать?! Какой регион, не кривя душой, может это одобрить, особенно когда не видны какие-либо внятные цели такого подхода со стороны федерального уровня? Я могу понять объективные требования. Например, растет угроза извне, нужно обеспечивать обороноспособность и безопасность страны. Или прошла полоса ЧП и стихийных бедствий - неурожаев, землетрясений, наводнений или техногенных катастроф. Или государство осуществляет национальную масштабную программу, которая резко улучшит положение в экономике, социальной сфере...

Но ведь ничего подобного нет! Есть, напротив, длительный период крайне удачных для России мировых цен на нефть. Накопили жирок, нарастили резервы Госбанка, рассчитываемся с внешними долгами, выплаты в этом году грозили нам кризисом - справились,

вроде даже без особых усилий. Так к чему и зачем обдирать регионы, подрубать их потенциал развития?

Лично у меня два взаимодополняющих ответа. Один - чтобы регионы и их руководители были покладистее, не проявляли излишней самостоятельности в делах и суждениях. Чтобы знали руку, которая кормит. Ну, давайте тогда прямо и честно скажем, что возвращаемся в унитарное государство, к командно-административной системе. Надо же понимать, что если после всей нашей истории в прошлом веке опять начнется разлад между словами и делами, то государство развалится окончательно. По одной только причине: не останется ни *грانا доверия*. И прежде всего не останется его к государству, к закону и Конституции. Ни у граждан, ни у бизнеса, ни у местных структур самой же власти.

Скажу больше. Наш федерализм последнего десятилетия во многом искусствен. Он родился не потому, что этого требовали регионы. - большинство из них ничего не требовало и не требует. Только просит. И не потому, что все мы вдруг дружно прозрели и поняли: федерация - это здорово! Прозревали все тоже по-разному.

Наш федерализм родился из неспособности прежнего союзного центра тащить дальше все - и стратегический паритет с США, и коммунальное хозяйство, и снабжение, и посевные, и уборочные, и прочая, и прочая. Вот тогда-то и стали перекладывать на регионы ответственность за то, что центру было уже не по силам и, главное, не нужно. Чаще всего «забывая» при этом передавать вместе с ответственностью права и ресурсы. Россия же, как самая большая из республик, полностью унаследовала эту проблему.

И сейчас центр избавил себя от ответственности за львиную долю социальных программ и многого друго-

го. Центр перекладывает обязательства на регионы и местное самоуправление и не спешит делиться с ними налоговой базой, реалистически просчитывать иные возможности выполнения таких обязательств. Иногда для видимости «компенсирует» потери налогами, которые невозможно собрать. Попутно перекладывает будущую политическую ответственность за положение дел с себя на регионы. Но все это имеет мало общего с тем, как должны выстраиваться подлинно федеративные отношения.

В ходе такой плодотворной деятельности центр накопил сил и стремится вновь восстановить максимально возможную власть над регионами. Власть ради власти - потому что никаких вразумительных программ подъема, обновления, возрождения России пока нет. И это не имеет ничего общего с управляемостью государства, с «вертикалью власти». Это потакание инстинктам бюрократии, которое ведет прямым путем к потере всякой управляемости, к лавинообразному нарастанию произвола. Уверен, Президент этого не хочет. Но объективно тенденция пока такова.

Аппетит растет не только на столичные земли и недвижимость. Конечно, то и другое - лакомый кусок. Но те же процессы происходят и в других регионах. Просто мы в Москве об этом реже слышим, меньше знаем, чем о делах собственных. Я же общаюсь с коллегами - главами субъектов Федерации, мэрами городов. И знаю круг их текущих забот и волнений.

Главных причин у нынешнего наступления федерального центра на позиции и интересы регионов я вижу три.

Политическая: вернуть утраченные полномочия, приумножить их, восстановить жестко централизо-

ванное государство, каким в последние его десятилетия был СССР.

Психологическая: многие из тех, кто в большом количестве пришел за последние годы в различные федеральные органы, привыкли администрировать, командовать - а в экономике это работает плохо или вообще не работает.

И слишком часто корыстные групповые интересы: слишком уязвимо пока еще наше государство перед манипулированием его институтами и законами со стороны отдельных неформальных групп, которые складываются на пересечении интересов бизнеса и бюрократии.

Я прекрасно понимаю, что распад, разрушение СССР, плавно перешедшие в кризис новой России, должны были завершиться или катастрофой, то есть распадом Федерации, или реставрацией, новым «собранием» России, наведением в ней элементарного властного порядка. Это и происходит с рубежа 2000-х годов. С этой точки зрения укрепление федерального центра - дело благое и необходимое. Но вопрос, как всегда, в мере и в качестве. Пока то и другое порождает недоумения и опасения.

Я прекрасно понимаю, что некоторая степень напряжения в отношениях федеральных ведомств и регионов неизбежна. Она вызывается несовпадением целей субъекта Федерации, который в первую очередь занят собственным обустройством и решением жизненных проблем населения региона, и целей Федерации, которая должна заниматься обустройством всей России и еще решать множество иных задач.

Представьте себе семью - хорошую и дружную. И там мы увидим достаточно много сложностей между интересами отдельных членов и потребностями се-

мейной жизни в целом. Или, например, коммунальную квартиру - подумайте, какие варианты есть, например, в формах оплаты электроэнергии и сколько здесь может возникнуть реальных, не выдуманных проблем в ситуации, когда вместе проживают разные жильцы - по достатку, привычкам и так далее.

Есть два заблуждения, два иллюзорных решения этих всех «семейных» проблем и сложностей. Эти заблуждения имеют место и на обывательском уровне, и на уровне политических элит. Одно - сепаратизм. Логика сепаратистов очень простая: у нас много всего (нефти, золота, газа, пшеницы, алмазов или, предположим, самолетов) - будем сами все это потреблять. А чего не хватает - купим. Это антигосударственная, в конечном счете противоестественная позиция. Так сложилось исторически, что наша страна может нормально жить только в единстве, регионам России друг без друга просто не обойтись - даже самым богатым и процветающим.

Второе заблуждение - максимальная или полная централизация. Государство должно быть единым, без внутренних границ, без внутренней дифференциации. И все должно сходиться в Центре и исходить из него. Но тут даже спорить не о чем.

Именно эти заблуждения лежат в основе нынешней близорукой политики по отношению к регионам. Но не только они.

Не зря все олигархи считают Чубайса «отцом родным», патриархом их олигархической экономики. Приватизация в России - после СССР с его «общенародной», а по сути государственной собственностью - не могла стать ничем другим, как разделом этой практически ничейной тогда собственности. Приватизация и стала таким разделом. Причем процесс раздела и передела

многим настолько понравился, пришелся по душе, что они готовы были бы остаться в нем если не на веки вечные, то очень надолго. Чем дольше длится этот процесс, тем больше появляется тех, кто считает себя обойденным и готов участвовать в новом переделе.

То есть процесс *внеэкономического* - подчеркиваю это! - передела собственности постоянно воспроизводит себя, даже расширяется. По мере того как все лежавшее на поверхности - предприятия, инфраструктуры, земли и т.п. - оказалось поделенным, процесс интенсифицируется, идет все дальше, становится образом жизни. Между тем развитие страны требует не переделов, а капиталовложений, строительства и производства. Непрерывные переделы, равно как и ожидание таковых, не дают ни собственникам, ни государству планировать хозяйственную деятельность больше чем на год-два вперед. А при таком горизонте «стратегических» замыслов развитие нереально.

Вот узел проблем, завязавшихся в современной России. И страна плывет по течению, удовлетворяются личные и групповые интересы, нет ни четких целей, ни стратегии преобразований. Естественно, что Москва ощущает последствия такого движения раньше, сильнее и реагирует на них быстрее и острее, чем другие регионы. Понимаю, что это многих должно раздражать. Тешу себя надеждой, что для России особое мнение Москвы окажется в конечном счете полезным.

Если абстрагироваться от «внешних» ограничителей, которые накладывают объективные общенациональные и международные процессы, какие сугубо московские проблемы Вас особенно тревожат? Что Вы намерены преодолеть в ближайшие годы?

Меня тревожат не сдерживаемый рост стоимости жизни, проблемы безопасности, старения и изношенности инфраструктур, жилого фонда и назревающий новый поворот в жилищной проблеме. Тревожит состояние экологии Москвы - не только природной, но и социальной, и культурной. Очень тревожат тенденции в демографии. Ну и конечно - экономические перспективы города.

В 2002 году Москва экспортировала товаров и услуг на 6,9 млрд долларов, а импортировала на 13,8 млрд. С одной стороны, очень приличный объем, сравнимый с показателями государств, имеющих куда большее население, чем Москва. Это хорошо. Но, с другой стороны, по этому критерию город выступает в роли нетто-импортера. Конечно, тут надо делать поправку на то, что значительная часть ввозимого в Москву предназначена в конечном счете не ей, а другим регионам РФ и

даже некоторым странам СНГ; что именно в Москву ввозится основная доля престижного импорта, тоже расходящегося по стране. Однако при всех этих оговорках задача поиска для Москвы нового места и роли в реальных секторах экономики стоит на перспективу достаточно остро.

Эти поиски не обязательно должны вестись в самой столице. Иногда относительно небольшие вложения средств Москвы в том или ином субъекте Федерации позволяют и проблемы города решать (например, обеспечивать его продовольственным сырьем необходимого качества), и помогать самому региону, создавая там рабочие места. Такую экономическую линию Москва проводит уже на протяжении ряда лет, она себя полностью оправдала, и мы намерены делать это и дальше.

Москва, по данным первой половины 2003 г., на первом месте в Европе и втором в мире по стоимости жизни. Не открою никакого секрета, сказав, что уровень и качество жизни в Москве никак не оправдывают подобного первенства. Из этого факта можно сделать несколько выводов. Первый: рыночных механизмов у нас по-настоящему еще нет. Куда ни погляди, действуют монополии, стремящиеся устанавливать максимально высокие цены на свои товары и услуги. И стремятся повышать эти цены в дальнейшем. Это путь к стагнации, а не развитию. Темпы роста экономики при этом не влекут за собой улучшения жизни людей. Рынок не расширяется, а суживается, становится узким, кастовым.

Значительная часть населения может и в следующие 10-15 лет остаться малообеспеченной. В городе растет социальное расслоение. Доходы десяти процентов наиболее обеспеченных москвичей превышали в

2001 году доходы 10 процентов наименее обеспеченных в 44,9 раза. В среднем по России этот показатель был тогда - в 13,8 раза. В странах Запада 10-12-кратный разрыв принято считать критическим.

Мы уже говорили с Вами о том, что рано или поздно Москва столкнется с проблемой, с которой уже сталкивались в разное время многие крупнейшие города мира. Концентрация в городе населения с преимущественно низким уровнем доходов сужает налогооблагаемую базу и одновременно резко увеличивает потребность в социальных расходах. И прямых - на всевозможные пособия; и косвенных - на образование, здравоохранение, социальные услуги.

Социальное расслоение нормально для того общественного уклада - называйте его капитализмом, рыночной экономикой, как-то еще, - к которому мы перешли. Избежать этого расслоения не удастся. Иллюзий на сей счет быть не должно. Надо к нему готовиться, но не в духе фаталистов, смиренно дожидаящихся Страшного суда. Накопленный в мире опыт крупнейших городов дает нам возможность представить себе, с какими проблемами придется столкнуться, позволяет заблаговременно подготовиться к ним, снизить их остроту. Ставная из таких мер - это культивирование среднего класса. Или у населения будут средства для оплаты жизни в большом и дорогом городе; или наиболее важные части социальных расходов возьмет на себя государство, поделив их между федерацией и регионами; или город начнет медленно, но неудержимо деградировать.

О проблеме транспорта я отчасти уже говорил. Мы столкнулись в Москве одновременно с несколькими узлами этой проблемы. Планировка города, как она исторически сложилась, осложняет транспортную си-

туацию и потребует в ближайшем будущем огромных средств на строительство Четвертого кольца, линий «легкого метро» в районы за МКАД и к аэропортам Внуково и Шереметьево - средств, которые по новому распределению налогов у города забрали, ничем их не компенсировав. Само метро находится на пределе возможностей, расходы на его радикальное расширение должны быть поделены с государством. Наземный транспорт связан городскими «пробками». Огромное число москвичей пользуется льготами, механизм оплаты которых не отлажен. Гражданам просто разрешили ездить бесплатно, как при коммунизме. При этом транспортным предприятиям такие расходы никак не компенсируются, а они весьма велики - до 40% от потенциальной выручки за продажу билетов. Рост тарифов и введение платы в зависимости от расстояния неизбежны, но они не панацея. При поездке на работу москвич делает минимум одну пересадку, то есть только для поездки на работу и домой он должен купить минимум четыре билета. Если среднее время в пути в один конец больше часа, значит, практически каждый москвич едет на работу, учебу через весь город.

Выход лично я вижу только один: проведение в Москве и стране курса на долговременное и неуклонное увеличение доходов населения. Государство в 1992-1993-м и в 1998 году принесло средний класс в жертву олигархической приватизации и олигархическому капитализму. Между тем средний класс не только предпосылка и основа гражданского общества, он еще и тот самый массовый платежеспособный спрос, наличие которого определяет, будут у нас экономика и рынок современные или сродни феодальным. Стимулирование среднего класса, его социальная и политическая поддержка, гарантии безопасности его экономическо-

го и правового положения - это не социализм в его «собесовском» варианте. Современная экономика просто захлебнется без опережающего развития платежеспособного спроса. Это самая рыночная политика, альтернатива которой - длительная и, не исключая, глубокая деградация. Время для «раскручивания» такой политики стремительно уходит. Москва, большие города почувствуют приближение этих проблем одними из первых.

Транспортная проблема тесно связана со старением инфраструктур и жилищного фонда. Образно выражаясь, немалую часть Москвы придется ставить на капитальный ремонт. Это перекрытые улицы, суженные транспортные потоки, перепланировка схем движения и целых микрорайонов. Москва накопила огромный и ценный опыт массового жилищного строительства. Но скоро город потребует гораздо большего. Нам еще предстоит создавать, осваивать и технологии комплексного обновления городских инфраструктур в обжитых, плотно заселенных районах города. Москва создает новый индустриальный пояс. Промышленные предприятия из центра и старых районов планируется перевести в специальные зоны. Необходимые площади будут получены за счет неорганизованных рынков. Возможен и перенос железнодорожных вокзалов.

На мой взгляд, назревает глубокий поворот в жилищной проблеме. В прошлом центральной задачей было обеспечение москвичей квадратными метрами. Задача не снята, хотя в рыночных условиях решать ее стало намного труднее. У большинства населения нет средств на улучшение жилищных условий. При существующих уровнях доходов и стоимости кредитов ни ипотека, ни другие формы приобретения жилья не

могут стать достаточно массовыми. Одновременно назревает потребность масштабного обновления того жилого фонда, что построен в Москве 30-35 лет назад. Снижение темпов нового строительства - это плохо со всех точек зрения - социальной, экономической. А не ремонтировать старые дома просто нельзя, это чревато авариями и жертвами. Однако и тут все упирается в средства, особенно в тех случаях, когда жилой фонд находится в собственности граждан.

Нам не избежать создания в Москве, России в целом рынка наемного жилья, существующего повсюду в мире. Но для очень многих наших граждан поворот этот может оказаться болезненным не столько даже экономически, сколько психологически. И крайне важно заранее принять все меры к тому, чтобы формирование хотя бы этого рынка не шло в таких варварских формах, какие преобладали у нас на протяжении 1990-х годов. Чтобы оно не привело к еще одному раунду массового обнищания населения.

Другая проблема: надо связать в единое целое природное, социальное и культурное пространство Москвы. Среда, окружающая человека, не из одной только природы состоит. В городе окружающая среда рукотворна, искусственна. Наши парки, бульвары, скверы должны стать такой же неотъемлемой частью, визитной карточкой города, как Кремль и Красная площадь. Конечно, мы будем и впредь сохранять и обновлять парки, скверы, озеленять дворы и улицы. Но это не природа - точно так же, как не вполне природа огород или клумбы вокруг дачи, цветы на подоконниках или собака, кошка, хомячок в квартире. Все это жизнь - но давно не дикая природа.

Человек уже несколько тысяч лет идет к созданию вокруг себя собственной среды обитания. Разговоры о

возвращении к природе кажутся мне еще одной массовой иллюзией. Какое возвращение, если тысяча квадратных километров заасфальтирована, застроена ввысь и вниз, пронизана коммуникациями?! Что нам медведей в Москве разводить, боровиками все засеивать? На это уйдет лет 500, и то вопрос, получится ли. И куда самим москвичам деваться?

Городскую среду нужно признать, принять ее в этом качестве и развивать впредь как единое целое. Именно это я имею в виду, говоря о необходимости *системного подхода к развитию города*. Мы создали рукотворный мир - нужно быть последовательными и осознанно творить его дальше. Понимать, что такой мир будет нуждаться в постоянном поддержании, в грамотной эксплуатации, в периодических капитальных ремонтах, модернизациях.

Если кто-то из москвичей мусорит во дворах и подъездах, на улицах, ведет себя с привычной, к сожалению, расхлябанностью, не утруждает себя никакими усилиями по поддержанию чистоты и порядка, это не просто неприятно и неудобно окружающим. Это разрушение с большим трудом и затратами созданной среды обитания. Дома, сооружения, оборудование при таком к ним отношении быстрее изнашиваются. Все это не только дополнительные расходы - Москва в 2002 г. ежедневно вывозила 7,6 тысячи тонн мусора, - но и лишние выбросы в атмосферу города. Потребуются лишние площади на свалках... да много чего тянет за собой такая расхлябанность.

И ведь не скажешь, что все это делают какие-то пауперы или пришельцы из потустороннего мира. Очень часто это такие же москвичи, вполне благополучные и с виду даже приличные. Как можно гадить там, где живешь?! Это какая-то мутация. Люди живут среди людей, но не считаются с интересами других. Такой образ жизни по сути своей антисоциален, он

продуцирует хаос там, где еще вчера была культура. Знаете, мне очень близок один персонаж Михаила Булгакова - профессор Преображенский. Я тоже считаю, что разруха начинается в головах...

Что с этим делать? Конечно, надо с детства, с садика, со школы прививать культуру человеческого общения. Потому что если десять миллионов человек будут вести себя, как первобытные существа, город этого физически не выдержит. И никакие затраты не спасут, даже если для них средства найдутся. И все-таки... будем убирать. Снова и снова. Потому что позади нас Москва, и потерять ее мы не можем.

К сожалению, не все москвичи ощущают и осознают себя москвичами. Степень такого осознания и формирует реальную культурную среду. Помните, Вы спрашивали меня, можно ли стать москвичом? Отвечаю еще раз - можно! Критерий прост и ясен. Москвич тот, кто заботится о своем городе точно так же, как каждый нормальный человек заботится о своем доме.

Особая социальная проблема - бомжи. Их развелось в Москве видимо-невидимо. Люди это несчастные, многие глубоко больные. Советский метод «лечения» - сто первый километр - остался в прошлом. Но бомжи как явление - крупная социальная проблема для Москвы. Очень трудно уважать город и самого себя в нем, если на каждом шагу натыкаешься на людей, потерявших всякий человеческий облик. Бомжи - это катализатор стабильных анклавов нищеты, антисоциального образа жизни. Считаю, что город или несколько крупных городов, субъектов Федерации, при поддержке федеральных властей, должны сформулировать социальный заказ: помочь таким людям и вернуть их в общество.

И, наконец, демография. Население Москвы сейчас растет преимущественно за счет приезжих. Среди са-

мих горожан преобладают старшие возрастные группы, и смертность москвичей до последнего времени превышала рождаемость. Если в будущем сохранится значительный приток приезжих, то перед городом встает задача выработки и осуществления программы их культурной интеграции в Москву. Речь не о навязывании языка, русификации, хотя язык города надо знать. Нужно помогать людям быстрее осваиваться в незнакомой среде обитания, принимать ее нормы, правила и требования. Это не столько вопрос гуманизма, сколько вопрос поддержания культурной среды нашего города.

Специфика Москвы в том, что если не принять предупредительных мер сейчас, в ближайшие годы многие районы столицы могут превратиться в огромные «гарлемы». Социальное расслоение, износ и дряхление районов застройки 1950-1970-х годов, разделение москвичей по конфессиональным, этническим, иным группам - если подобные процессы получат развитие, это может привести к распаду Москвы на несколько социально-культурных анклавов, каждый из которых станет «городом в городе». Эта тенденция чревата не только бедностью, не только преступностью - хотя все это проблемы для города, и проблемы трудные. Но значительно более страшно формирование очагов анти-социальной культуры - очагов, способных расширять свое влияние на город и страну. Появления подобных очагов в Москве надо избежать любой ценой.

Не принимайте все сказанное за пессимизм или мрачный взгляд в будущее. Не в моем это характере. *Вы спросили о проблемах-я и говорил о проблемах.* Мой вывод простой: нужны исследования и прогнозы. И если назревание проблем подтвердится, нужна долгая и целеустремленная работа на опережение.

Юрий Михайлович, Вы более десяти лет руководите столицей. Наверное, и в политике Правительства Москвы, и в решениях мэра что-то сегодня покажется неправильным, ошибочным. Что бы Вы сегодняшней хотели изменить в своих прежних решениях, пойти по другому пути?

Я не хочу прямо отвечать на этот вопрос, и вот почему.

Во-первых, я считаю, что никаких *принципиальных ошибок* мы в Москве после 1991 года не совершили. Таких, про которые уже сегодня можно было бы обоснованно сказать: наломали дров. В Москве ничего подобного нет. Даже наши самые жесткие и непримиримые критики ничего серьезного предъявить не могут. Москва живет, работает, строится. Проблем в ней много, но все они естественны для большого города и для нынешнего переходного периода в стране. Ни про одну из этих проблем нельзя сказать, что она создана собственными просчетами московского правительства. В самые трудные годы Москва не знала веерных отключений электричества, не сидела без отопления, не ходила пешком. Аварии, трудности и проблемы были, катастрофических ситуаций мы не допустили.

Во-вторых, прошло еще слишком мало времени, чтобы могли в полной мере проявиться все социальные, экономические, иные последствия тех стратегических решений по Москве, которые принимались на протяжении 1990-х годов. Они начнут проявляться в лучшем случае еще лет через пять или даже позже. Наверняка в этих последствиях наряду с положительными моментами будут и отрицательные. Так уж устроена жизнь. Но в отношении последних нельзя гадать. Их надо анализировать и намечать меры по корректировке, устранению. Возможно, что-то со временем будет пересматриваться. Но гадать или заниматься демагогией - не в моем характере.

И третье: есть одна психологическая ловушка, в которую управленец попадать категорически не должен. Не имеет права. Пока вы не приняли решения, перед вами открыто множество альтернатив. Приняли решение, даже заведомо самое лучшее, великолепное - и все альтернативы отпали, осталась только одна, выбранная вами. Пройдет какое-то время, и появится предательская мысль: «Если бы я поступил иначе, все могло бы быть лучше». Самое любопытное, что мысль эта придет обязательно, независимо от того, какое решение вы приняли и что выбрали. Наверное, наша психика так устроена. Поддаваться подобному самокопанию нельзя. Если есть объективные основания скорректировать принятое решение, надо в этих основаниях спокойно разобраться и поступить соответственно. Но - *поступить*, то есть принять новое решение и начать его осуществлять. А пустая рефлексия на темы «если бы да кабы» противопоказана точно так же, как летчику слабое здоровье или водителю никуда не годное зрение. Для руководителя это признак его профессиональной непригодности.

Если я вижу, что какое-то решение сформулировано неудачно, не приносит тех результатов, на какие рассчитывали, я не становлюсь в позу непогрешимого. Это не подвиг, не пиар. В управлении есть понятие обратных связей. Принял решение, начал его осуществлять - посмотри, что получается, как оно соотносится с твоими изначальными целями, расчетами. И если нужно, откорректируй решение или измени, отмени его. Так все эти годы работает московское правительство. Именно поэтому у нас и есть положительные результаты. И если я сейчас скажу - «да, вот такой вопрос, пожалуй, можно было бы решать иначе», - читатель будет вправе поинтересоваться: а чего же ты его не перерешал, если так думаешь? Что помешало? И такой читатель будет прав.

Задача руководителя заключается не только в способности отвечать на вопросы, которые ставит время, но и в предвидении завтрашних проблем. Что нам готовят грядущие годы? Что завтра будет головной болью для рядовых москвичей и для «отцов города»?

Если мы «сегодня не подозреваем», то как я могу ответить на Ваш вопрос? О проблемах города я уже сказал многое, не хочу, да и не нужно повторяться.

Подчеркну другое, чего мы пока если и коснулись, то вскользь. Проблемы Москвы - сегодняшние, уже известные и понятные, даже надоевшие, или будущие, пока неясные, - это проблемы не только города, московского правительства, мэра. Конечно, они наши, по службе и по совести. Но это проблемы и каждого москвича. Никто не ждет, разумеется, что горожане возьмут на себя выполнение тех функций, которые возложены на правительство и службы города. Есть люди, которые за это зарплату получают, они и должны работать.

Но никакая структура власти не будет эффективна, если вокруг нее среда, больше напоминающая вакуум. Был в прежние времена такой анекдот про пять противоречий социализма: «Никто не работает, а планы выполняются. Планы выполняются, но нигде ничего нет. Нигде ничего нет, но у всех все есть. У всех все

есть, но все всем недовольны. Все всем недовольны, но все всегда за». Вот нет хуже условий работы, чем когда «все всегда за». Если одобрение и поддержка заслужены и выражаются от чистого сердца - это прекрасно, это высшая из наград.

Но в данном случае я опасаясь той разновидности «поддержки и одобрения», что маскирует равнодушие, безразличие, а иногда и скрытое недоброжелательство. Я не о себе лично, у меня таких обид нет. Я о характере связей между властью и обществом, между правительством города и горожанами.

Честное слово, во многих случаях я предпочитаю открытое и ясно выраженное несогласие. На него можно опереться. Ну, не согласны с мэром - скажите прямо, подумаем вместе, обязательно придем к общему решению. Это нормальный процесс. А когда вокруг слышишь восхваления и одобрения вперемежку с глухим брюзжанием - работать трудно. Очень напоминает советские партсобрания, перед которыми в курилках говорили одно, на самом собрании единогласно голосовали «за» и разбегались в разные стороны, полагая свой долг выполненным, задачи решенными.

Мы, граждане России, сегодня в Москве и в стране имеем все возможности стать подлинными хозяевами своей жизни. Но для этого *ими надо становиться*. Это трудно. Иногда рискованно. Да, победа, выигрыш не гарантированы. Неизбежны просчеты, ошибки, разочарования - особенно поначалу. Да, не отрываться от привычного дивана перед телевизором и легче, и приятнее. Но тогда хозяином нашей жизни станет кто-то другой. Не знаю кто, но что не мы - точно.

Речь даже не об общественном самоуправлении, которое реально в Москве только на уровне отдельных жилищных кооперативов, товариществ, максимум -

микрорайонов. Такое самоуправление тоже должно начинаться с повседневной активности граждан в самых простых вопросах. Сколько по Москве подъездов, темных не только потому, что лампочка перегорела, ее разбили или украли - но просто потому, что никто не возьмет на себя труд позвонить диспетчеру и попросить ее вставить!

Еще проще: не мусори вокруг себя. Донеси до урны, до контейнера - их сейчас на улицах хватает, - до мусоропровода... «Нет денег на уборщицу. И на такой оклад никто не идет...» Это только половина дела, если не меньше. Просто этаж или подоконник стали клубом местных курильщиков, выпивох. Собираются они там каждый день. Но остальные-то жильцы - нормальные люди!..

Вот самая большая проблема Москвы, а наверное, и всей России. Острый, чудовищный дефицит самоуважения, чувства собственного достоинства у значительной части населения. Не у всех, конечно: но очень и очень у многих. Отсюда идет большинство всех прочих проблем. Наделенный развитым чувством собственного достоинства человек не бросит окурки или обертку на улице не потому, что боится штрафа, милиции, осуждения прохожих... А потому, что ему самому это было бы неприятно и противно. Таким поступком он оскорбит прежде всего самого себя. Есть у человека самоуважение - он не потерпит безобразия в подъезде и во дворе, не потерпит хамства должностных лиц любого ранга, не пройдет равнодушно мимо того, о чем надо кричать в мэрию, милицию, в СМИ. Уважающий себя человек - и только он, никакой другой - будет активным гражданином, потому что развитое собственное достоинство не позволит ему оставаться безразличным и равнодушным. Человек же от всего отгораживающийся - это гражданин только по паспорту.

Одними призывами положение не исправить. Призывы нужны - не проходи мимо; не веришь милиции - позвони по горячей линии в мэрию. Видишь, что чиновник, местная власть делают что-то не так, вымогают взятки - поднимай шум, зови журналистов, привлекаяй внимание. Мэр не всеведущ, он не может присутствовать везде одновременно. А главное, апелляция по любому поводу к нему - мне это лестно, зачем кривить душой. Но ведь это возрождение, укрепление в новых условиях и на неопределенное будущее старинной русской веры в «добротого царя», справедливого барина. Они, дескать, разберутся, наведут должный порядок. *Они, а не я - вот корень, суть, вирус болезни нежелания и неспособности быть гражданином.*

Я знаю, что нежелание и неспособность - специфическая форма самозащиты от всех лишений и испытаний, которые обрушивала на россиян история страны. Преодолеть, изжить этот инстинкт - вот задача, сверхзадача и власти городской, федеральной, и граждан России. Всю практическую политику государства надо направить на изживание этого инстинкта...

Я, конечно, понимаю, что хочу слишком многого. Но глаза боятся, а руки делают. И московские власти, город будут этим заниматься всерьез. Только вот не решить полностью эту задачу в отдельно взятом городе, будь он столица или райцентр. И не решить ее, пока все население страны не станет гражданами. Обществу нужны уверенность и самоуважение, стабильность и чувство собственного достоинства.

XII

**«Я УБЕЖДЕН
В ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ
РОССИИ»**

В книге «Возобновление Истории» Вы говорите о реальности угрозы самоликвидации России. Российский раздел книги буквально испещрен вопросительными знаками, и создается впечатление, что мэр Москвы перестал быть оптимистом. Так ли это?

Есть классический анекдот о пессимисте и оптимисте. Пессимист говорит: некуда хуже. Оптимист: нет, может быть еще хуже. Но если говорить серьезно, то я бы предпочел говорить о *реализме*.

Человек может быть оптимистом или пессимистом. Политик должен быть реалистом. Он обязан видеть действительность такой, какова она есть. Но из этого совсем не следует, что я сторонник тезиса: «Политика - искусство возможного». Если бы было так, то слишком часто России в прошлом оставался бы один путь - лечь под образа и тихо помереть. В старину говорили: «Когда Бог посылает испытания, он посылает и силы их выдержать».

Я убежден в жизнеспособности России, в том, что у нее есть и ресурсы, и возможности для развития, подъема. Для того, чтобы обеспечить многим поколениям своих граждан достойную жизнь, чтобы прочно

закрепиться в кругу тех государств, достижения и прогресс которых определяют направленность и ход мирового развития. Я убежден также в том, что ни возрождение России, ни лучшая жизнь, ни уважение к России и готовность считаться с ней в мире *не придут сами собой*. Все это потребует и от нас, и от новых поколений упорной, напряженной, целеустремленной работы.

И именно потому, что я в этом убежден, моя позиция имеет мало общего с оптимизмом или пессимизмом, особенно в том виде, как их у нас часто себе представляют. Я прежде всего реалист; и будут ли мои оценки конкретной ситуации оптимистическими, зависит от прочтения этой ситуации в более широком контексте: городском, российском, если нужно - то и глобальном. Когда я говорю, например, что Москве уже сейчас были бы крайне необходимы еще 100 километров метрополитена, но их нет и до 2010 года точно не будет, то это не пессимизм. Это реалистическая оценка возможностей города, побуждающая лично меня по крайней мере искать иные альтернативы и решения.

Сохраняется ли сегодня риск того, что эволюция России пойдет по нисходящей? Что в ее экономике, обществе, в отдельных отраслях и регионах усилятся элементы и тенденции деградации? Риск того, что под влиянием различных причин, внешних угроз начнут зримо проявляться процессы дезинтеграции, распада России на слабо связанные друг с другом регионы? Причем даже необязательно ожидать явного распада страны по аналогии с ликвидацией СССР: он может принять иные, скрытые, а потому куда более опасные формы. На мой взгляд, на все эти вопросы думающий человек вынужден отвечать сегодня одним словом - «да».

Да, все эти риски сохраняются. Было бы последним делом не видеть этого, не понимать. От рисков саморазрушения страны не уйти. Страусиная политика эти риски может только усилить.

Почему эти риски присутствуют в нашей нынешней жизни? Зря распался СССР, не тот выбор сделали, проводим в корне неверную политику? Если бы все обстояло именно так, то мы бы имели дело не с рисками, а с национальной катастрофой. Риск - это возможность угрозы, опасности, неудачи. Вероятность, но не предопределенность. И природа рисков, актуальных сегодня для России, совершенно иная. Она - в революционном переходе от бывшего СССР к России XXI века.

Революция сама по себе ничего не создает. Она рушит - насильственно - старое и тем создает пространство, предпосылки для нового. Но новое еще предстоит построить, и сделать это смогут совсем другие люди. Не революционеры, не разрушители (хотя среди них попадаются и герои). Это должны быть люди с психологией созидателей. И прежде необходимо остановить, прекратить запущенные революцией процессы разрушения. Вот где скрыты глубинные причины стоящих перед Россией рисков: процессы разрушения не были остановлены своевременно. Они приобрели свою инерцию, социальную базу, их продолжение приносит ряду лиц и групп влияния вполне ощутимые выгоды. Побороть названные риски можно, только полностью заглушив рецидивы разрушения. Сами собой эти риски и питающие их причины не исчезнут. Пессимизм в такой борьбе не помощник: но и от оптимизма как такового толку мало.

Подходить к оценке будущего, его перспектив и альтернатив, к выбору целей, пути развития надо взвешенно. Не может быть и речи о наполеоновско-боль-

шеви́стском «ввяжемся в бой, а там посмотрим». Оптимизм без критической мысли, без объективного анализа, без ответственности перед людьми, народом, страной способен рождать худшие образцы политического и социального радикализма. В России результаты подобного оптимизма известны слишком хорошо.

Говорить о проблемах нынешних и будущих, о трудностях, с которыми может столкнуться Россия, не означает быть пессимистом. Это неперемное условие готовности к любым жизненным поворотам, готовности успешно преодолеть любые проблемы. Давайте вспомним, как готовят пилотов или космонавтов. С ними на тренажерах десятки, сотни раз проигрывают все мыслимые и немыслимые ситуации, в том числе самые редкие, маловероятные. В них воспитывают пессимистов? Наоборот, их учат быстро и эффективно принимать решения, учат постоянной готовности и устойчивости в стрессовых, нештатных ситуациях.

В свое время мы пели «Союз нерушимый» и официально разделяли «чувство исторического оптимизма». В то же время за границей были написаны десятки вполне серьезных книг на тему о возможности и даже неизбежности распада СССР. Реакция у нас была «Хай клеветуха!» Нам сильно помогла эта страусиная позиция, когда дошло до кризиса? Весной 1991 года, когда весь мир открыто отсчитывал недели и дни до распада Союза, мы проводили референдум на тему «В каком СССР вы хотите жить?».

Я остаюсь реалистом. Я хочу видеть все проблемы и сложности предстоящей задачи. Все ее до поры скрытые подводные камни и мины замедленного действия. Ее потенциальные масштабы и вероятные последствия. И я хочу все это знать и видеть не для того, чтобы опустить в бессилии руки. Для этого никаких зна-

ний и усилий не требуется. Мне нужно видеть всю сложность и многовариантность реальной картины для того, чтобы максимально грамотно, качественно выбрать свой путь, наметить цели и оптимально к ним двигаться.

В чем разница между реалистом и оптимистом? Оптимист жизнерадостно верит. «Верю в светлое будущее России, в то, что ей суждено достичь новых духовных и научных высот, экономического процветания, уважения в мире! Верю, что Россия найдет в себе силы подняться из кризиса, восстановить и приумножить свой потенциал во всех областях!»

Великолепно. Я искренне хочу того же самого. Но *оптимист при этом оказывается сторонним наблюдателем.* Он же верит в Россию, чего ей еще от него надо?!

Вот чего я категорически не приемлю в записных оптимистах. Сто лет назад было сказано: патриотизм - последнее прибежище негодяев. Смысл этой фразы совсем не в том, в чем нас уверяли долгие годы, - дескать, патриотизм плох, он постыден. Ничего подобного. Ее смысл иной - когда негодяю уже некуда деться, когда он почти разоблачен, то ему не остается ничего другого, как рядиться в одежды патриота. Так вот, в нашей стране стало модно рядиться еще и в одежды оптимиста. Не хочу оказаться в компании ряженых.

Реалист твердо знает и понимает, что все в жизни дается трудом. И чем выше цели, которые мы себе ставим, тем больших усилий, труда, работы души, разума и тела потребует их достижение. Не «Россия» достигнет чего-то по щучьему велению, а нам всем придется хорошенько потрудиться, чтобы она чего-нибудь достигла. И если мы этого не сделаем или сделаем плохо, то и результаты будут далеко не те, о которых так хорошо грезят сегодня оптимисты. Все то, что есть сей-

час в России, все то, чем мы можем по праву гордиться, ее достижения - все это доставалось нашим предкам тяжким трудом, потом и кровью. Ничто не свалилось с неба, не пришло само собой. Вряд ли впредь будет иначе. А к серьезной, трудной работе надо серьезно подходить и готовиться.

Так что тем, кто истолковал «Возобновление Истории» в рамках «оптимизма-пессимизма», я бы рекомендовал перечитать книжку еще раз уже с учетом сказанного здесь.

Миллионы людей в России за последние тридцать лет построили на своих четырех или шести сотках собственные дома-дачи. Это *величайший политический и социальный факт*. До этого свои дома строили только крестьяне. Но в 1920 - 1960-е годы крестьянское строительство фактически прекратилось. Одних раскулачили, другие уехали в города, оставшиеся просто выживали. И вот у нас появились два поколения, построившие дома собственными руками. Пусть это часто еще не жилье, а только крыша от непогоды - дело не в этом. А в том, что людям, на собственном опыте узнавшим, каково построить самому пусть простой и скромный, даже бедный дом, записным оптимизмом мозги не запудришь. Они уже знают и понимают, что к чему и почему в этой жизни.

Мне вспомнился один такой курьез. У каждого человека по жизни есть учителя. У меня такими учителями были Леонид Аркадьевич Костандов, министр химической промышленности, впоследствии зампред Совмина СССР, и Иван Захарович Резниченко, заместитель министра по капитальному строительству. Иван Захарович был выдающимся организатором строительства, масштабным руководителем, прекрасно знавшим свое дело. Надо же такому случиться: он,

как и все в те времена, получил шесть соток в Подмос-
ковье, и нужно было строить домик. К тому времени я
был уже опытным строителем деревянных домов -
отец-плотник научил. Я предложил Ивану Захарови-
чу: «Давай сами построим». Сделал проект, расчет по-
требности в дереве, и работа началась. После ее завер-
шения, а строили мы два года вдвоем по воскресень-
ям, Иван Захарович сказал мне, что никогда в жизни
он не получал такой практики и не представлял себе,
насколько это трудно: самостоятельно выстроить дом.
И это. повторяю, говорил талантливый организатор
промышленного строительства!

Мы - имею в виду Россию, но, наверное, вопрос
можно ставить и шире - вошли в новую эпоху обще-
ственно-психологического развития. Когда всевоз-
можные духовные костыли и подпорки - а оптимизм
один из таких костылей - уже не только не нужны, а
активно мешают. Как мешают костыли всякому здоро-
вому человеку, в них не нуждающемуся. И пора их от-
бросить. Пора ставить в лоб самые неприятные и боль-
ные вопросы и искать на них ответы.

Я бы назвал эту новую историческую эпоху *эпохой
легитимации интеллектom*. Тысячелетиями люди
принимали как естественное и законное все то, что
исходило от власти. Сама власть воспринималась как
Богом данная, и этого было достаточно. Сначала за-
сомневались в божественном происхождении власти.
Со временем родилась концепция представительной
демократии. Теперь мы хорошо знаем, как можно ма-
нипулировать и выборами, и общественными настро-
ениями.

Сегодня даже волеизъявления избирателей не до-
статочно для того, чтобы власть воспринималась как
полностью законная. Если ее действия противоречат

здравому смыслу, то все ссылки на результаты выборов бесполезны. СССР распался не потому, что якобы проиграл «холодную войну»: проиграл он ее или нет, вопрос спорный. И не из-за экономических неурядиц: в жизни страны бывали времена, экономически неизмеримо более тяжкие. Но прежде всего потому, что принципы, на которых он был основан, его повседневная жизнь в большом и малом начали противоречить и здравому смыслу, и науке. Не может человек десятилетиями на словах считать правильным одно, а на практике жить по-другому. Так уж он устроен.

Когда мы сегодня задумываемся о будущем России, о том, как сделать страну процветающей и динамично развивающейся, ни на минуту нельзя выпускать из поля зрения того, как выбор цели, путей и средств ее достижения, ожидаемые результаты должны соотноситься с эволюцией нашего разума, здравого смысла, с развитием науки. Это и есть реализм. Иначе *впечатляющие результаты могут оказаться в глазах людей нелегитимными* - а вот это и будет самой тяжелой по последствиям неудачей.

Хочу Вам сказать еще одно. Настоящий политик должен быть не только реалистом, но и мечтателем, если хотите, фантазером - сквозь разруху и упадок видеть подъем и величие. Будущее - города ли, государства - не является механическим продолжением того состояния, которое есть сейчас. Если бы так было, то деградация и упадок были бы нормой жизни и нашего существования. Но Человек с большой буквы - он всегда ориентирован на идеальные цели. Человеческая деятельность - это преодоление данности, это осуществление несуществующего. Если бы не было мечты, остановилось бы развитие.

Вы часто говорите и пишете о необходимости инвестировать в человеческий капитал, о строительстве социального государства. В принципе, в этом вы не одиноки. Разговоры о социальном государстве идут давно, а реальное государство год за годом удаляется от этого благостного образа.

Да, мы удаляемся - но от чего? От того представления о социальном государстве, которое сложилось у нас - я имею в виду прежде всего людей среднего и старшего возраста - под влиянием опыта жизни в Советском Союзе. Все мы в России вышли из советского прошлого. И хотя сам термин «социальное государство» появился только после Второй мировой войны, да и не у нас, а на Западе, можно утверждать, что принцип социального государства был провозглашен и принят к реализации в Советском Союзе еще до Великой Отечественной войны.

Представители старшего поколения хорошо помнят коммунистический лозунг: «Все во имя человека, все для блага человека!» - такие плакаты были развешаны по градам и весям. Но вся система была построена на централизации и централизованном распределении. Распределять-значит делить. Социали-

стическое государство было повернуто к гражданам этой своей стороной. Оно стало гигантским собесом. От него ждали, что оно разделит - предполагается: по справедливости-общественное богатство. И соответственно справедливость и несправедливость социального строя определялась в сфере распределения - *деления*.

Коммунистические правители поддерживали этот образ мысли советских граждан. Кстати о плакатах, я помню как-то в начале 80-х годов в Красногорске, под Москвой, видел плакат, который меня буквально потряс своей абсурдностью. Там было написано: «Ответим ударным трудом на заботу партии о повышении жизненного уровня народа!» Это не анекдот, хотя, если вдуматься: первичным провозглашается «забота партии о повышении жизненного уровня народа», то есть распределение, а ответом на эту «заботу» должен был стать «ударный», то есть производительный труд. Хотя на самом деле проблема формулируется с точностью до наоборот: первичен производительный труд, к которому «партия» - то есть государство - прямого отношения не имеет.

С 1970-х годов советская система впадала во все более очевидный кризис. И принципиальным ее недостатком была не скромность жизненного уровня. Дело не в этом. Система не развивала, а подавляла мотивацию человека, снимая с него необходимость - и лишая его практической возможности - заботиться о том, что должно быть предметом забот прежде всего самого человека. Возлагая на государство объем ответственности и функций, который для самого государства чрезмерен и с которым государство справлялось неудовлетворительно (не может и не должно государство заниматься химчистками, детскими садами и тысячами

других аналогичных дел!), советская модель ставила человека в полную зависимость от государства. Она мешала ему - часто прямо препятствовала - быть гражданином, предъявлять государству законные требования, спрашивать с него. Поскольку человек зависел от государства, то приучался к иждивенчеству, а у государства не было достаточных ресурсов для удовлетворения всех нужд населения, и степень их фактического удовлетворения начинала все больше зависеть от личных связей и отношений. Иными словами, советская модель социального государства объективно (хотели того или нет) поощряла, стимулировала возникновение и распространение в обществе отношений блата, клановости, теневой экономики, теневой политики и халявности.

Любые попытки повторить этот опыт губельны для страны. Я вынужден был говорить в книге «Возрождение Истории» о России как неустойчивом государстве. Неустойчивость нашей страны определяется ее гигантскими пространственными масштабами и разнородностью - физико-географической, климатической, культурной. Процесс деления общественного достояния «по справедливости», только его запусти, обязательно приведет к тому, что станет раскалываться Россия, ее цельный и внутренне спаянный народно-хозяйственный комплекс. Произойдет то, что произошло с Советским Союзом. Вспомните: украинские националисты горевали по поводу того, что «москали едят наше сало», казахские - что хлебом кормят весь Союз, узбекские - что их хлеба лишают и заставляют хлопок для всего Союза выращивать, русские - что Россия расходует силы на индустриализацию «окраин».

Но СССР больше нет. От всего этого мы сейчас уходим. *Не можем* не уходить - потому что нет уже того

государства, той экономики, той системы отношений в обществе. Можем мы при этом рухнуть в полное забвение всякой социальной ответственности государства, в свертывание всех статей социальных расходов? Риск велик. Есть даже достаточно заметные и влиятельные в обществе люди, которые считают, что так и должно быть, что надо восстановить «закон естественного отбора». Сами они давно позаботились о том, чтобы на них этот закон не распространился. Что противостоит этому риску?

Противостоят коренные интересы самого русского народа, русского государства. Остались в прошлом те времена, когда под угрозой войн, нападений извне государству были гарантированы лояльность, патриотизм и преданность его населения. Ушли в прошлое и те времена, когда государство могло обеспечивать свое господство и власть в стране просто голыми силами, монополией на информацию, жестоким подавлением всякого инакомыслия, запретом на выезды за рубеж, жестким их контролем и тому подобными мерами. По разным причинам, но в современном мире все это не только не эффективно, но оборачивается против того, кто прибегает к подобным средствам.

В таких условиях у государства остаются два главных пути обеспечить собственную легитимность: естественная любовь человека к своей Родине и конкурентоспособность самого государства в решении стоящих перед обществом проблем. Но согласитесь, трудно любить режим, приносящий мало пользы или даже немалый вред своей стране. Я не беру крайние случаи деспотических режимов. Я беру тот самый случай, когда здравый смысл человека не может примириться с тем, что представляется ему неразумным. Согласитесь, что чем сильнее и искренней любишь

свою страну, тем с большей нетерпимостью будешь относиться ко всему, что ее ущемляет. А *социальное государство в современном мире - непременная и важная часть эффективного государства*. Вот мы и пришли к тому, что любое современное государство - даже независимо от типа его устройства, господствующих в нем идеологии, политических сил, и всего остального - вынуждено будет быть государством социальным. Просто ради того, чтобы поддерживать собственную конкурентоспособность и не подрывать своей легитимности в глазах собственного населения.

Вот те два полюса - всероссийский собес невозможен, но и полный отказ от социальной функции государства потребовал бы возвращения к репрессивным методам и средствам управления, - между которыми нам предстоит найти, провести в жизнь оптимальный для России курс. Попробую сформулировать его исходные моменты.

Главное, основополагающее: современное государство обязано быть социальным. Без этого оно не только не имело бы права именоваться цивилизованным - в конце концов, и с неважной репутацией прожить можно, - оно не сможет стать конкурентоспособным, весомым в мире. Можем мы назвать с вами сейчас хоть одну страну, любую, которая бы отвергала функции социального государства и при этом хоть что-то представляла собой в экономике, политике, культуре современного мира? Даже наркосиндикаты держатся на том, что выполняют минимум социальных услуг в тех районах, где они выращивают наркотики.

Государство должно определить для себя ключевые цели и направления своей социальной деятельности. Минимум - забота о тех категориях населения, которые без его поддержки физически не выживут. Когда

сегодня видишь старика, роющегося в мусорном баке, это оскорбительно и унижительно не для него, но прежде всего для страны.

Бесспорно, помощь должна быть адресной; но она должна быть и эффективной. Когда сегодня государство выплачивает 50 рублей пособия на ребенка в месяц, это оскорбление, настраивающее против власти всех, кто об этом знает. Потому что купить на него можно одну баночку детского питания, которую ребенок съедает за один раз. Многие родители и не обращаются за таким пособием - унижительно и нет смысла. Пособие должно пособлять. Значит, надо находить ресурсы, оптимизировать госрасходы, поднапрячь олигархов и т.д., но людям платить сумму, на которую ребенка можно хотя бы прокормить.

Правда, вновь возникает мотивационная ловушка. По опыту развитых стран Запада, да и бывшего СССР, хорошо известно, что есть категории населения, готовые удовольствоваться весьма невысоким уровнем жизни - но на пособия, а не зарплаты. То есть система социальной помощи и поддержки должна быть разработана таким образом, чтобы не плодить иждивенческие или даже откровенно паразитические, антисоциальные слои и группы. Не думаю, что это неразрешимая задача, но и не слышал, чтобы кто-то работал над ее решением.

Должна быть продуманная система всевозможных социальных страховок. Это государственная часть пенсий. Это разовые пособия людям и семьям, потерявшим на государственной службе здоровье, кормильца, имущество. Это пособия пострадавшим в результате стихийных бедствий, от террористических актов, техногенных катастроф и т.п. Наверное, многое другое - я говорю сейчас о принципе, не о деталях его реализации.

Отдельной, но крайне важной частью социального государства должны стать - особенно в России - охрана и обновление окружающей среды. Почему эту функцию я отношу к числу социальных? Потому что экология - это качество жизни человека. Качество, выражающееся не только в красивом и чистом пейзаже за окном, в пении птиц, чистом воздухе. Качество жизни - это еще и ее продолжительность. Это здоровье и взрослого населения, и детей, особенно новорожденных. Это - энергетика человека, наличие или дефицит у него жизненных сил. Качество экологии - это и социальное самоощущение, и самосознание человека: я живу в ухоженном городе, чистой стране - или на помойке? Это очень значимые вещи, особенно когда мы говорим о будущем России.

И наконец, должна быть определена та система - тоже система! - социальных функций государства, цель которых - содействие развитию общества, экономики и самого государства. Это поддержка всех форм и видов образования - и прямая, и через стипендии учащимся, студентам, аспирантам. Это поддержка науки, культуры, музейного дела. Не буду перечислять всего, принцип очевиден.

Сплошь и рядом приходится слышать, будто у государства нет на все это сегодня средств. Но их никогда не будет столько, сколько хотелось бы. Их нет сегодня в желаемом, необходимом количестве ни у Америки, ни у Европы - нигде и ни у кого. Выход один, «неприятный», но действенный: разумно расходовать то, что все-таки есть. Сколько средств уже вбухано в так называемую «реформу образования», о содержании, целях, необходимости которой до сих пор нет ясности и идут острейшие дискуссии? И сколько подобных примеров неоптимального, даже откровенно ошибочного,

нерационального расходования средств можно найти, если всего-навсего полистать газеты?!

Будет российское государство социальным или нет, и если да, то сколь эффективным, решающим образом зависит от общества, от граждан. Нужен постоянный, мощный, квалифицированный нажим в пользу такого государства. Не «качание прав» со стучанием касками или перекрытием дорог, но *квалифицированная работа*, которая подсказывала бы государству - а если нужно, то и требовала бы с него, - что, где и как следует сделать, как выстроить приоритеты на конкретный период, в данном регионе и так далее. Нужны квалифицированные - то есть профессионально грамотные, состоятельные-инициативы общественности, способные завершиться, при необходимости, разработкой законопроекта, острым судебным процессом, открытием новой общественно-политической дискуссии. Нужна система практического сотрудничества властей всех уровней и общества в решении социальных вопросов.

Будуту нас активные граждане, действенное гражданское общество - будет и социальное государство. С другой стороны, где, как не в социальной области, обретать необходимый политический опыт?

Но как все-таки преодолеть застой, как перейти к иному качеству? Ведь страница за страницей, глава за главой выстраиваются неразрешимые проблемы. Юрий Михайлович, Вы не боитесь обратного эффекта? Не получится ли так, что своим реализмом Вы внедрите в сознание людей ощущение неминуемой катастрофы?

Пивное, что в переменах заинтересованы очень и очень многие. Прежде всего граждане, население. Заинтересованы те слои бизнеса, которые живут производством реальных товаров и услуг, а не финансовыми махинациями. Заинтересованы все мыслящие люди, которые понимают, что любая побрякка, потакание своему шкурному интересу сегодня - это неминуемое ослабление собственных же позиций завтра. По-моему, в совокупности все те, кого я назвал. - это большинство населения страны.

Чего не хватает? Многого, к сожалению. Личной мотивации гражданина, кем бы он ни был. Четкого понимания: того, что нужно лично тебе, за тебя никто другой сделать не сможет. Умения действовать настойчиво. целеустремленно и эффективно. Действовать настырно, даже занудно - изо дня в день, из года в год, пока не будет достигнут результат. В нашем характере

иное: зажегся идеей, вспыхнул энтузиазмом и кипучей энергией, изобразил бурную деятельность - и остыл, и в сторонку..

Но главное, не хватает самоорганизации. Можно сколько угодно критиковать на кухнях и митингах политические партии, правительство, «олигархов», кого хотите еще - пользы от этого будет ноль. А можно создать общественную организацию с четко выраженными целями и начать кампанию общественных действий. Уверяю Вас, эффект будет, и быстро. Это уже доказано опытом всех развитых стран.

Есть ли те, кто заинтересован в застое, в сохранении «мутной воды», беззакония, в расширении возможностей для злоупотреблений, махинаций, криминала? Разумеется, есть. Было бы странно, если бы их не было. Это пена, взбаламучиваемая на поверхности любой революцией.

Не надо думать, что катастрофы, даже общенационального масштаба, обязательно должны всех пугать. Помните «Буревестника» Максима Горького: «Пусть сильнее грянет буря!» И простое, народное: «Кому война, кому-мать родна». Есть люди, которым выгодны катастрофы. Их катастрофами не испугаешь, они сами эти катастрофы готовят. Катастрофа - это всегда ломка, прекращение действия Закона, разрушение моральных устоев... Для одних катастрофа - момент гибели, для других - вождеденное время «Большого Хапка».

Так вот, все эти люди никуда не денутся, никогда не умерят своих притязаний и appetитов, пока им не будет противопоставлена эффективная общественная активность. Но проблема в том, что многие общественные движения, возникшие на рубеже и в первой половине 1990-х годов, оказались на поверку не более чем трамплинами для особо честолюбивых товарищей.

Такие партии отработали - и выбросили за ненужностью. А сами общественные организации оказались не в состоянии избавиться от подрывавшего, разрушавшего их руководства, мобилизоваться, найти свое место в обществе и в отношениях с властями. Ни одна из современных политических партий не была задавлена властями! Они просто оказались недееспособны, дискредитировали и себя, и саму идею.

Имея перед глазами этот печальный опыт, люди честные, образованные, порядочные и профессиональные часто говорят: «Какой же смысл идти в политику, ведь все равно верх возьмут проходимцы?» Пока честные и порядочные будут продолжать самоустраиваться, ожидая, когда проходимцы исчезнут сами собой, рассчитывать на серьезные и устойчивые перемены к лучшему, на улучшение общественного здоровья не стоит. Это не пессимизм, это реалистическое прочтение ситуации.

О проблемах. Они, к сожалению, не в моей книге - они в жизни. Конечно, можно о них не писать и не говорить. Кому-то нравится жить, не вынимая голову из песка, а там хоть трава не расти. Но по моим наблюдениям, абсолютному большинству такая поза дискомфортна. Странно и смешно доказывать в наше время - и при нашем-то историческом опыте, - что если проблемы игнорировать, не разбираться в них и не принимать должных мер, то ничего хорошего из этого не выйдет и выйти не может. Ну, если очень противно говорить и думать о проблемах, не читайте эту книжку. Купите детектив.

Был такой британский разведчик, позднее ставший писателем, Сомерсет Моэм. В преддверии февраля 1917 года он написал примерно следующее: впечатление такое, будто элита России начисто лишена ин-

стинкта самосохранения. Она ведет себя так, как будто все в ее жизни неизбежно навечно, и ее положение никогда не сможет измениться к худшему. Не актуальны ли эти слова и сегодня? Вот только одна ли элита ведет себя подобным образом? Не болеем ли мы все в большей или меньшей степени этой болезнью?

Появляется в условиях демократии такой тип политического поведения: говорить только то, что не расстроит избирателя. Что усладит его слух, наполнит душу бальзамом и «сделает ему красиво». Вариант «общества потребления»: потребляем только вкусное, приятное. Знаете, если кормиться одним шоколадом, то рано или поздно стошнит или здоровье придет в полнейшее расстройство.

Есть два способа отношения к проблемам. Один - надеяться на авось, ждать, пока гром не грянет, и только тогда, если уцелел, начинать думать, что же теперь предпринять и кто во всем виноват. Другой способ - своевременно уловить и проанализировать проблему, выявить ее причины, поставить диагноз, наметить необходимые контрмеры и начать действовать на опережение. Выбор между этими способами оставляю читателю.

Я, конечно, не располагаю полным набором рецептов. И важно, чтобы поиски стратегии для России были публичными, чтобы в них участвовали не только какие-то предполагаемо гениальные экономисты или социологи, а все заинтересованные люди. Чтобы эта историческая стратегия развития и укрепления России была принята нашими людьми, как сейчас говорят - была бы ими приватизирована, стала для них «родной», своего рода «русской национальной мечтой», а не чужой схемой, навязываемой извне. Очень важна открытость, откровенность, важен

отказ от табу и политкорректности, умолчаний и лицемерия...

Наши проблемы не являются неразрешимыми. Они трудные, сложные, с некоторыми из них нам еще жить десятилетия. Не надо боязнью жизни, боязнью ее проблем позорить самих себя и Россию. Жизни без проблем не бывает. Но тот, кто готов верить в чудеса, доверяться сладкоголосым сиренам от политики, может быть твердо уверен: завтра его ждут проблемы куда более сложные, тяжкие, а возможно, и страшные, нежели те, от которых он попытался спрятаться сегодня.

Не являются ли все рассуждения о выборе пути развития просто сотрясением воздуха? Может быть, нас просто несет по течению, и проблема заключается в том, чтобы не расшибиться о скалы?

Возможно, Россию сейчас несет по течению. Мы во многом пользуемся результатами той исторической инерции, которая была задана великими строителями России - политиками, военачальниками, путешественниками, учеными. И великим русским народом, который строил великое и мощное государство.

Конечно, пошли многочисленные течи в корпусе корабля. И нормальная реакция - заделать их. И как заделывать их, мы, как правило, знаем и даже имеем соответствующие силы и средства.

Но есть и проблема выбора пути. И вопрос это далеко не так прост, как Вы его сформулировали, - сотрясение воздуха или нет.

Можно ли по своему желанию выбирать путь развития? На этот вопрос есть вполне определенный ответ: да, можно. Мы хотим и будем осуществлять такой выбор.

Верно ли это утверждение? СССР ведь выбрал, и у него в итоге ничего не получилось. Государства «третьего мира» тоже выбирали модернизацию, развитие, получали на эти цели международную помощь - а разрыв между ними и самыми развитыми странами только увеличивался. Так, может быть, выбирать все-таки нельзя? То есть заявлять-то можно - «идем в авангарде человечества», «входим в число цивилизованных государств»... А вот реализовать такую декларацию куда сложнее.

Ответственность на каждом из нас - нравится нам это или нет. Принимаем мы ее сознательно, энергично или бежим, как черт от ладана. Если бежим, она нас неминуемо нагонит. Мы создали задел под нормальное гражданское общество. Есть демократия, есть рынок, есть разделение властей, весь спектр политических партий и свобод... Если все это окажется нереализованным, винить и благодарить нужно будет *только* самих себя.

Наверное, на пути к намеченной цели надо помнить старые, как мир, слова: «Господи, дай мне силы изменить то, что я могу изменить; дай мне стойкость принять со смирением то, что изменить не в моих силах; и дай мне мудрость отличать одно от другого». Наша проблема сегодня - в мудрости. Чаще - в ее дефиците.

Весь XX век человек пребывал, да и сейчас еще пребывает в состоянии *полузнания*, в состоянии недопонимания того, что знает. Он узнал колоссально много по сравнению со своими далекими и совсем недавними предками. Но это «много» наделе еще страшно мало по сравнению с кругом и масштабом задач, которые встают. В Москве и России, в мире и перед каждым из нас. Нам показалось, что наши гипотезы - еще очень поверхностные, неконкретные - это уже ответы, гото-

вое знание. Хуже того - будто они законы, которым подчиняется мир. Нам стало мерещиться, что достаточно принять решение - и все проблемы вытянутся по стойке «Смирно!» и промаршируют в небытие. Возникла иллюзия всеисилия.

На самом деле мы подобны Колумбу. Мы отправились в «Индию», не ведая, куда приплывем и доплывем ли вообще. Но пока еще мы твердо уверены, что плывем в «Индию». Не наткнуться на скалы на этом пути - задача-минимум. Не надо смотреть на нее свысока - это вопрос жизни мореплавателей. Она требует хорошего капитана, слаженной команды и просто удачи. Задача-максимум - доплыть. Если бы Колумб в свое время не ошибся на целую половину земного шара, мир сегодня был бы другим. Лучше или хуже - не знаю. Но другим.

У нас тоже нет карт, мы тоже колумбы: каждый своей жизни, а все вместе - будущего России. И карты пути в это будущее составлять нам. Обходить все рифы и мели, пробиваться через штормы, рисковать, ошибаться, платить за ошибки и заблуждения - тоже нам.

Конечно, нам нужны ориентиры, *«русская мечта»*, к которой могла бы стремиться вся Россия. Мы много пережили фальшивых целей, на собственной шкуре узнали, что такое дорога, ведущая в тупик. Мы прошли и через диктатуру, и через самоизоляцию от мира. Мы прошли и через союз с «третьим миром» в борьбе против «Запада», и через сверхцентрализованное государство. Мы все это пережили, и, надеюсь, нас больше не увлекут красивые слова демагогов и фанатиков.

Давайте честно смотреть в лицо жизни, со всеми ее проблемами и заморочками. Не такая она у нас плохая. И очень интересная.

СОДЕРЖАНИЕ

К ЧИТАТЕЛЮ

5

I. «ФОРМУЛЫ ВЛАСТИ НЕ СУЩЕСТВУЕТ?..»

7

II. КАК И ЗАЧЕМ РЕФОРМИРОВАТЬ ВЛАСТЬ?

27

III. ГДЕ КОНЧАЕТСЯ ГОСУДАРСТВО?

53

IV. ОТКУДА БЕРЕТСЯ БЛАГОСОСТОЯНИЕ?

83

V. О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

125

VI. ВАРВАРСТВО ПРОТИВ ЦИВИЛИЗАЦИИ

153

VII. ЧТО ТАКОЕ БЕЗОПАСНОСТЬ?

185

VIII. НОВАЯ ГЛОБАЛЬНАЯ ИЕРАРХИЯ

215

IX. «РОССИЯ СОСРЕДОТАЧИВАЕТСЯ».
ОРИЕНТИРЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

243

X. МОСКВА — ЭТО ОСТРОВ ИЛИ ПЛАЦДАРМ?
В ПОИСКАХ СУБЪЕКТА РАЗВИТИЯ

277

XI. «МОСКВА БУКВАЛЬНО ОПУТАНА ПРОБЛЕМАМИ...»

325

XII. «Я УБЕЖДЕН В ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ РОССИИ»

355

Лужков Юрий Михайлович

ПОСОБИЕ ДЛЯ БУДУЩЕГО МЭРА

Двенадцать бесед в библиотеке

Издательские и полиграфические работы выполнены
ОАО «Московские учебники и Картолитография»

Генеральный директор *С.М. Линович*

Ответственный за выпуск *О.А. Слуцкий*

Редактор *Е.М. Кострова*

Художник *В.И. Кучмин*

Компьютерная верстка *Е.В. Успенская*

Корректоры *Н.М. Мяглова, И.А. Теплова*

Издательская лицензия ИД № 02938 от 03.09.2000 г.

Подписано в печать 12.09.2003. Формат 70х100/32.

Бумага мелованная. Гарнитура типа «Таймс».

Печать офсетная. Печ. л. 12.0. Тираж 20 000 экз.

Заказ 3918.

ОАО «Московские учебники и Картолитография»

125252, Москва, ул. Зорге, 15.

Тел.: (095) 195-86-47, 943-24-76. Факс: (095) 195-89-01

